

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

2. 2024

Традиционные чтения у памятника А. Кешокову в день памяти Поэта

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакуашева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

2. 2024 МАРТ–АПРЕЛЬ

КОРНИ

Главы из романа

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

А. П. Кешоков

От переводчика

Этой ошибки мне никогда не исправить. Как я могла не увидеться со своим кумиром, когда он был совершенно открыт и жил в шаге от меня, в шестнадцатизэтажке на Большой Бронной прямо позади Литинститута. И мои однокурсники-земляки навещали его не единожды. А я почему-то стеснялась. Не было в моем литературном и переводческом активе ничего, достойного внимания Алима Кешокова.

Я увидела его слишком поздно. В день похорон. Тем холодным январским днем двор Кабардинского драматического театра не вмещал тех, кто пришел попрощаться с народным поэтом.

*К своим истокам все равно
Вернусь я в завершение цикла,
Как возвращается зерно
В ту землю, где оно возникло...*

Прошло еще семь лет. В перерыве какого-то литературного мероприятия ко мне подошли сразу два наших ведущих литературоведа и уважаемых профессора – Адам Гутов и Юрий Тхагазитов. И спросили, не возьмусь ли я перевести роман Кешокова «Лъапсэ». Только природный такт мог заставить двух мэтров задать вопрос именно так: не возьмусь ли я! Да я мечтать об этом не могла! Выходит, я все-таки встретилась с Алимом Кешоковым?..

Перевод вышел в издательстве «Эльбрус» в 2009 году, к 95-летию писателя. Книги уже нет в природе, даже у меня не осталось экземпляра. Она разлетелась так, как ни одно издание в последние десятилетия. Странно, что о ней активно заговорили лишь после выхода русскоязычной версии. Но это уже вопросы к читающей аудитории и об отношении ее к родному языку.

О романе. В фонде нашего радио сохранились многочисленные записи интервью с Алимом Кешоковым (спасибо старшим коллегам). В одном из последних интервью Алим Пшемахович, уже будучи нездоров, в чем сам и признавался журналистке Раисе Афауновой, сказал: «А теперь я написал новый роман. Роман еще не родился, но родились те, кто готов его топтать. Как втапывали меня в грязь

одиннадцать лет кряду за «Сломанную подкову». Потому что новый роман еще страшнее».

«Корни» – действительно страшный роман, страшный своей правдой, как прошлого, так и настоящего времени. Роман многоплановый, переходящий из настоящего в прошлое, из женского взгляда на жизнь (и как это ему удалось!) в жесткое мужское повествование о трагической судьбе народа. К счастью, на момент выхода книги времена сменились, взгляды на историю тоже, и роман был принят литературным и читательским сообществом более чем благосклонно.

Наконец, о переводе. Боялась ли я подступиться к нему? Не к роману, а к Автору? Да, конечно. И то, что его уже нет среди живых, и он не сможет меня одернуть, поправить, вовсе не облегчало моей задачи. Напротив, я чувствовала на себе его взгляд и укоризну всякий раз, когда перечитывала текст и находила свои промахи. Литераторы меня поймут, это общая болезнь для всех нас: сколько раз читаешь свою работу, столько раз и редактируешь.

Когда издательство Марии и Виктора Котляровых объявило о готовности переиздать «Корни» (выход ожидается к 110-летию Алима Кешокова), я предоставила им рукопись в новой редакции. И сейчас, выбирая отрывки из романа для публикации в «Литературной Кабардино-Балкарии»... догадаетесь, что я сделала? Отредактировала еще раз. И так, наверное, будет несметное количество раз. Ничего не сделаешь, болезнь редактора. А может, я все еще получаю замечания от Алима Пшемаховича?..

Бабушку мою звали удивительным именем Дафарадж. Она рано овдовела, успев родить лишь одного ребенка. Потом она вышла замуж во второй раз и прожила до ста лет в кругу своих внуков и правнуков. Но обо всем по порядку. Мужа своего она в шутку называла «мой убыхский тыквоя». Надо сказать, это была совершенная напраслина: правая рука князя, он должен был сопровождать его во всех походах, а в редкие свободные дни без передышки работал в своем хозяйстве: прополка посевов, уборка хлеба, сенокос, уход за скотом – все было на нем, и народная острота про обжорство, тем более дармоедство, была явно не про него.

Излюбленным направлением походов было в те времена Междуречье, долина между Псыжем-Кубанью и Индылом-Волгой. Только управятся с осенними работами, засыплют урожай в закрома – тут же несутся горячие головы в сторону Дона и блуждают в степи в поисках добычи и приключений. Многие находили погибель на этих

зыбких дорогах, так что зачастую и весточки от них не оставалось. Но князь был в расцвете сил, и никакая опасность не могла бы удержать его в четырех стенах. Едва запахнет осенью – начинает собираться в поход, словно торопится навстречу злему року. Как водится, спасшегося от чумы унес хумбылей.¹ Так случилось и с князем. Выходивший невредимым из многих переделок, нашел он свою смерть в ближнем городе. Хатрамтуг пользовался дурной славой гиблого места, особенно с тех пор, как обосновался в нем турецкий наместник Хасан-паша.

Это был неукротимый и ненасытный воитель. Со своим войском нападал на непокорные адыгские села и грабил, разорял дотла. Хасан-паша поставил себе целью усмирить адыгов и установить на их земле свое владычество. Сговорились несколько князей устроить ночной набег на Хатрамтуг. Был с ними и муж Дафарадж. На второй день друзья привезли его домой на черной бурке, под гыбзу-плач о погибшем герое... Собрались родные, завернули убитого в белый саван и похоронили. Родственницы и соседки оплакали покойного, а молодая вдова не проронила ни слезинки.

Больше года носила она траур по мужу. Однажды направилась с маленьким сыном к реке замочить коноплю. Раньше она остерегалась ходить одна – ради безопасности и своего доброго имени, но с некоторых пор махнула рукой на все условности. И в этот раз даже не подумала, что за ней могут следить. Один берег Фарза зарос колючим кустарником, а другой затенял густой дубровник, разросшийся за много лет в настоящий лес. Тхачагиж – так называли люди эту рощу, что означало «Древнее Место Богов». Здесь издревле собирались окрестные жители для молитв и священных ритуалов. Женщины никогда не ходили к реке поодиночке, всегда собирались группой, да еще и охрану с собой брали.

А Дафарадж была отважной. Кто позарится на женщину с ребенком, – так, видно, она рассуждала. Люди удивлялись смелости молодой вдовы, которая после родов только вступила в пору настоящей женской красоты. А сама же она была убеждена, что охотятся только на девушек и юношей: девушек продают в рабство, юношей насильно забирают на воинскую службу.

Погрузив охапку конопли в чистую воду и придерживая одной рукой, чтобы течением не снесло, она стала выбирать камни для гнета. Неожиданно и бесшумно появился из зарослей всадник. С деланным равнодушием проезжая мимо женщины, он как бы ненароком обронил плетку. Как полагалось по хабзе, женщина встала и потянулась за

¹ Хумбылей – хмель, по др. версии – название речушки, сильно разливавшейся во время паводков. Смысл поговорки: избежав большой опасности, можно погибнуть от мелочи.

плеткой, чтобы подать незнакомцу. Тому только того и надо было: он пригнулся и резким движением схватил ее. Крики и отчаянное сопротивление не возымели действия. Всадник умыкнул женщину. Ребенок испуганно закричал и побежал вслед, но далеко ли он уйдет? Вынырнул из кустов второй всадник и подхватил малыша: «Умолкни, собачий сын, сейчас догонишь свою мать».

Ее засунули в мешок, сунули в рот кляп, и теперь она не могла не то что звать на помощь, но и дышать. Говорили же старшие: остерегайтесь злых людей. Не слушала никого, словно был у нее за спиной могучий заступник. И теперь путь ей в турецкий застеноч. Говорят, там тьма таких, как она, и по всей Турции таких домов для пленных, для живого товара, не сосчитать. И никто еще не возвращался из-за этих высоких каменных стен... Охотники за людьми шарят по всей земле с кандалами и пристяжными лошадьми наизготовку. Свою добычу они сбывают туркам, а те уже сортируют купленный товар. Что ни ночь – груженные пленными суда отходят от пристани, направляясь к турецкому берегу, а там, в Турции, попробуй найти след – кого кому продали...

Услышав скрежет открываемых ворот, Дафарадж поняла: случилось то, чего она боялась больше всего на свете. Говорила ей мать: женское счастье замешано на слезах...

С нее стянули мешок, вынули кляп изо рта, стало легче дышать. Увидела большой двор, обнесенный каменной стеной, длинные строения, из-за крепких дверей которых раздаются то ли невнятные голоса, то ли плач.

– Вставай! Как говорится, пора ненастья – пора выделки конопли, пора тыквы – пора блаженства для женщин. Так вот, кончилась твоя конопля, но, может быть, пришла пора тыквы, – развязно сказал похититель и ткнул ее носком сапога.

– Мой мальчик! Где мой ребенок?! – женщина вскочила на ноги и стала дико озираться по сторонам.

– Найдется, успокойся, – он подтолкнул ее в сторону мрачных строений.

В темном сарае ничего нельзя было разглядеть, но осязалось, что здесь полно людей. Со всех сторон раздавались женские всхлипы и стоны. Несчастные, подумала Дафарадж, всем нам уготована одна судьба: не сегодня так завтра отведут нас в порт, на невольничий рынок...

Вырастив детей, адыгская мать говорит ему в напутствие: «Я ограждала тебя от огня, я не дала тебе обвариться кипятком». Это означало, что она свой долг исполнила, а дальше человеку надлежит заботиться о себе самому. Но знали ли наши бедные матери, что мы попадем в такую беду, когда никакая защита не поможет...

Всплыло в сознании давно услышанное слово «сидаси». Созвучно с ласкательным «си таса» – «мой родной». Сидаси – так зовут мальчика-подростка лет четырнадцати, шести пядей в росте от щиколоток до края уха. Так замеряли мальчиков на невольничьих дворах. От цены на мальчиков зависят цены на весь другой живой товар. Мужчина после сорока пяти ничего не стоит, его и даром никто не возьмет: затрат отработать не успеет, так считают работорговцы. На невольничьем рынке обычным считается вопрос: «Интересно, почему сегодня сидаси?». Дрожь прошла по телу Дафарадж. Где ее мальчик?

Дверь в вонючий сарай приоткрылась, и внутрь втокнули плачущего малыша:

– Иди, ищи свою мать!

– Сынок! Тлигур! Иди ко мне, маленький! – Дафарадж прижала мальчика к груди. – Я уж думала, ты потерялся. Не плачь, мой свет. Мы ведь не одни. Здесь много девочек. Ты среди нас единственный мужчина. Вот рассветет – увидишь все сам.

– А когда рассветет? – захныкал малыш.

Откуда же ей знать, когда кончится эта бесконечная ночь? Сколько времени минуло с того часа, как ее запихнули в мешок и застили белый свет? Она молча сглотнула горькие слезы.

Из темноты выступила женская фигура. Глаза начали привыкать к темноте, и Дафарадж разглядела девушку в нарядном платье, с длинной косой. До чего же несуразно смотрелась она в этой грязи и неуютности!

– Бедняжка, проголодался, видно, – произнесла девушка, – бери, маленький, вот чурек, у меня еще яблоко есть, хочешь? – она присела на корточки, и Дафарадж почувствовала запах духов. Мальчик перестал плакать и уставился на незнакомку испуганными глазенками.

– Возьми, сынок, не стесняйся, – сказала мать, – ты с утра ничего не ел.

Девушка, видно, и сама искала здесь, среди чужих несчастных людей, защиты или хотя бы сочувствия.

– Значит, тебя зовут Тлигур? У меня тоже есть братик, такой же, как ты, третий годик. Увижу ли я его снова?.. – Голос ее дрогнул. – На, малыш, бери чурек. Я едва успела взять его со стола, а съесть не успела... – тут она не выдержала и разрыдалась.

– Как же ты попала? – жалостливо спросила Дафарадж.

– На свадьбе. И зачем я туда поехала? Мать отговаривала, да и я не просилась.

Услышав плач, дали волю слезам и другие заточенные. Казалось, будто все здесь собрались на похороны.

Во дворе раздались голоса: «Пора отправляться. Скорее накормите ясырей». У Дафарадж волосы стали дыбом. Она слышала это слово всякий раз, когда в родном доме вспоминали двух ее братьев, знакомых

ей только по именам. Они пропали еще маленькими. Старшего похитили, как ее сейчас, и теперь он, говорят, находится в Мысыре, служит в армии. Младший попал в турецкую армию. Его увезли после того, как адыгские пленники взбунтовались на увозившем их судне и убили старшего из корабельной команды. Турецкий паша в Хатрамтуге в наказание обложил адыгов данью – по одному юноше от каждого дома. Вот так, ни за что ни про что, попал в число пленных маленький братик Дафарадж. Рассказывали, что у него на поясе висел самодельный деревянный кинжал. Увозивший его варвар расхохотался: «Оставь его дома, тебе там выдадут настоящий».

Женщина, жалуясь на мужа, говорит обычно: «Я для него рожала, детей растила!» Дафарадж всегда поражалась таким словам. Разве она рождает только для него, а не для себя? И сейчас, в этом хлеву, вдруг пришли ей на память эти слова, и пришло прозрение: на самом деле, если рождается сын, он обречен или на службу идти, или же быть подневольным и охранять покой сильных мира сего. И у девочки не более завидная доля – быть проданной в рабство или в лучшем случае в гарем какого-нибудь любвеобильного бея. О, Всевышний, в каком уголке ютилась женщина, когда Ты раздавал счастье чадам своим земным? Создал ли Ты ее лишь для беспросветного злосчастия?

Мелькнула тень в дверной расщелине, Дафарадж пригляделась и увидела двоих мужчин, они несли плетеный камышовый коврик арджен, на нем ломти хлеба горкой, в руке у одного – кувшин, у другого – деревянная миска. Распахнулась дверь.

– А ну, саранча, налетай! Ну и темно тут, хоть глаз выколи. Живее, кому сказано! Каждому по куску хлеба, сразу съедаете и запиваете миской кислого молока, миску сразу возвращаете, понятно? Миска одна на всех. Ну, давай, кто первый!

Второго, видно, раздражала такая обходительность:

– Чего расселись, как на похоронах! Торопитесь, говорят вам, как пожрете – сразу в путь. Можно красоту навести, чтобы покупателям понравиться.

Разбойники торопились, но разве ребенок это понимает? Молоко оказалось кислым, он отпил глоток и вернул миску матери. Девочки тоже, раз попробовав, возвращали прокисший айран и давились сухим хлебом. Многим же, несмотря на голод, и вовсе кусок не лез в горло. У них не оставалось сомнений в том, какая судьба им уготована. Значит, надо прихорашиваться? И кому же они достанутся? Покупатели ясырей знают толк в торге. Они сначала ощупают девушек, не обращая внимания на их протестующие крики.

Заговорившая с ребенком девушка Гуаша стояла рядом, не в силах взять в рот кусок черствого хлеба. Она старалась держаться рядом с Дафарадж – все же взрослая женщина, какая-никакая, а защита.

Маленькому Тлигуру не сиделось на месте. Он ходил по сараю и изучал плачущих по углам незнакомок. Гуаша бежала за ним и возвращала к матери. Отчаянное положение сблизило женщин, они вполголоса рассказывали друг другу о своей жизни.

Несмотря на юность, Гуаша тоже успела хлебнуть лиха. Бывая с родителями на базаре в Хатрамтуге и Хафице, она видела несколько раз, как торговали людьми. Когда в селе исчезал человек, все мужчины седлали коней и скакали в порт Хатрамтуга. Бывало, похищенного находили, но иногда за него требовали непосильный выкуп, и тогда завязывался бой. Бывало и иначе, когда похищенной девушке удавалось сбежать, а затем вместе с возлюбленным скрыться вблизи какого-нибудь русского города или поселения, получить там надел земли и выстроить себе дом. Родители пугали строптивых дочерей: «Хочешь досидеться, пока тебя работорговцы не умыкнут?!» Это обычно действовало, и девушка соглашалась выйти замуж за того, с кем сошелся в цене отец.

Отведя душу, Гуаша немного успокоилась:

– Как бы я хотела, чтобы мы с тобой были вместе.

– Конечно, сестренка, почему нет? – ответила Дафарадж.

– У тебя ребенок на руках. Нас, конечно, погонят пешком, так я тебе помогу.

– Хорошо, милая.

– Тут все в изодранной одежде, одна я вырядилась, так стыдно.

– Ты же не виновата, тебя со свадьбы украли.

– У меня волосы до пят, – сказала Гуаша, приглаживая красиво уложенную косу, и в голосе ее звучала гордость. Не этот ли предмет гордости девушек наматывается потом на мужнину руку, чтобы ловчее было плетью охаживать жену? И зачем женщины любят и холят свои волосы?..

Девушек вывели во двор, пересчитали, построили в ряд. Красивые и видные – впереди, невзрачные – в конце. Потом тщательно сплели их за косы, чтобы послушно шли друг за дружкой. А то, неровен час, улизнет какая-нибудь в кусты, ищи потом в темноте. Вот открыли ворота, двое верховых высунулись на улицу, осмотрелись, а там и всю колонну пустили. Руководил шествием главный из разбойников по имени Кареж.

В порту Хатрамтуга дожидается перекупщик. Этот проклятый турок видал виды, придиричив и вреден, едва заметит какой изъян – тут же пытается выбраковать товар и сбить цену. Но и Кареж не так прост, всякий раз хватается за кинжал, готовый выпустить кишки любому, кто вступит с ним в спор. Всю эту партию подручные наворовали по его, Карежа, заданию. Все, как одна, красавицы. Но идут слишком медленно, приводя неистового Карежа в бешенство.

Дафарадж несет сына на руках. Выпускать нельзя, а то убежит куда-нибудь, а поймать его мать не сможет, она на привязи. Вот и тащит рослого мальчика из последних сил. Время от времени его забирает идущая следом Гуаша, давая Дафарадж передышку. Карез зорко стережет свою добычу, озирается по сторонам, как бы кто не напал и не отбил девушек. Иногда в темноте кто-то спотыкается и падает, колонна останавливается. Карез снова злится.

Преодолели седловину холма, дорога пошла на спуск, а тут еще и луна выглянула, освещая путь. Завиднелось вдали море, отсвечивая темным свинцом. Идти стало чуть легче. Девушки замолкли, думая каждая о своем: кто о матери с отцом, о родном доме, о сердечной тайне, с которой теперь надо прощаться навек...

Карез дал команду остановиться.

– Поезжайте вперед и осмотритесь, все углы обшарьте. Тут место плохое, пристанище гяуров.

Опасения эти не напрасны. Среди торговцев людьми водилось отбивать друг у друга добычу. Нападут вот так среди ночи, отнимут нажитое тяжким трудом, самого же добытчика ясырей оставят посреди дороги связанным. Сам Карез не раз такое проделывал.

Перевалило за полночь, когда завиднелся порт и пузатое суденышко у пристани. Идущих, видно, заметили, и на пристани стало оживленнее, засновали черные тени.

Впереди встречавших был толстый турок, феска на его голове сидела, как наперсток на пухлом пальце, широкий белый пояс трижды опоясывал его необъятный живот. Они стали разговаривать с Карезом, девушки в ужасе подняли плач. Карез, однако, прикрикнул на них, и они испуганно смолкли. Прибой набегал на прибрежную гальку и с шорохом отступал назад.

Девушкам расплели косы, и, начиная с конца ряда, пузатый турок осмотрел и ощупал каждую. Торговцы услужливо держали фонари, а он задирали им рубахи, заглядывал в лицо, они шарахались от его гадких прикосновений, но он не обращал внимания – не впервой. Осмотренную брали за руку и тащили к судну.

Накануне замужества Дафарадж привозили на этот рынок, чтобы купить наряды. Тогда она видела, как продают женщин с детьми. Ее потрясла эта картина, но могла ли она предположить, что ее ждет та же участь... Чем только ни торговали на том базаре: атласными платками, бархатом и ситцем, шелковыми нитками, ружьями, порохом и чем угодно еще. Справлялись о цене и в ответ слышали: «две головы, три головы», «одна голова мужского пола и три сидаси». Продать девушку на выданье за пятнадцать туманов считалось большой удачей.

Карез и брюхастый турок из Хатрамтуга спорят, ссорятся, видно, не могут сойтись в цене. Оказалось, турка возмутило то, что вместе с

юными девицами привели и женщину с ребенком. Они несколько раз подходили к Дафарадж, смотрели, отходили и снова спорили, один раз вырвали из ее рук ребенка. Она смертельно испугалась, что ее малыша бросят в воду. Но она ошиблась. Карез пытался сбить ее по цене девушки, а ее малыша продать за один туман.

Они всё спорят, срываясь на крик. Турецкий язык у Кареза неважный, и изъясняются они на смеси турецкого, адыгского, да еще языка жестов.

– Объясните этому пузану, – кричит Карез во всеулышание, обращаясь к тем, кто в турецком посильнее, – будь он трижды паша, но по пятнадцать туманов за каждую я с него получу, или пропади он пропадом. Отведу ясырей в Арзрум и продам еще дороже. Чего он хочет? Девушки все красавицы, как на подбор, все рукодельницы, каждая может седельную подушку вышить.

Пузатый турок не сдается:

– Мне это не нужно, я на коня не сажусь, мне бы на телегу взобраться. Что мне с ваших седел?

– Конечно, турки седают только ослов. Лучше поглядывай в сторону ворот. Вдруг нагрянут, увидят эту ораву – и тебе несдобровать.

Карез знает: если донесут русским о проделках хатрамтугского паши – мало никому не покажется, полетит голова самого паши, заодно загребут и его со всей бандой, отберут украденных девушек. И все же пытается взять проклятого турка на испуг. Но и тот не отступает: стоит ему сообщить родителям этих красоток – они нагрянут черной тучей и разорвут воров в клочья. Однако такой исход невыгоден обоим.

– Что ж, если не договоримся, впредь не приведу ему ни одной живой души, – продолжает давить Карез, выразительно держа руку на рукояти кинжала. – И девочки никуда не денутся, просто разойдутся по домам.

Турок распаляется еще больше:

– А ты не забыл, откуда у тебя этот товар? Может, это твои крепостные? Или ты их в бою добыл? Нет же, ты их украл! Что торговец украденным, что покупатель – оба заодно, обоим виселица светит, понял?!

Девочка считается товаром после десяти лет, потом за каждый год добавляется по одному туману, так что за шестнадцатилетнюю дают обычно шестнадцать туманов. Это если торгуют своими людьми. За украденных цену назначают по договоренности. Если девушка очень красива, за нее могут дать и пятьсот рублей. Но как тут, при свете подслеповатой лампы, определишь, где красавица, а где уродина, где юное создание, а где зрелая женщина?

Пока они спорили, что-то произошло в стане пленных, раздались крики. Оказалось, Гуаша исхитрилась и выхватила кривой ятаган из-за пояса одного из караульных. Тот обмер от страха.

– Что ты собираешься делать? – в ужасе спросила Дафарадж. – Ты нас погубишь.

– Не шути с оружием, чумная! – один из охранников оказался смелее и придвинулся ближе, собираясь отобрать у нее опасную игрушку.

Девушка подняла ятаган и... рывком отсекла свою длинную косу.

– Забирай кинжал, можешь отдать его хозяину, – сказала она охраннику. – Только исполни мою просьбу.

– Какую?

– Видишь, я отрезала себе косу.

– И очень глупо сделала.

– Возьми ее. Будешь ехать через нашу буковую рощу, где меня похитили – повесь мои волосы на какой-нибудь ветке. Пусть хоть малая часть меня останется в родных местах. Может, птицы выстелют моими волосами свои гнезда, чтобы птенцам теплее было...

С этими словами она протянула ему свою косу и ятаган. Она прощалась с девичьей мечтой – обрести счастье с любимым, юношей из простого рода, но благородным, построить вместе с ним большую семью. Истаяла ее мечта, как голоса птиц за облаками.

– И всего-то? Я думал, много попросит, – только и сказал караульный. Всего минуту кинжал был в руках у Гуаши, но как взбудоражил всех, напугал даже мужчин. Не от того ли мужчины возомнили себя властителями женских душ, что носят при себе оружие? И чья на то воля была? Бога? Чем же провинились перед Ним эти трепещущие в ожидании печальной участи бедняжки? Но доля мужчин ничуть не завиднее: не проходит и дня, чтобы в аул не привозили несколько трупов.

Караульный все вертел в руке косу.

– Девушки с длинными волосами в большей цене в Стамбуле, – сказал он. – Напрасно ты отрезала, девушка.

Но она, похоже, нисколько не сожалела об утрате.

Карез с турком наконец договорились, и пленных спешно стали грузить на судно. Дафарадж тронула оцепеневшую Гуашу за плечо, и они поднялись по трапу. Девушка в последний раз глянула на берег и крикнула:

– На самое высокое дерево повесь, слышишь? – и исчезла в утробе невольничьего судна, словно ее проглотил дракон.

В трюме нестерпимо пахло стеарином, видно, среди привезенных товаров были свечи. Тьма стояла кромешная. Гуаша нашарила ногой свободное местечко у выхода и села. Кто-то командным голосом сообщал, что им надлежит сперва направиться в Сухум. Слышалась недовольная брань Кареза – то ли в деньгах запутался, то ли еще что-то. Девушки все заходили и заходили в тесный трюм, и вскоре он стал напоминать корзину с цыплятами.

Дафарадж тоже нашла место и присела с ребенком на руках. Знали бы мои родные, что со мной приключилось, они бы есть-спать не стали, а меня бы выручили, подумала она. Только кто же им сообщит? Убыхи все время в море. Если бы им только попало на глаза это ветхое судно, только бы они узнали, что мы здесь, они бы его не упустили. Или, на худой конец, встретить бы береговую охрану русских, тогда проклятые турки получили бы по заслугам.

Ей вспоминались леденящие душу истории про такие невольничьи суда, в которые набивали народу вдвое больше допустимого. Запасов воды на всю дорогу не хватало, и в пути невольники варили хантхупс на морской воде, пили морскую же воду и потом маялись животами, многие умирали и становились кормом для рыб. Рассказывали про женщину, у которой в пути умер младенец, так она, чтобы не выдать себя, прижимала к себе бездыханное тельце и все напевала колыбельную. Но через день-другой пошел трупный запах, уловку несчастной раскусили. Она боролась изо всех сил, но мертвого ребенка вырвали из ее рук и бросили в море.

Сколько же их, этих историй. Вспомнить хоть про знаменитого капитана пиратов, убыха Али-бея. Говорят, он выходил в море лишь в шторма, когда другие корабли бросали якоря в безопасных бухтах. Тогда наступал час Али-бея. Его легкое быстроходное судно, сделанное из березовой древесины и обтянутое кожей диких кабанов, не боялось высокой волны и вмещало до четырехсот человек. Он перехватывал и грабил застигнутые штормом корабли, людей брал в плен, имущество забирал себе, а судно пускал ко дну, так что и следов его никто не видал. Про Али-бея сочиняли песни, и были там такие слова: «Руку поднимет – море затихнет, а как умолкнет – тучи вещают...» Определяя свой путь по звездам, он безошибочно приставал к любому берегу, и слава о нем ходила по всем портам Стамбула, Сирии, Египта. За морем он торговал седлами, знаменитыми адыгскими кольчугами-афа, камышовыми ковриками-ардженами, медом. А к своему берегу привозил иной товар – оружие, порох, ткани, шелковые и золотые нити для непревзойденных мастериц, и много еще всякой всячины. В родном порту легкое судно без труда выволакивалось на берег, сушилось и очищалось от морских наростов.

Утомленный тяжелым днем, безмятежно спал на руках у матери маленький Тлигур. Работали гребцы без устали, и сидящим внутри было слышно их бесконечное «й-их – а-ах, й-их – а-ах». Чем усерднее они гребли, тем дальше и зыбче становились очертания берега, оседали подпиравшие небосвод горы. Караульные беспокойно бегали взад-вперед, их топот и гортанные перебранки пугали девушек, и без того сжавшихся с один общий затравленный комок.

Дафарадж знала по рассказам, что до Стамбула плыть неделю. Отправляясь за море, ее земляки собирали в дорогу пропитание:

на каждого – головка сыра, сапетка проса, один, а то и два вяленых бараньих бока, фандыра² воды. Правда, весь этот провиант мог не пригодиться. Суда часто попадали в шторм, их выкидывало волной на прибрежные скалы, как это было с печально известным кораблем «Нусреддин-Бахры».

Дафарадж с тоской вспомнила родное село, соседей, веселую прозрачную реку. Ее охапку конопля, наверное, водой унесло. Да пропади она пропадом, эта конопля, из-за нее она попала в лапы разбойников. Неугомонная же. Ее отец часто говаривал: верхом на ветру бодает волну. Она вздрогнула от неожиданной мысли. Не в такой ли день надо седлать ветер и грести против волны? Огляделась вокруг. Караульные дремали. Она встала и сказала вполголоса:

– Слушайте меня. Да перестаньте хныкать, послушайте! – она настороженно огляделась – не подслушивает ли кто. – Знаете, что сегодня за день? День благословенного Или. Это значит, сегодня Бог поможет в любом начинании. Гляньте в окно. Хатрамтуг уже не виден. Пока не поздно, надо седлать ветер и бодать волну. Кто со мной?

– А как это... бодать волну?

– Узнаешь. Только слушайте меня.

– Говори, я с тобой.

– И я, и я...

– Лучше утонуть, чем принять уготованную нам судьбу, – сказала Гуаша. А Дафарадж только того и надо. Она перешла на шепот:

– Я разыграю припадок, прикинусь чумной и буду кататься по полу. Я видела, как умирали в нашем селе заболевшие чумой, знаю, как это бывает. Вы начинаете громко подвывать и зовете охранника. Как прибежит – начинаете кричать: «Там у двери чумная, уберите ее!»

– Да ты что, – испугалась Гуаша, – думаешь, тебе лекаря позовут? Возьмут и выкинут в воду!

– А мне этого и надо.

– А ребенок?

– Потом и нас всех вслед за тобой отправят! Ты не знаешь, как с чумными поступают? Истребляют целыми семьями, со всем имуществом в придачу!

– Успокойтесь, тогда им придется утопить и турка, который меня ошупывал. Пусть бросают в воду. Я привяжу ребенка к спине, если смогу выплыть – выплыву, а нет... Давайте, поднимайте крик, а как придет караульный, я тут настороже сижу, у выхода, брошусь ему в ноги и свалю, а вы навалитесь и свяжете его, рот заткнете чулком или тряпкой какой-нибудь, потом бросайтесь в воду. Берег еще недалеко.

– А караульного куда? – робко спросила одна из девушек.

² Фандыра – бочка.

- Куда, куда, вместо нас пусть остается.
- А я плавать не умею, – раздался жалобный голос.
- И я не умею, – отозвались другие.
- Я и море-то впервые увидела...
- А если они лекаря приведут, что тогда? – снова спросила Гуаша.
- Откуда? Они до нас парафиновые свечи перевозили, для чего им лекарь?.. Ладно, кто не умеет плавать – оставайтесь, такова, значит, воля Бога. Остальные прыгаете за мной.
- Уж лучше утонуть...

Дафарадж забилась на полу в припадке. Остальные подняли плач и крик, да так правдоподобно, словно сами поверили этой сказке. От шума проснулся ребенок и заплакал. «Большая» корчится в рвотных позах, бьется в судорогах, бормочет что-то бредовое. Распахнулась дверь, и появился напуганный турок:

- Что случилось? А ну, замолкните!
- Но девушки воют и причитают еще громче:
- Чума! У нее чума!
 - Ч-чума?! У кого?!

Караульный в ужасе попятился, но тут Гуаша схватила его за рукав и втащила в помещение, а Дафарадж ловко обвила его за ноги, караульный рухнул на пол, тут навалились остальные девушки. За минуту дело было сделано. Теперь все бежали к корме вслед за Дафарадж. Но подоспели гребцы. Могучие мужланы с измозоленными руками охалками заталкивали девушек обратно в трюм. Дафарадж вырвалась и перемахнула за борт. Ребенок был крепко привязан к спине. Будь что будет. Его бы все равно утопили...

«Только бы малыш не захлебнулся», – с ужасом думала Дафарадж, выныривая на поверхность. Он крепко держался за ее шею. Глотнув воздух, еще сильнее сомкнул свои ручонки. Значит, жив, хвала Всевышнему. Выросшая у воды, она плавала хорошо. Сделала два-три сильных гребка и обернулась. Никто за ней не следовал. Девушки, по всему, испугались и пошли на попятную. Даже Гуаша побоялась. А что погони нет – тоже понятно, кому нужна чумная, пропади она пропадом. И девушкам теперь строго-настрого запретят говорить, что среди них находилась больная, – еще бы, тогда покупатели будут от них шарахаться. Итак, Дафарадж была одна посреди моря, помощи ждать неоткуда, и она что есть силы устремилась к видневшемуся вдаль берегу. Вода студеная, но об этом некогда думать – только бы доплыть... Когда показалось, что силы покинули ее, рука коснулась берега. Какое-то время лежала недвижно, дышать было больно. Потом отвязала веревку, опоясывавшую ее крест-накрест, и высвободила мальчика. Скованный страхом ребенок не проронил ни слова. Она прижала к себе сына и всмотрелась в морскую гладь. Поверхность

отсвечивала, как зеркало, а где-то на линии горизонта виднелся невольничий корабль, напоминавший присевшую на воду бабочку. Близко или далеко он был – не разобрать, вода искажает расстояния. Жаль, что не встретилось им по пути убыхское судно. Освободили бы пленниц, и остались бы они на родной земле. Несчастные девочки.

– Тлигур, сыночек мой, совсем оконечел, – она прижала к себе все еще безмолвного малыша, но как его согреешь, если сама вся синяя от холода. Ничего, главное, ребенок спасен. Вот уже и солнышко взбирается на кромку моря, и след его на свинцовой глади рассветной воды похож на ковровую дорожку, что стелют перед невестой, когда вводят ее в дом жениха под звуки гармоники и выстрелы в воздух.

Отдыхавшись, они вскарабкались на крутой берег, укрылись в небольшой расщелине. Дафарадж отжала их одежду, встряхнула на ветру, чтобы хоть сколько-нибудь высушить. Осторожно выглянула из укрытия и с радостью обнаружила, что по другую сторону пригорка в глубине уютится маленькое селение, чем-то напоминавшее ей родной аул. Вот так же они ютились среди холмов, открытые со всех сторон. Бывало, она, девчонка, взберется на высокое дерево и наблюдает, нет ли откуда опасности, не видно ли грабителей или похитителей людей. Завидит незваных гостей – и давай кричать: «Разбойники! Воры!». Мужчины хватали оружие и сбегались к месту сбора, готовые выйти навстречу опасности. Если нападал недруг – женщины с детьми прятались в пещерах, старики поджигали свои дома, мальчики угоняли скот и прятали по расщелинам.

Они шли сквозь густые заросли, мать высматривала на опустевших ветвях остатки отошедшего изобилия – яблочко или грушу, чтобы хоть чем-то накормить малыша. Поле вчерашней краюхи хлеба с миской кислого молока они ничего не ели. Вдруг совсем рядом заблеяла коза, и Дафарадж от неожиданности схватила сына в охапку. Осторожно раздвинув ветки, она увидела на проплешине небольшое стадо овец и коз, и маленького пастушка при нем. Это было спасением.

– Доброго дня, братишка, – подала голос, выходя из зарослей. Однако мальчик не ответил на приветствие – он испугался и помчался в сторону села с криками «воры, воры!».

– Не воры мы, мальчик, не убегай! – с мольбой крикнула она вдогонку. На голос женщины он приостановился, увидел, что с ней еще и малыш, и успокоился. Но все же недоверчиво остановился поодаль.

– У тебя найдется что-нибудь поесть? – попросила незнакомка. – Мой малыш умирает с голоду.

– Есть, – мальчик теперь пришел в себя и потрогал висевший на шее хурджин, – Шэлымэ³ и сыр. А хочешь, молочка надою. Мать

³ Шэлымэ – лепешка из пшеничной муки.

только что подоила коз, но некоторые хитрят, не все молоко отдают. Я знаю, какую можно подоить. – Он с готовностью достал из хурджина деревянную миску.

– Не надо молока, – сказала Дафарадж. – Нам бы перекусить и запить водичкой.

Пастушок смотрел, с какой жадностью едят незнакомцы. Пожалуй, одной лепешки и куска сыра мало.

– Сейчас домой сбегаю и принесу еще, – сказал он, и не успела Дафарадж возразить, как мальчонка скрылся в кустах. Вскоре он также резво выскочил на поляну, неся хлеб, лакумы и кувшинчик кислого молока.

– Ах, братишка, тут же на целую группу косарей, – обрадовалась Дафарадж. – А матери ты сказал, кому несешь?

– Не, ее дома нет. Она на похороны пошла. На соседний аул турки напали, троих мужчин убили. Только из турок тоже, слава богу, никто живым не ушел, – совсем по-взрослому рассказывал мальчик.

Мать с сыном наелись досыта. Оставшегося хватит на дорогу до Патукая. Только бы дорогу найти.

– Это в той стороне, – вытянул мальчик руку, и Дафарадж с ужасом увидела, что у него обрублен указательный палец. Но спрашивать не стала. Не по-детски разумный мальчуган вел себя, как умудренный годами старичок. – Выведу я вас к Волчьей тропе, а там пробирайтесь к перевалу. По старой дороге не идите, там промышляют похитители людей. Я бы вас провел, но мне стадо не на кого оставить.

– До чего же ты золотой мальчик! Дай Бог тебе жизни долгой, как у самшитового дерева. Как зовут тебя, спаситель?

– Барчо.

– А меня – Дафарадж. Говорят, сделай добро и брось его в воду, слышал, наверно? Твое добро никакая вода не унесет.

Барчо был тронут. Он сунул руку в хурджин и достал миску:

– Держи. В пути пригодится. Она легкая и крепкая, из березы.

– Нет, тебе самому понадобится!

– Я могу и домой сбежать.

– О Всевышний, если не доведется мне воздать этому мальчику добром за добро, не забудь Ты о нем! – помолилась Дафарадж и положила миску в сверток с едой.

– Вот, дальше по этой тропе вверх по ложине, никуда не сворачивай, – сказал Барчо и распрощался с путниками. Тут же стремглав умчался к своей отаре, сверкая пятками.

Дафарадж шла и думала: может, стоило попроситься в семью этого мальчика, люди, видно, добрые. Она бы по хозяйству помогала, руки-ноги целы. Но Тлигур, он не должен вырасти батраком у чужих людей.

Надо во что бы то ни стало добраться до Патукай, к родственнице, она их примет с радостью, как-никак выросли вместе.

Донеслось конское ржание. Женщина в панике схватила сына на руки и скрылась в зарослях. Сидят, не дыша, но не слышно ни топота, ни голосов. Ржание повторилось. Сдвинула ветку и выглянула. На привязи возле дерева стоял оседланный конь. Хотя он не был привязан, поводья были просто брошены на ветку. Видно, ходил кругами, ни травинки не осталось в пределах досягаемости, в конце концов поводок обмотался вокруг дерева так, что бедное животное уперлось мордой в ствол, обгрызло с голодухи всю кору. Сколько времени он провел в этом плену?

Дафарадж отвязала коня, поправила седло, поглаживая, усадила своего сына верхом и повела к речке. Конь пил долго, с передышками. Путники устроились с сыном на берегу отдохнуть. Оголодавшая лошадь смачно щипала обильную прибрежную траву.

Передохнув, Дафарадж с сыном собрались идти дальше. Оглянулась – а лошадь идет следом.

– Что же ты, хозяйина ищи, – женщина похлопала ее по шее и пошла дальше. Но благодарное животное не отставало. Пожалуй, тут в лесу его могут задрать бродячие собаки или волки, подумала она. А может, это Бог выслал ей подмогу?

Посадив ребенка верхом, она некоторое время вела коня на поводу. Потом подвела его к камню и с трудом взобралась в седло.

Двое суток были в пути мать с сыном, то сбиваясь, то снова находя тропу, пока ранним утром не показались очертания маленького аула Патукай. Невзрачная мечеть на окраине выделялась среди прочих строений разве что голубыми занавесками на окнах, а в остальном это был такой же домик под камышовой крышей и с открытой верандой, обнесенной плетнем. Утренний намаз был позади, но люди не спешили расходиться, несмотря на противный морозящий дождик.

Завидев издали странную всадницу, мужчины изумленно замолкли. Кто это может быть? Сразу видно, не местная. По нынешним временам не то что женщины, даже мужчины не ходят в одиночку. Мало ли жутких историй ходит про похищенных и проданных в рабство людей. Целые войска у арабов создаются из молодых невольников. «Мамлюк» то и значит, что «невольник». Да и девушкам не легче приходится, их раскупают еще быстрее, и вековать им потом в услужении у заморских господ.

– Эй, сестра, остановись! – окликнули путницу сельчане. – Ты не заблудилась часом?

Дафарадж остановила лошадь чуть поодаль.

– Доброго утра, уважаемые, – поздоровалась она, – да примет Всевышний ваши молитвы. Не знаю, может, и заблудилась. Еду издалека, к своей родственнице в Патукай.

– Поговору ты не из наших краев.

– Я из убыхов.

– Да ты дорогая гостья, от самого моря приехала. И не побоялась пускаться в такой путь одна?

– Не по доброй воле и не от хорошей жизни пустилась, уважаемые.

Не приведи господь никому пережить то, что выпало мне.

– Спешься, сестра, тут тебя никто не обидит.

Один из мужчин помог ей спешиться, принял ребенка на руки. При виде незнакомых бородатых мужчин Тлигур начал хныкать. Их усадили под навес, где посуше, кто-то укрыл ей спину мешком. Дафарадж рассказала, что с ними случилось. Оказалось, здесь слышали о похождениях ее покойного мужа.

Накануне набега убыхов на Хатрамтуг муж Дафарадж, переодевшись турком, с вечера проник в город, благо турецким языком он владел искусно. Перед рассветом пробрался к городским воротам и сумел их открыть. Тут нападавшие были наготове и рванули в город. Перебили множество сонных турок, захватили много всякого оружия и пороха. А мужа Дафарадж то ли свои приняли за турка, то ли турки его раскусили, одним словом, привезли ей домой труп.

Дерзкое нападение на Хатрамтуг привело турецкого султана в бешенство. Говорили, будто среди погибших был его родич. И велел султан обложить адыгов новой данью – полторы тысячи юношей, а сверху чтоб доставили ему в заложники по одному сыну каждого из нападавших. Адыгские князья собрались на совет и решили обратиться за помощью к русскому царю, чтобы избавил их от засилья турецкого султана и крымского хана. Весть об этом распалила султана еще больше, и он выслал пятнадцатитысячное войско, дабы проучить непокорные народы. Однако в верховьях Инжиджа и Саужука их достойно встретили убыхские и шапсугские воины...

– Прости за нескромный вопрос, сестра, – подал голос Кетау, в прошлом промышлявший торговлей людьми, а теперь заделавшийся смиренным мусульманином, – твой супруг был из тлекотлешев⁴?

– Да, из тлекотлешев, – ответила Дафарадж.

Кетау обратился к мужчине, что помог гостье спешиться:

– Ступай-ка, Меш, позови сюда Хакуруину, в кузнице его найдешь.

Скажи, Кетау кличет.

Все переглянулись: что-то Кетау задумал, но что?

– А как твоего мальчика зовут?

– Тлигур, – ответила Дафарадж и добавила: – в честь дедушки назвали.

⁴ Тлекотлеш (лПакъуэлЭш) – представитель вольного сословия, следующего за дворянским.

– Знали бы, через что ему предстоит пройти – назвали бы Хыкуо – «сын моря», – Кетау взглянул на хаджи, и тот живо откликнулся:

– Аллах уберег его. Аллах всемогущ и милостив, – и стал быстро перебирать четки.

– Если ты, Кетау, считаешь это имя более подходящим, – подал подобострастный голос мулла, – так и станем его звать – Хыкуо. Если, конечно, останется жить в нашем селе.

Мулла был привезен из Турции, и местным наречием владел слабо.

– К кому же ты направлялась? – продолжал Кетау.

Она не знала фамилии мужа своей родственницы. Стали перебирать в памяти, у кого жена происходит из убыхов. Тем временем вернулся запыхавшийся посланец и привел кузнеца. Тот явился, как был, в кожаном переднике, и в ожидании оглядел всех.

– Звал, Кетау?

– Звал, – Кетау кивнул в сторону женщины. Кузнец по пути уже выслушал живописный рассказ Меша о незнакомке и мельком глянул на нее. Дафарадж не понимала, для чего позвали сюда этого человека, но чувствовала, что это как-то связано с ее появлением. Она скосила на него взгляд. Пожалуй, не придерешься, крупнокостный, с густой черной бородкой, и, видно, очень стеснительный. Он явно робел и держался настороженно перед этим Кетау.

– Тебе что, не на кого кузню оставить? – опередил всех мулла. – Отчего в мечеть не ходишь?

Кузнец растерялся – неужели в этом его провинность?

– Времени нет, эфенди, Кораном клянусь, дня не хватает. Ходят толпами, кому кинжал, кому наконечники для стрел нужны, кому соху, кому наручники, и всем срочно. А у меня только две руки, – он вытянул вперед свои мощные руки. – Сам Глепш служил только одному Верховному Богу, а я, считай, служу всем приходящим...

– Ладно, – перебил его Кетау, – никто не спрашивает, кому ты служишь. Слушай сюда, говорю при всех. И мулла пусть слышит. Я в своей жизни наделал немало грехов, теперь намерен искупить их и предстать перед Богом с чистой совестью, и да поможет мне Всевышний.

– Аминь!

– Иншаллах!

Кетау держался удельным князем, хотя таковым не был никогда. Но попробуй кто-нибудь в округе ослушаться его. Ему ничего не стоило погнать ослушника к морю, чтобы продать или обменять на товар. Те же князья опасались его немилости. Не поладишь с ним – жди беды: у кого-то жена пропадет, у кого-то ребенок утонет. Он был среди тех, кто ездил к царю за подмогой. Спросили у него по возвращении, как ему показался царь, так его ответ насмешил народ: «Сзади неплохо

выглядит». Все знали, что русский царь не соизволил даже лицом повернуться к посланникам, а только пожурил их через плечо и вышел.

Кузнец Хакурина был в зависимости у Кетау, и сейчас бедолага весь зашелся от страха: что надумал изверг на сей раз, уж не продать ли его или обменять на что-нибудь более путное?

– Все знают, какой ты искусный мастер, ты один стоишь для меня сотни людей, – вполне дружелюбно и громко, чтоб слышали все, изрек Кетау. – И все же я обещал, что придет время, и я дарую тебе свободу. Помнишь?

– Помню, господин. Три года тому ты так и сказал. Твоя воля закон.

– Вот теперь пришла пора исполнить обещание. С этого дня ты сам себе хозяин. Можешь оставаться в селе и работать в своей кузне, можешь селиться в ином месте, где пожелаешь, а если кто тебе мешать станет – доложишь мне.

Загудела толпа, как пчелиный рой, сельчане не верили своим ушам:

– Вот так подарок, вот так Кетау!

– Счастливый день для тебя, кузнец!

– Вот что значит слово Аллаха, проникшее в душу, – смиренно подытожил мулла, приписывая себе добрые перемены в крутом нраве новоявленного прихожанина.

Кузнец пришел в себя и бросился в ноги Кетау:

– Да поможет мне Аллах отплатить тебе за милость, господин! Не уйду никуда, буду здесь жить, в своем доме, и век буду помнить твое добро.

Кетау великодушно махнул рукой:

– Вставай, чего уж там. К тому же я не все сказал, слушай дальше.

Мулла быстро-быстро перебирал четки и тараторил свое:

– Давший свободу несвободному прожил жизнь с честью...

Кетау кивнул в сторону гостей:

– Видишь эту несчастную женщину? Бедняжка терпит бедствие, ни дома у нее, ни очага, некому ее накормить и обогреть. Хорошо, что сумела добраться сюда, не попав в руки изуверов. Возьми ее к себе домой, станет она тебе если не женой, так сестрой. И мальчика к себе возьми, заботься о нем, ремеслу своему обучи.

– Если она захочет... – кузнец робко взглянул на незнакомку.

– Недаром говорят, добро и зло под одной стрехой ютятся. Не бывает, чтоб все только хорошо было. Женщине некуда идти, приютить ее, а там сами договоритесь, – сказал Кетау и расхохотался, за ним осторожно рассмеялись другие.

– Она же сказала, что полагается на наше решение, – добавил хаджи.

Дафарадж даже повеселела с лица и исподтишка посматривала на

дородного кузнеца. Нечего сказать, этот Кетау знает толк в обычаях. Женщина из тлекотлешей может выйти замуж только за человека своего сословия. Получая свободу, кузнец становился ей ровней. Конечно, находишься она среди своего рода – могла бы сама решить свою судьбу, но тут, в чужом селе, она должна подчиниться воле местного владыки. Она уже поняла, что ему лучше не перечить. Не о нем ли в здешних краях ходит легенда, как он выторговывал приданое для своей невестки? Говорят, отправил он ее с ребенком погостить к отцу и дал такой хитроумный наказ: спросит отец, что подарить внуку, скажи в ответ: подари землицы с воловью шкуру, больше ничего не надо. Так она и сделала. Отец, конечно, зарезал вола в честь дочери и внука, а шкуру отдал им. Хитроумный свекор, говорят, разрезал эту шкуру на тонкие ремни, связал в одну веревку и послал своих людей: отмерьте земли столько, сколько охватит шкура. Так и отхватил солидный кусок.

Где только не носило Кетау, чего только не повидал. Не раз доводилось возить девушек на продажу в Трапезунд, Самсун, Синоп, Халеб, Мысыр. Видно, за этот размах платит он сегодня своим здоровьем. Более всего беспокоят глаза, слезятся и болят, да и зоркости прежней нет. Внука, того самого, что получил в дар землю с воловью шкуру, похитили работорговцы и увезли за море. Говорят, служит теперь в мамлюкской армии, поехал бы за ним Кетау, да боится – куда немощному и полуслепому старику в такой поход? Да и небезопасно стало промышлять на море: русские корабли патрулируют морские просторы, отлавливают невольничьи суда, торговцев сажают в тюрьму, ясырей отпускают домой или дают осесть близ русских поселений, если дадут обещание смиренно жить и трудиться. А против русских судов часто выходят в море суда французов или англичан. Одним словом, немирно на море.

Кетау мало боится всех этих стражей, если бы здоровье не подкачало. Князья адыгские не раз собирались и жаловались друг другу: если не дадут торговать людьми, народ расплодится, и нам станет его не прокормить. Но где выход? Турецкие корабли ходят редко и с опаской. Убыхские суда выходят в море только в шторма, остерегаясь встречи с русскими...

– Мы женщину не принуждаем замуж идти, – подал голос мулла, – это в ее воле.

– Ты согласна, сестра? – спросил хаджи.

Вместо замявшейся Дафарадж ответил все тот же Кетау:

– Отчего бы ей не согласиться? Не идти, а бежать должна замуж, пританцовывая, вот как!

– Как раз и лошадь есть, для семьи сгодится, – напомнил Меш.

– А ты бы, Меш, не вмешивался, – отмахнулся Кетау. – Лошадь я не обещал. Отведите ее ко мне в конюшню. Должен же Хакурина хоть

чем-то заплатить за свою свободу? Я ему маленького Сидаса даром отдаю, довольны этого.

– А кто предложил назвать его Хыкуо – Сыном моря?

– Кто, кто, я и сказал, – ответил Кетау. – Так тому и быть.

В тот день в ауле родилась новая семья...

Близился день большого курмана – праздник заклания во имя Всевышнего. Его назначили на тот день, когда сын Мухаммеда-Али Турсун отправился в большой поход с четырехтысячным войском. Целью похода было усмирение ваххабитов, вознамерившихся отделить от Османской империи территорию Хыджаса, и Турсуну это блестяще удалось. Празднество устраивали в замке-крепости внутри Каира (позже этот день получит название «*кьалэ зауэ*» – «сражение в крепости»).

Все складывалось у Мухаммеда-Али, лишь одно не давало ему покоя: пока мамлюки в силе, его царствование остается зыбким. Да, сейчас они в некотором упадке после тяжелого поражения от Наполеона, но это вопрос времени, они придут в себя, наберутся сил, объединятся – и тогда пощады не жди. Особо следует опасаться Шахин-бея – он умен и хитер, он опытный полководец и стратег в военном искусстве. Доносят, будто Шахин-бей занят сугубо мирным делом – строит мечеть, чтобы успеть при жизни замолить все грехи, но этой уловке вряд ли можно верить. Известно, что он окружил Мухаммеда-Али своими лазутчиками, и те доносят ему о каждом движении наместника.

Мухаммеду-Али пришлось предпринять хитроумный ход – пригласить Шахин-бея с его войском на праздник. Тот, как оказалось, ждал этого приглашения и принял его без оговорок. Как говорят арабы, если не можешь отрубить руку, остается ее поцеловать. Хоть и ненавидят наместника мамлюки, но отказать ему – по крайней мере опрометчиво. И в назначенный день Шахин-бей прибыл в сопровождении пятисот своих лучших всадников, одетых в парадную форму. Мухаммед-Али распорядился на параде пустить вслед за турецкими всадниками адыгскую конницу, а после них – албанскую. Сам Мухаммед-Али был албанского происхождения, и неудивительно, что именно албанскую гвардию наместник считал своей опорой.

После того как в войне с Наполеоном погибли два брата – Ибрагим-бей и Мурад-бей, – угрозу авторитету наместника представлял лишь Шахин-бей. Остается убрать его с дороги, и тогда власть Мухаммеда-Али станет безграничной. Он сможет не считаться даже с султаном Турции, если здесь будет чувствовать себя в безопасности.

Привезенных из Хафицея юных красавиц приодели с дороги,

и теперь они стояли в тени в сторонке от колонн всадников. Они прослышали, что среди тех, кто пройдет по площади парадом, есть отряд адыгских мамлюков, легенды о храбрости которых доходили до их далекой родины, и теперь девушки возбужденно шушукались, гадая, обратят ли на них внимание соплеменники, или надо как-то дать о себе знать этим героям – недаром же их называют «джатэгеж» – «меченосцы».

Путь к месту построения парада пролегал по узкой улочке между высокой городской стеной и столь же высокой каменной оградой прилегающей мечети. Проход заканчивался железными решетчатыми воротами, за ними открывался простор площади Румалия. Сами ворота открывались и закрывались при помощи хитроумного механизма. И вот прошла турецкая конница, следовавшие за ней мамлюки едва собрались ступить на площадь, как прямо перед ними, едва не снеся головы передним всадникам, рухнули ворота. Войско Шахин-бея оказалось в западне. В ту же минуту на них обрушились удары со всех сторон: сверху их поджидала засада, сзади в резню вступили албанцы. Никому не удалось выбраться из силков. Когда тяжело раненный Шахин-бей упал с лошади, сверху на него прыгнул один из рубак и одним ударом кинжала снес предводителю мамлюков голову. Радостно гикнув, он подхватил голову за усы и понесся со всех ног к наместнику, ожидая похвалы. При виде отрубленной головы врага наместник возликовал, правда, открытые глаза жертвы пугали его, и он предпочел наступить на мертвую голову ногой, не опуская глаз.

– Приведите одну из тех красавиц, – велел он своим подданным.

Ничего не подозревавшие девушки наблюдали за происходящим издали. Посланному под руку попала Гуаша, и ее бегом подвели к владыке. Оказалось, ей предстояло быть подарком для того, кто принес наместнику голову врага.

Все получилось, как и задумывал Мухаммед-Али. Враг повержен, и теперь ему некого бояться, кроме единого Аллаха. Праздник должен был завершиться поражением Шахин-бея – так и случилось. Теперь можно и отдохнуть, и красавицам уделить время. Турецкий султан знал, как угодить наместнику. После праздника Мухаммед-Али на много дней забросил государственные дела и не выходил из своих покоев. Однако заграничные послы не разъехались и продолжали у него гостить. Когда же обессиленный, любвеобильный наместник появился на публике, ему на глаза попала жена одного из гостей, опрометчиво взявшего ее с собой на празднества. Забыв про усталость последних дней и ночей, Мухаммед-Али сделал знак своим приближенным, те со знанием дела заманили женщину в потайную комнату, где уже находился похотливый хозяин дома... Слух об этом дошел до гостей, и после никто не рисковал прибыть к наместнику с женой.

Мухаммед-Али отдал приказ губернаторам истребить у себя всех мамлюков, от мала до велика, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков. И этот приказ был выполнен. Редкие счастливицы, избежавшие расправы, скрылись за пределами Мысыра.

Генерал, что получил Гуашу в подарок, нес службу в Александрии. Он был благодарен правителю за столь щедрый дар, и все же считал, что достоин большего, например, власти. Все чаще он задавался вопросом: почему французский генерал Клебер до сих удерживает верховенство в этом городе? С Гуашей ему повезло – таких смысленных, готовых стать опорой мужу в любой ситуации жен было поискать. Быстро научилась арабскому языку и стала общаться с окружением мужа, и к тому же всячески поддерживала своего албанца в его честолюбивых намерениях. Вскоре он собрал вокруг себя единомышленников, вместе с которыми организовал облаву на дом француза. Но и тот оказался не так-то прост, и дом его охранялся надежными людьми. В той заварухе погиб и муж Гуаши.

Недолго она оставалась вдовой. Ее купил курдский купец, с которым она и прожила все эти годы. На ее счастье, он оказался человеком незлобивым и добропорядочным. Даже в своей торговле, которая, как известно, не всегда чистоплотное занятие, он торговал лишь тем товаром, что необходим для паломников...

– Как же ты его встретила, если жила в Александрии? – поинтересовалась Дафарадж.

– До него я попала в неволю к одному вояке, а уже он продал меня по дешевке.

– Отчего же по дешевке?

– Помнишь, в Хафицее, когда нас угоняли в плен, я отрезала себе косу и отдала одному молодому адыгу? Женщины с длинными волосами больше ценятся...

– Я ведь тоже рано овдовела, – вздохнула Дафарадж. – У нас с тобой судьбы схожие. К счастью, у меня сын есть, у нас теперь большая семья. Увижу ли моих внучат... – снова вздохнула она.

– А вот мне бог не дал детей, – грустно сказала Гуаша. – То ли муж тому виной, то ли я... прости мою нескромность.

Женщины замолкли, и теперь были слышны лишь тихие стоны раненых. Той ночью умер еще один, его обмыли и завернули в саван, чтобы поутру кликнуть соседей и предать покойного земле...

И вот наконец, после стольких мытарств, Дафарадж ступила на родной берег – и что же она видит? Это только кажется, что в далеких краях люди живут иначе. На самом деле везде несладко, везде боль и насилие. А что же тысячи ее земляков сгрудились здесь, на берегу? Они ждут кораблей, которые увезут их к чужим берегам, словно там – рай земной. Нет, они не рвутся на чужбину, они – изгнанники. Больные

не молят бога об исцелении, они молят о смерти, чтобы их похоронили здесь, на родной земле. Предприимчивые торгаши развернули здесь кипучую деятельность. Где еще можно за бесценок набить судно живым товаром, а там, за морем, перепродать втридорога? Недавно еще гордые и неприступные князья за гроши уступают своих слуг и отправляются за море налегке. Хочешь скот купить? Сколько угодно, да и покупать не надо, вон его сколько, бесхозного, бродит по улицам и лесам.

– Где может быть женщина-хажи, Дафарадж? – раздался в толпе мужской голос.

«Мои за мной приехали», – подхватила Дафарадж. Но, взглянув на подошедшего, растерялась. Где-то она его видела...

– Постой-ка, ты – Барчо?

– Он самый, сестра, память у тебя отменная. Как ты добралась, что повидала? Добро пожаловать домой.

– Спасибо, брат мой. Добраться добралась, слава Аллаху, а вот о том, что повидала, лучше не вспоминать. А ты что же, перебрался ближе к морю и распряг своих волов?

– К морю перебрался, да. А волов не распряг. Меня старшие за тобой послали, желают послушать твои рассказы.

По правде, никто его не посылал, но он прослышал, что Дафарадж на берегу дожидается внука, запряг свою арбу и явился за ней в надежде, что ее слово придется кстати для жителей его аула. А то не осталось меж людьми согласия, все только и делают, что спорят и воротят носы в разные стороны.

– Что ж, – согласилась Дафарадж, – кто зовет – тот и старший, говорят у нас. Хотят увидеть женщину-хажи – увидят.

– Только обязательно надень свое платье паломницы, чтобы им показалось, будто к ним ангел спустился с небес.

Дафарадж устроилась поудобнее в арбе. Путь неблизкий, все время вдоль побережья, и везде взору открывается одна и та же безрадостная картина: жалкие лачуги, сооруженные на скорую руку и крытые где травой, где буркой, и толпы изможденных людей – целые семьи, целые аулы людей, ожидающих печального плавания к чужому берегу. Видит Дафарадж, что бегают между шалашами малые дети, и сердце ее рвется на части: куда же вы, несчастные? Что ждет вас? Ветер с моря доносит обрывки гыбзы:

В Мариюко над лесами

Не смолкает свист пуль.

Заливаясь слезами,

Уплываем в Истамбул...

Дафарадж впервые слышала эту гыбзу-плач. А Барчо знал, что таких песен в народе родилось уже много, – они рождаются каждый день.

– Сколько горя на нашей земле, сестра, что самому сильному ветру не сдуть, ливням не смыть... И за что нам такие испытания? В чем вина наша? Живем на своей земле, трудимся и едим свой хлеб, не воры, не разбойники какие-нибудь. А вот настал черный день, что гонят нас с земли отцов наших. Ты хаж совершила, мир повидала, может, знаешь, что там ожидает народ?

– Что повидала я – не приведи Аллах никому видеть. Смотрю я на наши горы – они радуют глаз, утоляют печаль, наши леса прекрасны, наша земля плодородна, бросишь в нее одно зернышко – а в нем еще два сидят. Где еще такую землю взять? Лучше здесь умереть и лечь в нее костями.

– Многие так и сделали, сестра. Про аул Алхаса слыхала?.. И сам я настрадался, ты ведь не знаешь.

– Откуда мне знать. Хотя по тебе ясно, вон как глаза запали, плечи поникли.

Дорога шла вверх по склону холма, за которым начинался аул Алхаса. Арба кренилась, давно не смазанные колеса жалобно скрежетали, словно под тяжким грузом.

– Сгинул наш аул, как есть сгинул, словно собака сожрала. Я и сам едва не сгинул, не верю, что цел остался. Значит, не вышел мой час. Я бы вернулся туда, где был мой дом, всего-то день пути, да как жить там одному? Казаки заселяют нынче наш аул, а мне что среди них... Смотреть на опустевшие дома, вспоминать тех, кто там обитал, раз за разом переживать заново, как они гибли, как от болезни умирали, как на корм рыбам шли... Теперь вот мечусь по побережью, уговаривая народ остаться на своей земле. Не слышит меня никто. Обезумели от страха. Потому о тебе подумал: может, тебя хоть послушают, ты все-таки видела, каково приходится адыгам там, за морем, и потом – ты женщина-хажи, а кому посчастливилось встретить женщину-хажи? Да твое слово сродни слову Пророка!

– Что ты, – испугалась Дафарадж, – кто может равняться с Пророком?

Всю оставшуюся дорогу Барчо рассказывал о своих злоключениях. Каким ветром занесло его на диковинный остров Кипр? Когда он отправился вместе со всеми в Стамбул, он и не думал отправляться дальше.

От берега отчаливали переполненные корабли, и на любой из них – русский или турецкий – можно было попасть за деньги. Бывало, заламывали цену, которая многим не по карману. Вот это и дожидались у моря погоды, вернее, денег, обещанных турецким хукуматом на переселение. Многие умирали, так и не дождавшись отправки.

Барчо старался, чтобы люди его аула держались вместе. По

сходной цене удалось нанять одно из трех судов, прибуksированных к пароходу, для чего он не пожалел своих сбережений. Весь народ на побережье пришел в движение и ринулся к причалу. Барчо привел с собой слугу по имени Пома, который служил раньше адъютантом у Мухаммед-Амина. По правде, звали его Фома, это был русский богатырь, родом из Одессы. А история его была такова. Одной далекой ночью к берегу пристала лодка с матросами с затонувшего русского корабля. Думали причалить незаметно, но куда там – попали в руки к прибрежным адыгам. Фома был тогда пятнадцатилетним мальчишкой. Взял его к себе в батраки зажиточный аульчанин. Он помогал по хозяйству, а по весне стал козьем пастухом, как Барчо в детстве. Жил и трудился себе смиренно, так что порой его спрашивали: что ж никто тебя не разыскивает? «А кто меня искать будет? – отвечал он. – Ни отца, ни матери, ни родни, чтобы выкупить». Один раз, правда, он попытался бежать. К тому времени он уже повзрослел и влюбился, вот и решил взять свою возлюбленную и искать счастья по свету. Заготовил загодя пуд пшена и вяленый бараний бок, да так и попался с мешком. Поймали, намяли бока и кинули в яму, чтоб ума набрался. Потом отвели к мулле, думая обратить в истинную веру и тем самым усмирить его рвение к свободе. А ему что, все религии на одно лицо. Так стал мусульманином. К тому времени Фома-Пома стал крепким, сильным парнем. За это и взял его к себе в подручные Мухаммед-Амин. А как исчез – Барчо увидел его в Хатрамтуге на невольничьем рынке и купил за гроши. В хозяйстве сгодится. Потом не раз каялся, что посадил к себе на шею лишнего нахлебника, но вот теперь был как раз тот случай, когда помощь необходима. Он поставил Пому возле трапа и строго-настрого велел:

– Ну, дитя трех богов, гляди теперь в оба, чтобы никто из чужого аула на борт не поднялся.

Фома при крещении был католиком, во время службы в русской армии принял христианство, а когда его корабль затонул и он попал к адыгам – легко стал магометанином. Так же легко выучил адыгский язык, и славянское его происхождение выдавали лишь пшеничные усы и акцент. А главное – сила была в нем немереная, ему ничего не стоило потянуть воз с дюжиной мешков проса. А во время плавания его помощь могла пригодиться, если матросы – сплошь наемные африканцы свирепой наружности – вздумают обидеть кого-нибудь из пассажиров.

Им досталось самое малое судно из четырех, и теперь предстояло решить нелегкую задачу: разместить на нем всех, чтобы никто не остался оторванным от родных. Барчо поинтересовался у владельца, сколько человек может взять судно, на что получил ответ: сколько хочешь. Об этой уловке судовладельцев Барчо был наслышан – набить корабли людьми с тем, чтобы половина из них от таких мучений

скончалась в пути и пошла на корм рыбам. А бывало и так, что от перегруза судно со всеми пассажирами шло ко дну. Подвергать аульчан такому риску было недопустимо. Но где же выход? Оставить тех, кто пустились в путь против желания, чтобы только быть со всеми? Или, напротив, взять с собой именно их, способных быть опорой другим там, на чужбине? И потом, шкипер сказал, что плывет на Кипр, а где он, рядом со Стамбулом? Нет, дальше. А насколько дальше? И смогут ли выдержать дорогу старики, больные или беременные женщины? Хватит ли провизии на всех?

Видя пароход, люди подбадривали друг друга: говорят, такие суда быстроходны, сядем, а там – Аллах милостив...

– В том-то и дело, – возражал Барчо, – что назад пути не будет. Все четыре судна в одной связке пойдут, куда головное – туда и другие, ни свернуть тебе, ни вернуться.

– Тогда скажи, Барчо, как нам быть, тебе виднее, – развели руками старшие.

– Думаю, тем, кто не уверен в своих силах, лучше оставаться дома. Слава Богу, мосты за собой не сожгли, аул наш на месте, никто не запретит вернуться в свой дом. Скота вокруг сколько угодно. Пусть лучше своим достанется, чем казакам...

– Так-то оно так, но в каждой семье есть старые и немощные. Кто захочет своих оставить?

Вмешался в разговор косноязычный турецкий мулла:

– Олла, думаю я, старших слушать надо, как старший скажет, так и сделаем. – Сам он знал, что караван направляется к берегам Кипра и был весьма этому рад – еще бы, там полно турок-мусульман, а со своими все лучше.

Однако нужно было что-то решать. И вот Барчо вместе со старшими предстал перед односельчанами:

– Братья и сестры, давайте договоримся так. Путь предстоит нелегкий и неблизкий. Ясное дело, старым, больным, малым детям и беременным женщинам его не одолеть. Говорят, месяц плыть, если не больше, путь лежит за два моря...

Последние слова поразили многих. Как это – плыть за два моря? Многие вообще думали, что других морей, кроме Ахына-Черного, на свете не бывает.

– Но как же так? – недоумевали другие. – Как же мы бросим больных и слабых на произвол судьбы? Это же грех и позор!

Но те, кто не рвался на чужбину, нашли слова Барчо достаточно вескими, да и старшие были с ним согласны:

– Еще больший грех – брать в тяжелую дорогу немощных, зная, что им не доплыть...

– Зато рыбы будут сыты, – вставил вдруг Пома, смех и грех.

– Лично я не желаю обрести могилу в рыбьей утробе. Кто желает – путь свободен, – решительно сказал кто-то из стариков.

Когда споры стихли, Барчо выстроил людей, чтобы разделить на отплывающих и остающихся. Но и это оказалось непросто. Как остаться женщине с грудным ребенком, если уходит ее семья? Как молодым оставить без присмотра своих стариков? В конце концов Барчо решил отпустить с миром тех, кто не хотел уезжать с самого начала. Но и без них народу было много. Судно набилось так плотно, что вода едва не доставала палубы, а матросы с трудом ходили между людьми. Оставшиеся на берегу отдали уплывающим за море свою провизию, кто-то пожертвовал деньги: в дороге все сгодится, а на своей земле Бог подаст.

И вот пароход выдохнул пар, матросы подняли трап. Просевшее глубоко в воду судно дрогнуло и тронулось с места, и тут заголосили, заплакали навзрыд те, кто был на борту, и те, кто махал им с берега, плакали, как на собственных похоронах... Перекрикивая это скорбное многоголосье, группа мужчин на берегу затынула песню-плач:

От берегов Лабы

За море путь лежит,

Проклятые жасусы⁵

Накликали нам беду...

На корабле уловили обрывки песни, и оттуда подхватили гибзу:

Мать с отцом уплывают

К далекому Стамбулу,

Уплываю и я

К своей первой лагуне...

Это пела больная девушка, не пожелавшая разлучаться с родителями и выбравшая самый худой исход, лишь бы рядом со своими. А первой лагуной в гибзе называлась не спальня новобрачной, а могила...

Матросам было не привыкать к битком набитым судам, вот и сегодня они тревожатся лишь об одном – как бы не зачерпнуть бортом воды. Ничего, утешают они себя, отчалим от берега – там полегче будет, уж в этом матросы поднаторели... Следующие два корабля в караване ничуть не свободнее, там народ держит свою поклажу на плечах – класть некуда. В целом больше трех тысяч душ загружено в трюмы и на палубы четырех бортов.

Не далее как на следующее утро плач по покойнику вывел из полусна измученных людей, дремавших кто сидя, кто стоя. А через день умерли еще трое – два старика и беременная женщина. Родные пытались скрыть это, да как тут скроешь, при такой духоте и тесноте.

⁵ Жасус – предатель, лазутчик.

Матросы безошибочно определяли местонахождение покойника, дальше все по накатанному: мулла бормочет погребальную суру ясин, обмыть покойника нечем, завернуть не во что, хорошо, если найдется шаль или простыня, и умерший отправляется в свой последний путь – на дно морское. На корабле не смолкал плач, и люди совсем пали духом. Никто не знал, когда настанет его черед обрести могилу в утробе прожорливых рыб.

На десятый день начался шторм, и четыре судна в караване словно устроили бесовскую пляску на волнах. Подобная качка и здоровым-то не на пользу, а что было говорить о больных и измученных людях. Пароход в голове каравана то вознесется ввысь, то рухнет вниз и исчезнет из виду, оставляя за собой лишь дым из трубы. Надо ли говорить, что злосчастные изгнанники каялись, что пустились в это путешествие, но было поздно. Ведь слышали рассказы очевидцев, а верить не хотели и лишь отмахивались: на все воля Божья. Говорили ведь, что из шести тысяч отплывших от Батума каждый день в пути умирали человек шесть-семь. Что в Трапезунде высадились двести пятьдесят тысяч человек, а потом начался среди них мор, унося что ни день – по две сотни, а то и больше душ. До окрестностей Самсуна довели сто десять тысяч беженцев, а выживших из них – половина. Слушали, качали головами, а ума не набрались. И вот теперь клянут себя за опрометчивость. Зато корабелы и в ус не дуют: им важно, что все заплатили за дорогу, а что треть плативших не достигнет берега – это уже дело второе...

Нельзя сказать, что переселенцев на новых местах встречали с раскрытыми объятиями. Настороженно относились к адыгам: еще бы, полвека воюют с русскими, а чем обернется их пребывание рядом с коренным населением – никто предугадать не может. Многие жаловались своим властям, требуя оградить их от непрошенных гостей. Многие, опасаясь заразных болезней, боялись приблизиться к измученным и голодным беженцам.

Барчо и Пома держатся вместе. Шкиперам Барчо не доверяет – наслышан об их гнусных проделках. Говорят, им раз плюнуть продырявить судно и утопить его вместе с пассажирами. Потому они настороже и предпочитают ютиться возле румпеля, где храпит шкипер. Шторм ему нипочем, качка для бывалого матроса – что люлька.

Еще не рассвело, когда раздался истеричный крик капитана. Черномазый шкипер подскочил от страха, и в полутьме заметалось синее пятно его шаровар. Люди, как ни странно, оставались безразличны: они были так измотаны, что готовы были к самому худшему. Оказалось, оборвался канат, и караван ушел вперед, оставив хвостовое судно дрейфовать в штормящем море. Шкипер бегал по палубе, размахивая горящим факелом, потом махнул рукой: обнаружат пропажу и сами вернуться. Через какое-то время караван и вправду вернулся, теперь

оставалось отыскать обрывок каната и связать концы. Это взял на себя Пома – нырять и завязывать морские узлы ему было не в новинку. Наконец все улажено, двинулись дальше в путь. Но вот новая напасть – вдали показался русский корвет, и это была серьезная опасность: весь караван с пассажирами могли завернуть обратно, потому что у беженцев ни документов, ни виз. К счастью, пароход оказался быстрее корвета и ушел от погони. Русские стреляли вслед из пушек, но ядра плюхались в воду, не достигая цели.

Наступивший день принес еще десять смертей. Среди умерших был мулла, и теперь читать молитвы по умершим оказалось некому. Что делать, стали мужчины в круг, сделали дуа и отправили в ненасытную утробу моря новые жертвы. Беда подобралась совсем близко и к Барчо – занемогла его жена.

Перед отплытием рассчитывали, что провизии хватит до Стамбула, а там братья мусульмане не дадут пропасть с голоду. А теперь предстоит плыть намного дольше, до Кипра, так что пора экономить и еду, и пресную воду. Больных с каждым днем все больше. Косяки хищных рыб неотступно сопровождают караван, наводя ужас на несчастных изгнанников. Смерть страшна уже не самой своей сутью, а вот этими тварями, предвкушающими сытный обед.

Барчо старается не смотреть в изможденное лицо жены, чтобы не выдать тревоги. А та не отпускает его от себя, умоляет:

– Памятью матери твоей, отца твоего прошу... не доеду я... сон мне привиделся... об одном прошу, Барчо... на тебя одного моя надежда...

– Перестань, поправишься еще. Ты еще в порядке, всем бы так, – а сам отводит глаза, чтобы скрыть наворачивающиеся слезы.

– Помру я... – продолжает Гуашакара, не слушая его утешений, – ты сам приведи в порядок мое тело. Нет у меня никого, кроме тебя...

Было у них два сына, да обоих отняла проклятая война. И вот теперь они плывут навстречу неизвестной судьбе. Доплывут ли?..

– ...от тебя я видела только добро... Аллах вознаградит тебя... и я благодарю тебя... с чистой совестью встретимся пред ликом Аллаха...

– Ну, будет тебе, дочь Камботовых, все обойдется. Если что надо тебе, ты скажи, я все сделаю... – Как ни крепился Барчо, а голос его дрогнул, он смолк на полуслове и отвернулся. Гуашакара тоже замолчала, чтобы не терзать мужа. Может, она вспоминала годы, прожитые с ним? Жили ладно, она ему слова поперек не сказала, а он, бывало, сорвется иногда и осерчает на нее, но и в такие минуты она ни разу ему не возразила: Аллах ведает, с чего он так раздосадован, значит, есть причина.

На другой стороне палубы раздался плач, и Барчо поспешил туда. Гуашакара с трудом приподнялась, тут же почувствовала приступ дурноты и головокружение. Губы ее посинели, на лице ни кровинки.

Вскоре вернулся Барчо, слегка повеселевший, и стал рассказывать, думая поднять дух своей жене:

– Знаешь, дочь Камботовых, что говорит капитан? Что завтра-послезавтра доплывем до этого самого Кипра. Поняла? Ты держись только. Все испытания забудутся, только бы доплыть.

Она молча смотрела в одну точку, словно и не слышала слов мужа, а он продолжал:

– И знаешь, что это за земля? Говорят, на нашу смахивает. Гор таких там, конечно, нет, но холмы имеются, реки чистые и бурные, земля плодородная. Все растет – пшеница, просо, кукуруза, фасоль, арбузы, дыни, виноград – что хочешь сажай. Хочешь сад – пожалуйста. И скота всякого много водится – коровы, овцы, козы, птица всякая. А живут там вперемешку мусульмане и христиане. Мы – поближе к мусульманам, проживем как-нибудь.

– А буйволы, буйволы там есть? – полюбопытствовал Пома.

– Да конечно есть! И даже верблюды водятся. – Барчо говорил сейчас все подряд – что знал и не знал, чтобы хоть как-то взбодрить павшую духом жену. Вспомнилась, кстати, история, услышанная мельком вчера: будто острову покровительствовала богиня воды Афродита. А чтобы понятнее было, заменил имя греческой богини на более понятное для адыгского уха имя:

– Догадайся, кому поклоняется там народ. Царице воды Псыхуагуаша. Со всех сторон эту землю окружает море. Остров, одним словом. Жители – в основном греки. Но после турецкого нашествия две или три сотни лет тому назад там осело много турок, так что мусульманского населения хватает. И мечети есть, и медресе. Турки, говорят, заняли бы весь остров, если бы не покровительство царицы Псыхуагуаша грекам. Она, сказывают, велела людям жить в ладу, потому что человек рождается не для войн, а для жизни счастливой и мирной.

– А как мы там... у нас много... немирных... – с трудом подала голос Гуашакара.

– Ничего, уживемся, даст Аллах, уживемся.

– Выходит, – оживился Пома, – ожидает нас райская жизнь. Хоть дорога больше на ад смахивает... Авось, и Гуаше полегчает, пока доплывем.

Русскому холопу вспомнилось, как готовила хозяйка индюшку, томленую на буйволиной сметане и приправленную чесночным шипсом, и рот его наполнился слюной.

День снова выдался пасмурный, море словно на весах взвешивало четыре судна в караване, поднимая и опуская их поочередно. Старики только и успевали с одних похорон на другие, падая и вставая от качки, а то и вовсе ползя на четвереньках. Да, трудно назвать происходящее

похоронами. Хотя бы потому, что этот печальный ритуал должны совершать люди здоровые и чистые телом. А кто тут чист телом, если столько дней о купании не могло быть и речи? Да и покойники остаются не обмыты, не обернуты в белый саван, как положено. Прикрыть бы срамное место – и то ладно. Мужчин принято укрывать черной буркой, только где ее взять?

Барчо тоже совсем измотан, и все же старается держаться бодро, и других подбадривает. А сам нет-нет да шепнет Поме:

– Не отходи от хозяйки, слышишь, гляди за ней, а то мало ли... – Он не договаривает, но тревога не оставляет его ни на минуту.

Поскольку нет больше с ними духовного лица, Барчо и эту обязанность берет на себя. Едва приведут тело усопшего в относительный порядок, он призывает мужчин к намазу. После общей молитвы ритуальной добавляет громко, чтобы слышали все:

– Милостивый и всемогущий Тха, отпусти грехи нашему усопшему брату и отведи место ему в раю. И пощади нас, оставшихся в живых, избавь от мук, чтобы не гневил мы тебя своим роптанием. Доведи, Великий Боже, нам обрести покой и радость после долгих скитаний и страданий.

На этом скорбный ритуал завершен. На суше покойника в могилу опускают вперед ногами, так и здесь бедное тело погружают в пучину ногами вниз... Женщин стараются не подпускать к борту, чтобы не ранить их сердца видом оживившихся морских хищников. Не приведи Бог увидеть, как зубастые рыбы терзают тело ребенка или близкого человека. Да что женщины, тут и мужчинам трудно сдержаться. Не далее, как вчера при виде такой картины юноша немедленно последовал за своей возлюбленной... Нет уже семьи без утрат. Случалось, целые семьи умирали за ночь.

Хоть бы одним глазком взглянуть на великие мечети Истамбула, говорили многие, но и это им не удалось – Дарданеллы прошли темной ночью. Шторм улегся, и людям стало полегче, но теплая сырость все равно мешала дышать. Капитан предстал перед пассажирами, решив хоть как-то их утешить:

– Завтра или послезавтра будем у цели, пристанем в порту Ларнака...

Алла ШАРАПОВА,
лауреат премии «Поэт года – 2016»

ДЕРЕВЬЯ В АУЛЕ
К 75-летию Мурадина Ольмезова

М. М. Ольмезов

Летний дождик побежал вприпрыжку
По мощеным улочкам аула,
Как пострел в залатанных штанишках,
И воспоминанье мне мелькнуло.

Сам я был такой же постреленок
И один в степи я оказался –
У меня тогда пропал осленок,
И его я отыскать пытался.

Словно сабли, молнии сверкнули,
А в степи ни юрты, ни кибитки,
И деревья далеко, в ауле.
Весь, конечно, я промок до нитки...

На подступах к переводу стихотворения Мурадина Ольмезова «Воспоминание» я даже сквозь подстрочник слышала тревожную музыку, как в кинофильмах. Эти стихи не только о потерявшемся осленке. Они о детстве вдали от родины, Кабардино-Балкарии, от ее гор и садов. В степи, в бездревесности, в изгнании. Их, балкарцев с высочайших гор Кавказа разом в пустынные изгнать посмели степи, где и родился я – считай, в неволе.

Перевод Георгия Яропольского

1944 год. Кайсын Кулиев представлен к военным наградам и присуждению Сталинской премии. Выходит постановление о депортации балкарцев. Кулиев не получает ни премии, ни наград. Еще не вылечившись от ран, он возвращается на фронт.

Слово сочувствия приходит от русского друга – Дмитрия Кедрина:

Тлела ярость былая,
Нас враждой раздела:

Я – солдат Николая,
Ты – мюрид Шамиля.

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас:
Кабардинцу – Россию,
Славянину – Кавказ?

А первые стихи Мурадина Ольмезова будут встречены словом поддержки от Кайсына Кулиева: «Нет сомнения в том, что он вырастет в одного из лучших наших поэтов. Думать так дает нам право молодая сила его дарования».

Философская лирика Мурадина Ольмезова (рифмованные стихи и верлибры) трагедийна в своей основе. В земной жизни неизбежно разрушение, и человек говорит от имени ветра:

усталый ветер шёл в пыли,
шёл который уж год
впервые не зная, куда, и зачем.

и впервые ему было небезразлично,
что думает о нём дерево,
им же, потехи ради,
вырванное с корнем,
а птенцы на нём так и не успели взлететь
навстречу заветным мечтам.
он шёл,
опустив свои воспалённые глаза,
лохматый, растерянный, разбитый,
скрестив по-старчески
руки за спиной,
шёл, как чужими дорогами идёт
обросший,
изрядно потрёпанный путник.

Перевод Алексея Прокопьева

Родители поэта Мусса и Назифа Ольмезовы были уроженцами

высокогорного аула Кызген в Приэльбрусье, трудились в коллективном хозяйстве. Из места депортации они возвращались в другой аул – Кызгена уже не было.

В 1974 году Мурадин успешно проходит конкурс и собеседование в Литературном институте, сдает экзамены, начинает учиться. Но со второго курса уходит в академический отпуск и возвращается спустя годы – уже состоявшимся поэтом и драматургом, автором нескольких книг. Теперь литературные учителя относятся к нему как к равному. Николай Старшинов переводит его стихи:

И падал снег... Малыш на снег смотрел
И радовался: снег, как сахар, бел.
И напевал джигит, коня поя:
«Снег светел, как любимая моя!»
«Снег сед, как я, как старый человек!» –
Сказал седой старик. И падал снег...

В рифмованных стихах Мурадина Ольмезова можно отметить две линии – стихи о родине, очень ясные, зачастую адресованные подросткам и детям, и любовную лирику.

«На сегодняшний день Мурадин Ольмезов, безусловно, самый яркий и талантливый автор детских стихов на Северном Кавказе», – пишет поэт, переводчик и критик Александр Пряжников.

Талант детского поэта отметил и поэт Николай Константинович Старшинов, лауреат Государственной премии России:

«У Мурадина Ольмезова есть все, что необходимо поэту – знание жизни, острое зрение, мысль, чувство. В стихах его есть и национальный колорит, и широта взгляда на мир, лежащий за границами малой родины. Я очень рад, что познакомился с одаренным и серьёзным поэтом, ответственно и талантливо работающим в литературе».

«Эти стихи хочется переводить, – пишет другой литинститутский учитель Мурадина Ольмезова Игорь Волгин, – первый признак того, что в них кроется нечто, вызывающее встречное душевное движение. Иную грань авторского дарования демонстрируют стихи для детей, Эти веселые миниатюры, начисто лишённые дидактического занудства, построены на игровой, даже в подстрочниках ощутимой основе, которая должна мгновенно схватываться ребенком...»

Много стихов про то, что «ближе к телу». Это ласковые стихи, за что поэта иной раз и упрекали. Но стоит вспомнить слова Чехова, что «не сумевший взять лаской не возьмет и строгостью».

Скок-скок, ножки!

Правой!
Левой!
Так легки!
Не стоят на месте.

Скачут
Наперегонки,
А приходят
Вместе.

Перевод Ларисы Ладыки

Глазки, что же вам не спится?

Руки, плечи спят в кровати,
И коленки спят, и пятки,
Ротик, носик спит, и ушки,
И щека, прильнув к подушке,
Спит кудряшка на виске,
Слово спит на языке,
Брови спят и спят ресницы...
Глазки, что же вам не спится?

Перевод Аллы Шараповой

Герой постарше трудолюбив, непритязателен, великодушен. Ему не надо дарить машину на день рождения, он сам пригласит вас в свой «сон-автосалон»; он будет благодарен тучке, если дождь не застанет в дороге отца с его отарой. Мотив труда неизменно присутствует в его стихах, где мышки – рукодельницы, а ежики – инженеры и программисты. В большинстве миниатюр, посвященных арабским цифрам, знаки напоминают орудия и инструменты:

Если ты умеешь жать,
Вот тебе напоминанье:
В дневнике отметка «пять» –
Это серп на поле знанья!

Если клонит вас ко сну
И косить нет сил совсем,

Ставьте в сторону косу –
Это будет цифра «семь».

Если на урок труда
Пару ножниц мы приносим,
Часто думаем тогда:
Два кольца – как цифра «восемь»!

Перевод Аллы Шараповой

В основе других стихотворений – сказки и народные поверья.
Поэт Максим Перминов отмечает, что в стихах Мурадина
Ольмезова очень хороши «музыкальные приговорки»:

Что у нас за непорядки –
Илли-билли-чанни?
Сокол перышко на грядки
Обронил нечаянно.

Перевод Аллы Шараповой

На самом деле этих «приговорок» в оригинале в десятки раз
больше, чем удастся воспроизвести в переводах – балкарский язык
отличается орфоэпическим богатством.

Родина, обретенная хотя еще в детском, но уже не самом раннем
возрасте, станет головокружительным открытием для Мурадина
Ольмезова.

Словно голос океана
Слышу я Баксана шепот:
К полдню речка разъярится,
И начнет ворочать камни.
Скоро валуны запляшут,
Ударясь друг о друга,
И до ночи напитают
Серным духом горный воздух.
Мы с отцом вставали рано,
Чтоб отару гнать на выпас.
Помню, как дышали трубы
В небеса очажным дымом.

Перевод Александра Пряжникова

Апрель

Прочь ушли морозы и метель,
Столбик на термометре все выше.
Носовой платок готовь, апрель,
Для сосульки, что свисает с крыши.

Вниз по склонам выются ручейки –
Распустился свитер у Эльбруса,
В мягких почках вербы у реки,
Промелькнул в подлеске зайчик русый.

Птахи суеются у застрех,
Отошли голодных дней тревоги.
И зверье, отряхивая мех,
Вылезает к свету из берлоги.

Перевод Аллы Шарановой

Тут стоит остановиться на стилистической стороне его и ранней и уже зрелой поэзии. Содержательно он поэт Востока, но формы его стихов западные. В частности, хореические двенадцатистишия особенно любимы поэтом. В цикле «Круглый год» двенадцать месяцев и двенадцать строк в каждом посвящении.

В той же форме двенадцатистиший выдержаны «Строки-обереги»:

Вся долина – сплошное цветенье.
Над Курму разливается свет...
Словно оберег, стихотворенье
я дарю тебе ныне – от бед!

Я искал тебя долго по свету.
«Где, – гадал я, – в какой из сторон?..»
Но пришла ты, опутала сетью –
и я словно бы снова рождён!

Признаюсь в своем счастье прилюдно
и по праву могу повторять:
в этом мире любовь найти трудно,
но труднее – найдя, не терять!..

Перевод Георгия Яропольского

Встречаются и твердые формы (триолет «Сказочная страна»):

Когда пушистый снег весной,
Как будто звездная мука
Из жернова луны, легка,
Летит – пушистый снег весной, –
Мир смотрит сказочной страной,
И радость детства вновь близка,
В час, как пушистый снег весной
Нам с неба сыплют облака.

Перевод Аллы Шарановой

Восточные драмы и трагедии, о которых скажем позже, написаны шекспировским пятистопным ямбом.

В этом Ольмезов последует Кайсыну Кулиеву, которому Борис Пастернак говорил, что «над его головой сошлись стрелки Запада и Востока».

Любовная лирика Мурадина Ольмезова в лучших ее проявлениях целомудренно-чиста:

Жизнь глядит на нас с тихой лаской
по достоинству – так ты нежна.
Звёзды с неба – исполненной сказкой –
для любимых срывали сполна.

Я же выбрал звезду, что сочилась
светом, словно водою – родник.
В ней твоя красота проявилась –
вот откуда твой свет к нам проник!

Я нарек её именем милым,
укрепляя бесспорную связь.
Будь подругой небесным светилам
ты, что там, в небесах, родилась!

Перевод Георгия Яропольского

Вадим Кожинов писал в свое время о том, что есть две линии в любовной лирике, на которые особенно спешат обрушиться критики. Первая – эротическая поэзия. Как поэт Востока Мурадин Ольмезов, конечно, отдает ей дань. Но замечательна двойная ирония – и над упорными приверженцами эротической лирики и над ее упорными критиканами:

Обнажена ты
сердцем невинным –
так и сияет,
так и нагота, и лучится
сквозь изумленья
глаз азиатских,
полных томленья,
медленной неги.

Голос твой тоже
наг, и он звонок,
как колокольчик
дочери неба –
звёздной шалуни.

Каждое слово
робких признаний –
тоже нагое.

Перевод Георгия Яропольского

Вадим Кожинов также писал, что под удар критики в первую очередь попадают стихи, «воссоздающие любовь как полный драматизма «поединок роковой» двух суверенных личностей, в котором к тому же добро и свет борются со злом и тьмой».

И таких стихов у Мурадина Ольмезова тоже много.

Сказала ты: «Другой мне люб!...»
Вечерний свет в окне дрожал...
Твои слова, слетая с губ,
Кололи сердце, как кинжал.

Ты стала звонко хохотать,
Поняв смятение моё:
«Тебя хотела испытать...»,
Вонзилось глубже остриё.

Перевод Светланы Мель

В тот день ничто не предвещало зла:
И тучи не сгустились над долиной,

И стон не доносился журавлиный...
Но даже камень можно сжечь дотла.

И думалось – все будет так и впредь:
Роса на листьях, детвора и птицы.
Но только у тебя был взгляд волчицы.
И камень тоже может умереть.

Ты не могла животворить и греть,
В тебе веселье ненависть будила...
А небо утром лучезарно было,
И думалось, что будет так и впредь.

Перевод Аллы Шарановой

Более поздние стихи Мурадина Ольмезова можно подразделить на рифмованные и написанные свободным стихом. Верлибры были исследованы другом Мурадина Георгием Яропольским.

Они отмечены введением фольклорных мотивов, при том, что, как в этом стихотворении, присутствуют и цитаты из русской и европейской лирики:

Не колышут листвою деревья,
облака в небесах неподвижны,
и не плещутся синие волны,
не пылит, как ни странно, дорога.

Свесив ноги, сидит над обрывом
ветер, думая грустную думу:

«Вековые деревья с корнями
вырываю, но в этом ли прихоть? –
я хочу, чтоб меня увидали.
Потому-то вздымаю я волны,
окрыляя бескрылое море.
Но меня-то как раз и не видят –
видят грозные пенные волны
да деревья, что вырваны с корнем...»

Перевод Георгия Яропольского

Иногда о поэте можно судить и по тому, о чем он старается умолчать. Например, насколько богаты в его стихах картины природы, флора, фауна, сказочно-фольклорный мир, настолько почти отсутствуют

в них картины пиров, возлияний, застолий. Между тем он, переводчик полного корпуса рубаи Омара Хайяма, великолепно живописал все это в своих переводах. Умолчание о съестном изобилии – дань памяти погибших отцов, матерей, старших братьев и сестер. Мужчины голодали в немецких концлагерях, женщины и дети – в степном изгнании. Об этом замечательное стихотворение «Цена хлеба»:

– Расскажи, поседевшая женщина,
Отчего у тебя седина?
От того ли, что горною трещиной
Проглотила супруга война?

Что сиротами были безродными
Вдалеке от родного огня,
И в слезах засыпали голодными
Под конец бесконечного дня?

Что кинжал и застёжку из золота
Ты меняла на хлеб и на соль,
Даже памятью жертвуя голоду...
Сколько стоил тот хлеб и та боль?

Перевод Александра Пряжникова

И нельзя не увидеть интонационного сходства со знаменитым ваншенкинским «Я люблю тебя, жизнь!» в его жизнелюбивых гимнах:

Два моих сына со мной разделяют мой груз.
Тур провожает нас взглядом в дали голубой.
Только б, родная земля, не расстаться с тобой!
Пусть мне дорогу все дни освещает Эльбрус.

Рад я тому, что построил жилище в горах.
Счастлив я тем, что растут у меня сыновья.
Вся моя жизнь – это вера, стихи и семья –
Дал мне любовь и перо мне доверил Аллах.

Перевод Аллы Шарповой

Суровая правда жизни открывается в прозе Мурадина Ольмезова. Повесть «Крашенные альчики» адресована тоже детям. Память и совесть не позволяют писателю уберечь младшее поколение от страшных воспоминаний о народной беде. Во время войны у моего отца в подчинении

было несколько бойцов из балкарских аулов, и каждый из них отличался и необыкновенной храбростью, и великолепной стратегической смекалкой, наносившей противнику поражения и потери. Трагедия народа возвращает в Мурадине Ольмезове не только многостороннего литератора, но и политика, и деятеля культуры. Четыре большие публицистические работы посвящены доскональному исследованию событий, связанных с насильственной депортацией его народа...

Сюжет драмы «Тахир и Зухра» отличается от известной узбекской версии. Акцент у Ольмезова сделан на жестокости и мстительности людей.

Жестокий мир, под стать ему и люди.
Людская кровь – как черное вино:
Однажды опьянев, не протрезвешь.
Людская кровь – огонь: горят дворцы,
И хижины горят, и все живое –
Все в пепел обратит готов огонь.
И кровь проливший не уберется,
Сам запыляет щепкою сухой,
И ветер дым рассеет по округе.

Перевод Ладо Местича

Пятистопный ямб приближает балкарскую версию к драмам Шекспира. Но Тахир еще более одинок, чем шекспировские герои. С ним нет ни Горацио, ни Меркуцио. И пленница Махим, поначалу искренне преданная Зухре, в конце, уступив воле своей жестокой матери, не только предает Зухру, но убивает ее.

Мысль драматурга постоянно вращается вокруг еще действующего места на Востоке закона кровной мести. На его памяти случай, когда вернувшийся с фронта офицер сжег дом коменданта, позволившего заморить голодом его детей.

Было ли у него право убить врага вместе с женщинами и детьми?

Враждуй с врагом. Зачем же ты пленишь
Безгрешную голубку? –

спрашивает героиня другой драматической поэмы «Княгиня Гошаях». Мурадин Ольмезов – столь же большой вклад внес в отечественную драматургию, как и в поэзию.

Его драмы и трагедии, полномасштабные, многоактные, ставились на родине и издавались за рубежом.

У него есть не только стихотворные драмы по восточным мотивам, но и пьесы из современной жизни. Пьеса «Изнанка тишины» сюжетно напоминает произведения Айтматова, Распутина, Шукшина, в которых

речь идет о борьбе старшего поколения за то, чтобы сохранить исконный уклад сельской жизни.

Отец убеждает сына: «Двор, вот что делает дом – домом. Не иметь своего двора, куда в любой момент могут зайти люди – на что это похоже?! Поймите: мы – не молодые саженцы, которые могут приняться, куда бы их ни посадили. Мы – старые деревья, другая почва нас уже не примет».

Нельзя не сказать о еще одном, воистину подвижническом деянии поэта Мурадина Ольмезова. Он в течение многих лет работает над стихотворным переложением карачаево-балкарской версии «Нартиады».

Вот один фрагмент из этой огромной работы Мурадина Ольмезова:

Айра! Доброе дело, что птичье перо!
Вольной птице подобен творящий добро.
И в ответ на тепло среди мрака и льда
Высоко в небесах загоралась звезда.
Айра! Каждый под вечер звезду свою ждал:
И наивный юнец, и седой аксакал.
Если ж кто-то вершил безрассудное зло,
Разбивалась звезда, как от камня стекло.
Айра! Дети играли в селе перед сном,
Говорили со звездами в небе ночном.
Только мальчик Тумаз так играть не привык:
Слишком злым и развязным он был на язык.
Айра! Все говорили ему:
– Соверши,
Хоть однажды поступок благой от души!
Будет радость у друга, быть может, тогда
И твоя засияет на небе звезда.
– Айра! Если бы друг мой поджег себе дом,
И от страха сидел и дрожал под столом,
Я бы справился с пламенем жарким на раз,
И трусливого друга от гибели спас.
Айра! Только дома не горят без причин,
И Тумаз все придумал и сделал один.
Видно, жить он без звездочки больше не мог,
Потому и устроил соседям поджог.
Айра! Звал он на помощь встревоженный люд,
Воду к дому таскал, как могучий верблюд,
Но напрасными были все эти труды:
Ночь пришла, а Тумаз не увидел звезды.
Айра! Думал Тумаз, заперев свою дверь,
Что же доброго сделать я должен теперь?
Неспроста достается удача другим,

Чтоб дрянные мальчишки смеялись над ним.
Айра! Как-то однажды, он встретил кота –
Тот совсем отошал, от ушей до хвоста.
Он принес его в дом, подогрел молоко,
И коту стало сытно, тепло и легко.

Перевод Александра Пряжникова

О славном сыне балкарского народа Мурадине Ольмезове можно писать большие исследования, и, думаю, они впереди.

В детстве Мурадин там, в степном изгнании, видел мало деревьев. Теперь деревья эти с ним рядом, на родине. И многие стихи поэта посвящены им. В том числе вот это:

Дереву бояться надоело –
вырвало из почвы свои корни,
стало превращаться в человека.

В руки превратились его ветви,
стало ртом замшелое дупло,
листья, как слова, зашелестели,
птичьи гнёзда сделались глазами,
сердцем стал неутомимый дятел.

Вырыло оно усердно ямку,
дровосека в землю посадило –
кого прежде каждый день боялось.

Руки его сделались ветвями,
рот дуплом замшелым обернулся,
листьями слова зашелестели,
гнёздам уподобились глаза,
сердце стало дятлом колотиться.

Сев в тени бывшего дровосека
и к стволу уютно прижимаясь,
дерево подумало бывшее:

«Хорошо быть добрым человеком
и в лесу деревьев не валить».

Перевод Георгия Яропольского

Москва, февраль 2024 г.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЗИМА 1955 ГОДА

Невольничье детство мне снится под утро.
Болезнь то горит, то бросает под лед,
И светятся хлопья в лучах перламутром,
Я вижу, как снег спозаранку идет.

Я вижу, как дети катаются с горки,
Звенит по округе залиvistый смех,
Мальчишки друг друга несут на закорках,
И маме шепчу: «Можно выйти на снег?»

Но борется мама с недугом коварным,
Смешав со слезами и ночи, и дни,
И ласково гладит: «Я брючки с карманом
Сошью тебе к вечеру, только усни!».

Как будто бы издали каждое слово
Мне слышно, когда я прощаюсь с отцом.
«Я велосипед привезу тебе новый,
Ты только, пожалуйста, будь молодцом».

Запуталось время в бредовом тумане,
Уж пух тополиный пускается в пляс,
И, кажется мне, зацепившись за сани,
Дорога уходит сама на Кавказ.

1971

Перевод А. Пряжникова

ГОЛОС ПЕПЛА

*...В золу превратились игры детей.
К. Кулиев*

Я сладко спал в своей постели
И улыбался – сон был светел...
Но с неба бомбы прилетели –
И вот – я пепел, только пепел.

Я мчал на прутике-лошадке,
Взлетая на крутую горку...
Но вспышка, боли импульс краткий –
Я превратился в пепла горстку.

Взметнулись в небо серым следом
Цветные бабушкины сказки,
Игрушки, сделанные дедом,
И снег, и лёгкие салазки...

Моё недолгое былое
Звучало на счастливой ноте.
Всё стало мёртвою золою –
Плеск моря, бабочки в полёте,

Хруст яблока – его мы с другом
Нашли и честно разделили,
Мой смех, не тронутый испугом –
Он тоже стал бесцветной пылью...

Счастливый мальчик шестилетний,
Я верил в счастье, вера крепла,
Но не досмотрен сон последний –
Он тоже стал комочком пепла.

Считалки детской стих нехитрый
Оборван был на полуслове.
Все недоигранные игры
Теперь меня по свету ловят...

Я облако, но я не таю.
Я пыль, но под дождём не мокну.

Я невесом, и я летаю
И залетаю в ваши окна.

Тревога – слышите? Тревога!
Наружу рвётся нечто злое!
И нужно, право же, немного,
Чтоб мир стал вечною золою!

Пусть никогда! Пусть солнце светит!
Так много пепла ветер носит!
Ещё живые ваши дети
Безмолвно вас об этом просят.

Вас молят о зиме, о лете,
И чтоб рассветов дым не метил –
Ещё живые ваши дети
И те, что обратились в пепел...

1973

Перевод С. Мель

Старик и на человека-то
не похож:
на голове торчком
вздыбленный клочок волос
в зловонном рту –
последний огромный зуб.

Он на скамейке сидит,
песню поёт под гармонь,
ветхую, как он сам.

Слов и не разобрать:
птичками ввысь
не летят,
будто плевки об асфальт
шлепаются у ног.

Старик поёт,
и летят
на дно потёртой фуражки

со сломанным козырьком
монеты
со звоном пуль,
его пощадивших когда-то.

А после, как и всегда,
старик налижется вдрызг,
задрыхнет,
обняв гармонь –
куча старого хлама.

И на его простом,
порченном войной
порченном жизнью лице
будет улыбка блуждать –
единственное добро,
что у него осталось.

1974. Москва, Курский вокзал

Перевод А. Прокопьева

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ

*В год нашего возвращения из Казахстана (1958)
в селении Кызген было всего два неразрушенных
дома. Теперь остался один.*

Камни прибрежные стынут в пене –
Грохотом будит Баксан Курму.
Гибнет единственный дом в Кызгене,
Сколько отпущено дней ему?

Жгло его солнце, топили воды,
Град избивал, леденил мороз,
Но не они убивают – годы,
Время сильней холодов и гроз.

Музыкой дикой полна опушка –
Сыч прогудит и завоюет зверь.

Как с проходимцем лихим старушка,
Так пререкается с ветром дверь.

Бесы Кызген будоражат стоном,
Издали жалоба их слышна.
А по ночам в уголке оконном
Светится с грустным лицом луна.

А ведь когда-то, стройны, красивы,
Строились рядом дома вокруг.
Пенилось в чашах заздравных пиво,
Новостью с другом делился друг.

Бабушки пряли, играли дети –
Мало где память о них жива.
Кто за изгнание и смерть в ответе?..
И прорастает в камнях трава.

Дом – в паутине его глазницы,
И никогда не увидит дом,
Как погоняют коней возницы,
Как дети мчатся к реке бегом.

Только валун, что к забору жметя –
Мхами заросший, в траве лежит,
Кажется, жив, и вот-вот проснется,
Громко залает и убежит...

1976

Перевод А. Шарановой

Где-то за тучами плачут с утра журавли,
В ножны положена радуга – воинов меч.
И озаряют вершины подобием свеч
Вас, драгоценные пяди священной земли.

Два моих сына со мной разделяют мой груз.
Тур провожает нас взглядом в дали голубой.
Только б, родная земля, не расстаться с тобой!
Пусть мне дорогу все дни освещает Эльбрус.

Рад я тому, что построил жилище в горах.
Счастлив я тем, что растут у меня сыновья.
Вся моя жизнь – это вера, стихи и семья –
Дал мне любовь и перо мне доверил Аллах.

Будет зима, и покроются льдами поля,
Трудно над пропастью узкой тропинкой идти.
Но не боюсь, ибо знаю: на тесном пути
Жизнь сохранить мне поможет родная земля.

2015

Перевод А. Шарановой

ЯЗЫК, НА КОТОРОМ ГОВОРИЛ ЭЛЬБРУС

Ты – матери счастливой молоко,
Ты – песня колыбельная в ночи,
И в трудный час, когда звенят мечи,
Нам жить легко, и умирать легко.

Родную землю, имя и кинжал
Мне дал отец, язык дала мне мать,
И ничего дороже не сыскать,
Покуда ты звучать не перестал.

В грозу рожденный ты силен и смел,
Сильней травинки в скалах ледяных.
Ты столько знал поветрий морových!
При стольких палачах ты уцелел!

В тебе журчит родник, и сеют страх
Потоки, что несутся с высоты,
Родился ты от камня и звезды,
Когда вставала радуга в горах.

Звезды и камня дружная семья
Тебя в наш мир однажды привела,
Вложив и клекот горного орла,
И трепетное пенье соловья.

Ты – как скала, стоял наперекор
Ветрам веков и силе роковой,
Порой – острее сабли боевой,
Порой – добрей, чем осень южных гор.

И плещется край моря голубой,
Хоть перед штормом тучи тяжелы.
Родной язык – в сравнении с тобой
Они – так удивительно малы.

Дебет, Кязим, Кайсын, Отец и Мать,
Эльбрус, Бештау – это их молва,
А потому бесценные слова
Нам выпало потомкам передать.

Земная твердь и та порой дрожит,
Но лишь язык надежней всех опор.
Он шире небосвода, выше гор,
Цветка нежнее, крепче, чем гранит.

И если ты бессмертен – мы горды,
Уверены, что будущее есть.
Бессмертна человеческая честь,
Как лед и солнце, камни и цветы.

2018

Перевод А. Пряжникова

Зима воцарилась навеки,
Фонарь не справляется с ночью.
Звонят леденелые ветки
И ветер кромсают на клочья.

А ветер и зол, и неистов –
Он скалы раздвинуть решался,
И солнцу средь этого свиста
Взойти – ни единого шанса...

Сижу без тепла и без света,
Тоской безнадёжною мучась.

Плач-песня печальная эта –
Наверное, худшая участь.

Сбивался, по жизни шагая,
Не все мне уроки по нраву.
Я прав, ты права, дорогая.
Вернее – мы оба неправы...

Собака скулит. Стылый ветер
Дурными трубит голосами.
И нет больше света на свете,
Конец приближаем мы сами...

2011

Перевод С. Мель

ЭХО СВЕТА

эхо света – феномен
наблюдаемый в астрономии –
результат
отражения света
вспышки объекта
от облаков межзвёздной пыли
за несколько тысяч
световых лет от нас...

так, к слову пришлось...

я хочу стать светлячком –
капелькой света
в кромешной тьме

поговорить со скалой
о будущем
с такой высоты
она далеко видит

вырвать ядовитое жало
злой пули,
грозящей детскому смеху

вбить последний гвоздь
в гроб
отвратительной подлости

отворить двери ночи
и вернуть
вчерашнюю боль

и...
однажды увидеть в ночном небе
эхо света –
с в е т а

2018

Перевод А. Прокопьева

Я – ГОРЕЦ

я – горец
спотыкающийся на равнине

моя дорога – не магистраль
с уютными гостиницами
приветливыми кафе
и криво улыбающимися
рекламами сбоку
а узкая крутая тропа
к вершине
что не прощает ошибок

там нет второго шанса
но есть вершина
нестерпимо манящая
своей убийственной
в ы с о т о й

Я – горец
и должен дотянуться до своей звезды
прежде чем улететь в бездну

2018

Перевод А. Прокопьева

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЗЕРКАЛО

Кто там в зеркало глядится?

Жаннет.

Кто красой своей гордится?

Жаннет.

Зеркало радо.

И девочка рада –

Ей только это и надо.

В зеркало Расул глядит:

Кто это?

Весь измазанный стоит,

Кто это?

Напугал себя Расул

Так, что спрятался

Под стул!

ВОЛЧОНОК

Плачет крохотный волчонок:

– Ест малину медвежонок,

Мне малину не достать,

Вот бы Медвежонком стать!

ЧЕРЕПАХА И ДОЖДИК

– Кто стучится среди ночи

В мой домишко костяной?

– Это я, – бормочет дождик,

Я замёрз, пусти домой!

ДВА КЛУБКА

Солнечный вытянув луч из окна,

Я намотала клубок.

Ночью клубок серебристый Луна
Кинула мне на порог.

Киска со стула глядит на клубки.
Знаю, ты хочешь играть!
Вижу, как светятся глаз огоньки,
Но не могу тебе дать.

Солнцу мне надо связать кимоно,
Шапку и шарфик Луне,
И на красивое платье должно
Что-то остаться же мне.

Перевод А. Шарповой

ВОДА

Ты вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!
Вымой мне глаза и нос
Только так, чтоб не подрос.
Вымой мне мои реснички –
Пусть порхают, словно птички
Ты вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!
Вымой мне язык и губы,
Чтоб язык мой не был грубым,
Руки мне отмой от лени,
Вымой волосы, колени
Ты вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!
Вымой брови всем на диво,
Стану я такой красивой!
Мама скажет: «Что за радость!»
И за это купит сладость.
Чтобы легким был твой путь –
Дам тебе ее лизнуть.
Ты вода моя, вода!
Друг мой добрый навсегда!

Перевод А. Пряжникова

НЕ ДУМАЙ, ЧТО ПОЗАБЫЛА

Рассказ

Зулийхат проснулась, как только солнце выглянуло из-за горы. Теперь она приучила себя после утреннего намаза ещё немного поспать. Раньше такого не было, а с некоторого времени она стала чувствовать, что становится день ото дня слабее. Видно, понемногу жизнь начала покидать её. Но надо, надо держаться, силы надо беречь, пока не вернется младший внук и она его не увидит.

Никто не говорил Зулийхат, что он на войне, но, как бы это от нее ни скрывали, она догадалась – у младшей келин¹ взгляд часто и подолгу останавливался то там, то здесь. Она поняла, с чем это связано. Как ей не понять, если то же самое было с ней, когда она проводила единственного сына в армию.

Когда Азрет был на службе, а тогда ребята служили все три года, она сначала даже не раскрывала свою постель. Ложилась так, поверх одеяла. Думала, как мне ложиться в теплую постель, когда единственный мой в Германии. Да, сын её служил там, где враги. А жашчык², так она называла всегда своего сына, даже сегодня, когда ему за шестьдесят, так называет, приехал в отпуск и сразу понял всё.

Долго не догадывалась Зулийхат, кто мог ему об этом сказать, кто мог это сделать? Только один Аллах и Азрет знают эту тайну. Так думала она. А всё было просто: уезжая на службу, Азрет, чтобы подбодрить маму, такую бесконечно печальную, обвел на листе бумаги свою руку и, написав на нем цветными карандашами: «Мама, спокойной тебе ночи!», оставил его под одеялом, чтобы она нашла, когда пойдет спать. Через полгода он увидел эту бумагу там же.

Тогда между Азретом и Зурият состоялся такой разговор:

– Мама, хочу попросить тебя об одном.

– Говори, душа моя, ты же знаешь, я сделаю для тебя всё, что мне будет под силу.

– Знаю, мама. Потому и хочу попросить тебя: спи всегда в своей постели.

– Да... – Зулийхат растерялась, но надо было как-то ответить. – А

¹ Келин – сноха.

² Жашчык – мальчик.

я что, по-твоему, на улице остаюсь на ночь? Почему ты так говоришь?

– Обещай, что сделаешь так.

– Сделаю, конечно. А как иначе?

А про себя добавила: «Лишь бы ты вернулся домой живым и здоровым».

Дальше Зулийхат уже такую глупость не делала. А бумажка та до сих пор хранится в альбоме с фотографиями. И ещё у неё в комнате хранятся все подарки, которые он привез оттуда, из Германии, – скатерть с парчовыми блестящими нитками, альбом в бархатном переплете и чемодан, весь обклеенный маленькими фотографиями машин. Да, Азрет ещё мальчиком очень любил машины. Потому и приклеил.

Вспоминая всё это, Зулийхат неслышно рассмеялась: когда Азрет был в армии, она по ночам много взяла. Племянница её, Шамдарий, хорошо торговала. Так вот, деньги, что приносила она от продажи связанных ею носков, Зулийхат не тратила, собирала для сына. А когда Азрет захотел купить машину, она добавила их, чтобы машина у её сына была не хуже, чем у других.

– Откуда у тебя столько денег, мама?! – удивлялся Азрет. – Ты, наверное, подпольным миллионером стала, пока мы все занимались какой-то ерундой.

– Это я сделала тогда, в те годы, когда сон покинул меня, убежал далеко.

Азрет знает, что это за годы. Но и раньше у неё не было покоя. Когда она была в изгнании и работала до изнеможения, то еле доносила голову до подушки, тут же засыпала. А потом часто сон убежал от неё. Это когда Азрет работал на шахте, и мама всегда ждала его. Теперь он на пенсии, занимается дома живностью. Да и то лишь от скуки.

Двух внуков подарила сноха Зулийхат. Вот такой радостью её одарила на всю жизнь. Один из них, Далхат, работает спасателем в горах. Другой, Дёммай, – доктор. Внуки – свет в окошке Зулийхат. Бог любит их. Да если бы не любил, разве они оба вернулись бы из Афганистана живыми? Любит! Так думает Зулийхат и безмерна благодарна Богу.

А вообще-то настоящее имя Дёммая – Ахмадия. Так его зовут. Но не может это имя произносить Зулийхат – так звали её супруга. Адат не велит. Дёммай работает в больнице.

Правнуков у Зулийхат не так много: у Далхата двое, у Дёммая тоже. Все мальчишки. Этому больше всего радуется Зулийхат. Каждый день в своих молитвах благодарит Аллаха, что единственного сына он таким образом преумножил.

Зулийхат любит это время года. Она открывает окно, пропуская в дом солнце. Дом её расположен на высоте. Село как на ладони. Каждое утро она смотрит на окрестности, потом уже выходит во двор.

– Келин, что слышно от мальчика?

– Он звонил, ання, не беспокойтесь. Всё у него нормально.

– Дай Бог, чтобы все было хорошо. Раньше из армии письма приходили, все почтальона ждали, теперь не пишут. Да что там говорить, лишь бы хорошими вестями радовали.

Это сын Дёммая-Ахмадии в армии. Ахматом его зовут. Зулийхат знает, что он на войне. А дети, думая, что она ничего об этом не знает, говорят одно и то же:

– Где война – где он, ання!

Она не обижается за этот обман ни на старшую сноху, ни на других снох – понимает, что стараются её не огорчать.

Сегодня у неё на сердце легко – хороший сон ей привиделся. Хороший и светлый. Это радует старую женщину. Ей приснился супруг – отец её единственного сына, Ахмадия. Теперь она знает, что правнук её, Ахмат, не споткнется.

Зулийхат шла куда-то среди холмов и ям, когда навстречу ей вышел Ахмадия. Одетый во все военное.

– Хорошей дороги тебе, Жумарук ³! – так называл её супруг.

Увидев молодое лицо своего любимого, Зулийхат сразу вспомнила о своей старости и застеснялась.

– Знаю, что ты здесь, потому что переживаешь за Ахмата. Смотри туда, – показал он рукой. – Видишь радугу? Под нею лес. Смотри прямо на середину. Ахмат находится там. Я сейчас оттуда.

– А что ты там делал, отец моего сына?

– Ты что, позабыла, что я воин и лежу здесь, в этой земле? Ты же сюда приезжала ко мне.

Зулийхат показалось, что Ахмадия обиделся. Ей не хотелось его огорчать.

– Это было здесь, да? Я не узнала, клянусь Аллахом. Не думай, что я позабыла. Просто не узнала...

– Как узнать, если всё перепахано снарядами? А за Ахмата не беспокойся. Он вернется домой живым и здоровым. Он у нас герой!

– Ахмат больше всех похож на тебя.

– Знаю, – сказал, улыбаясь, Ахмадия.

Ах, как красиво он улыбался!

Жалко, что Зулийхат так некстати проснулась. Она ещё немного подождала, закрыв глаза, вдруг Ахмадия вернется? Но – убежал от нее сон. Уж очень он был красив! Разве вернется такой?

Зулийхат только теперь заметила, что ушла в свои думы. Она пришла в себя и, вновь встретившись с грустными глазами истосковавшейся по сыну младшей снохи, твердо произнесла:

– Над Ахматом сейчас стоит радуга. Он вернется домой, не печалься, келин!

³ Жумарук – улар, горная индейка.

ТАМ, ГДЕ ЖИВУТ ВЕРА И МОЛИТВЫ

Время совсем безжалостно. Никого не умеет беречь – ни природу, ни людей. Потому, наверное, и спешат вслед за тёплым и прекрасным летом надоедливые дожди, за золотистой осенью – бураны. И так продолжается веками.

А жизни так не хватает! Не хватает её, чтобы посадить сад, увидеть его расцветающим, попробовать на вкус первые плоды, которыми он обрадует. Не хватает жизни на то, чтобы встретить хорошего человека и идти с ним под дождем и снегом, не хватает, чтобы наставить на путь истинный ребёнка. Не хватает жизни, чтобы сказать многим хорошие слова. Да, оно, время, такое, безжалостное.

Асият видела и войну, и изгнание. Потому жизнь и кажется ей долгой. Больше, чем один век, больше, чем два века. Все её ровесники покинули этот мир. А она всё продолжает жить... Иногда она думает, что Аллах забыл о ней. А потом ей становится стыдно за это, она корит себя: как могла она подумать, что у всемогущего Аллаха может быть такой изъян – что Он может о чем-то или о ком-то позабыть?! Потом она долго просит у Аллаха прощения, перебирая четки и повторяя незамысловатые свои молитвы.

Многое ей вспоминается. Может, если бы она была увлечена чем-то, делала бы что-нибудь, была бы занята делом, всё было бы иначе. А так, что только на ум не приходит. Да, её отец и братья отца воевали – кто на стороне красных, кто на стороне белых. Такое было время, запутанное. Один погиб здесь, а остальные трое ушли в мир иной в Сибири. Матери её особенно приятно было, что супруг лежит в родной земле.

С того дня, как их арестовали, Асхат, который давно за ней бегал, просил её руки, так и не показавшись. Это тогда очень огорчало, даже мучило Асият. Теперь она уже об этом не думает, а тогда... Поэтому, когда Бузжигит умыкнул её, она даже обрадовалась этому. Хорошим был человеком Бузжигит. Просто судьба была недобра к нему: в 30-е годы двух братьев Асият и его арестовали в один день, когда они косили траву в горах. Оттуда увезла их черная машина.

Когда об этом стало известно, они с мамой не спали до утра. Утром бедная Нафисат, её мама, попросила Асият:

– Сбегай, доченька, к Шамдарий. Может, она что знает.

Они были двоюродными сестрами.

Шамдарий тоже была в отчаянии.

– Не знаю, Асият. И для вас, и для нас опасно то, что их арестовали. А наш... ни дня, ни ночи для него нет, всё ходит где-то. Если бы он знал, сказал бы что-нибудь.

Потом только Асият узнала, что в аресте мужа и двух её братьев

был виновен Баттал. Это его черная бумага до сих пор лежит в архиве. И она, эта бумага, не дает покоя Асият, как только она о ней вспомнит, неудобно, плохо ей становится. Есть ли на свете сила, которая могла бы её уничтожить? Иногда она даже начинает сомневаться в том, что Баттал мог так поступить с ними. А бумага, вся пожелтевшая от стыда, от того, что хотела спрятать свои буквы, лежит за семью дверями на железной полке в черной папке, перевязанной пыльными ленточками.

Когда стало известно, что Бузжигит и два его брата расстреляны, они ночью сбежали в Карачай. А оттуда перебрались в Дагестан. Там они прятались в те страшные годы. К счастью или к несчастью, там ещё много было людей из их племени.

Асият вернулась сюда, на родину, перед войной. Да, отсюда ушли на фронт её сыновья, Хамзат и Чачий. Асият думала, что они будут ждать её здесь, потому и спешила вернуться из Азии в родное село. Но её здесь никто не ждал. Потом она узнала, где лежат её сыновья, её герои. Она побывала там. Может, сама и не смогла бы, если бы Халимат не стала ей спутницей.

Сама, одна она выходила в дорогу, когда пришло изгнание. Не одна, конечно, с односельчанами. А с кем ещё ей было ехать туда, в безызначность, если её сыновья ещё не успели обрадовать мать невестами?

Много о чем она рассказывает сыновьям, глядя на их пожелтевшие фотографии. Жаль, нет среди них Бузжигита – их отца. Не осталось от него даже фотографии...

В последнее время она путает имена сыновей. Иногда забывает их. Тогда, обращаясь к ним, говорит: «Родные мои!» Халимат, сестра её сыновей, с которой они не были знакомы, заказала красивые рамки и повесила их фото на стене её комнаты. За это Асият ей очень благодарна. И ещё ей очень нравится, когда внуки несут портреты её сыновей на параде.

Она думает, что они, Хамзат и Чачий, не знают Халимат. А они её знают. Как не знать, если видят каждый день? Хотя фотографии на стене молчат, Асият сердцем чувствует, когда они печальны и когда им радостно. Халимат часто вытирает с них пыль, и когда она это делает, её сыновья, видимо, чувствуя тепло рук сестры, становятся веселее.

Когда её народ изгнали, Асият оказалась в пригороде Алма-Аты. Халимат она нашла там, на груди её умершей матери. В тот день, чтобы выкопали могилу и похоронили маму Халимат и её брата, она отдала одному казаху свой лучший бухарский платок. Спасибо ему, он и дуа прочитал на той могиле. Поминки она сделала, как только смогла, позвав эфенди, чтобы почитали Коран. Фамилию девочке не поменяла, чтобы иногда она называлась своим именем, ради тех несчастных.

Она помнит, как плакали люди, когда умер Сталин. Да, в тот день даже в колхозе остановили работу. Она тоже плакала. Думая, что она

так убивается по Сталину, бригадир Сайдулла старался её утешить, похлопывая по плечу и приговаривая: «Не плачь. Все в этой жизни делается по велению великого Кудая⁴». А потом они делали дууа.

Асият до сих пор удивляется, зачем надо было делать дууа по Сталину, он что, был мусульманином, за которого можно было бы просить у Аллаха простить его грехи? И плакала она вовсе не по нему, она оплакивала судьбы отца, его братьев, своих братьев, супруга, да ещё многих других, так несправедливо пострадавших от рук вождя. Аллах сам знает, кого она оплакивала.

Сыновья Асият были мужественными людьми, как и их отец. Подтверждение этому нашла Халимат. Она искала о них весточки в архивах. Искала и собирала понемногу. Хорошо, что их имена, как у многих таких солдат, не потерялись в земном хаосе. Асият радуется, что они ордена и медали получили, и это известно. Известно многим, раз сохранились бумаги, где об этом пишут. Асият всегда знала, что она вырастила хороших ребят. Иногда ей жаль, что они отдали свои молодые жизни за страну, которая их совсем не баловала. Но разве они об этом думали, когда враг стоял у рубежей? Нет у них другой Родины.

А Халимат – учительница, работает в школе. Асият довольна собой, довольна, что дала ей образование. И государству спасибо за это. Как только вернулись из изгнания, она отправила дочь учиться и каждые выходные ждала, поглядывая на дорогу. Халимат выросла красавицей, душа у неё чистая и щедрая. Ни разу она не обидела Асият. Зять тоже.

Жамал рос в детском доме. Отец его погиб на войне, мама – в изгнании. Он и два его брата, все мал мала меньше, потеряв там друг друга, встретились здесь, в родном селе. Здесь они узнали друг друга. Асият нравится, когда они собираются вместе. Веселые они, хорошего нрава, от их присутствия, от их добрых голосов светом наполняется весь дом. Хотя средний-то не говорит – он немой. Думают, испугался чего-то маленьким, а сначала говорил. Братья не вспоминают то время. Осман, старший, пасет колхозные отары, Мазан – тракторист, а Жамал работает водителем в колхозе.

В первое время Асият стеснялась того, что зять пришел к ней жить. Пришлых в селе не жалуют. Но всё же была рада тому, что Халимат и Жамал не оставили ее одну. Красиво они живут. Не то чтобы ругаться, Асият не слышала, чтобы они даже громко разговаривали друг с другом.

Раньше по ночам с бабушкой спала старшая внучка. А теперь они строго соблюдают очередность, когда и кому оставаться с ней. Все сказки, которые слышала в далеком детстве от отца, пересказала им Асият, а внуки все просят и просят. Нравятся они им. Она научила их читать «Фатиху» и «Аятул-курси». Многое она забыла, а их помнит, потому что слышала в детстве...

⁴ Так называли Аллаха азиаты.

- Халимат, – позвала она. – Что слышно про Баттала?
- Про какого Баттала?
- Про мужа Шамдарий.
- Мама, его давно нет. Ты это знаешь, просто позабыла, видно. Вспомни, мама, мы же вместе ходили соболезновать, когда он умер.
- К Шамдарий?
- Шамдарий умерла ещё в Казахстане. Мы ходили к Мустафе, к их сыну. Он теперь живет в их доме.
- Значит, Баттал умер. А он думал, что никогда не помрет.
- Кто приходит в этот мир, чтобы не умереть?
- Он не разрешал Шамдарий общаться с нами, говорил, что мы враги народа. Ты это знаешь?
- Знаю, мама. Это было давно. Ты теперь не думай об этом. Не трави себе душу.
- Значит, они все вместе там. Если там встретился с моим отцом, что, интересно, сказал ему Баттал? Они были свояками – зятями одной фамилии. Как мне не думать об этом? Когда мы вернулись из изгнания, а мы приехали раньше других, если помнишь, тогда он стоял передо мной и кричал: «Оллахий, ты, Асият, и в огне не утонешь и в огне не соришь. Вот вернулась, хотя и являешься врагом народа». Вот так он и сказал. Поэтому я тогда его выгнала со двора... Почему это я враг, если мои сыновья гнали врага до Берлина? И отец их никому не делал зла. Он боялся за свое место и погубил моего отца вместе с его братьями. Если на то пошло, колхоз, где он был председателем, был образован за счет имущества моих родных, за счет нашего скота. А их уничтожили. Кого убили, кто оказался в Сибири из-за таких, как Баттал. Вот потому я и печалюсь, что пришлось мне всё это увидеть и остаться последней из большой и дружной некогда семьи. Говорят же: самый ничтожный остается последним.
- Не говори так.
- Умершие хотят, чтобы их помнили. Сегодня, в благословенный вечер четверга, возьми из моих денег и раздай детям сладости. Давай вспомним и твоих, и моих.
- Я и сама могу.
- Нет, хочу из моего труда чтобы было. Много работала. Заработала я эту пенсию.
- Как желаешь, мама.
- Сердце Халимат успокаивается, когда она видит, как её мама, изредка бросая взгляд на фотографии на стене, перебирает четки, что-то шепча про себя. Она уверена, что там, где живут вера и молитвы, старость приобретает особый свет. Поэтому Асият просит долгой жизни своей матери. А та думает, что Аллах позабыл о ней.

РАССКАЗ О ЛУЧШИХ

Про Байсултана говорили: рожденный мужчиной! Он был сыном Кантемира, которого многие знали в тех краях. Имя его вошло в героические песни и песни-плачи. Да, Байсултан был достоин своего отца.

Отец Кантемира, дед Таусултана, тоже был одним из могущественных людей своего времени в том ущелье. Много было скота, земли и другого богатства у таубия. Ничем он не уступал многим, прославившим свое имя князьям. Несмотря на это, люди запомнили его благожелательным, простым человеком. Рядом с ним никто не чувствовал себя неуютно. Сына своего, Кантемира, он тоже воспитал благородным. Всегда говорил, что главный столп жизни – это справедливость и доброе отношение к людям.

Была у сына таубия Кантемира возлюбленная, в которой он души не чаял. Красавица была дочерью князя из Дигоры. Ее звали Мисурат. Многие известные жырчы⁵ того времени воспевали её в своих песнях. У Кантемира тоже была песня о ней.

Приехал Кантемир в очередной раз в Дигору, чтобы увидеть красавицу-невесту и посмотреть в её бездонные глаза, но... Кунак, у которого он обычно останавливался, встретил молодого таубия очень печальным. Кантемир понял: случилось что-то нехорошее.

– Бекузар, мне не нравится твоя печаль, что произошло? – посмотрел в глаза кунаку молодой таубий.

– Дорогой мой гость, сегодня я не смогу тебя обрадовать, потому и горит мое сердце.

– Скажи прямо. Только правда может быть истиной – говорят у нас.

– Красавицу Мисурат вчера вечером засватали за сына одного из дигорских князей и увезли в соседнее ущелье.

Услышав это, Кантемир и его друзья вскочили на коней и поспешили за свадебным кортежем. Догнали ровно в ту минуту, когда невесту вводили в ворота дома жениха. Кантемир подхватил на коня свою Мисурат и галопом помчался в горы с джигитами. Погоня не заставила себя долго ждать. Но ни один из преследователей не вернулся домой живым.

Большое горе пришло в дома соседнего дигорского ущелья. Много раз от таубия ходили туда посланцы, но их не пускали даже на окраину села. Так началась вражда между двумя ущельями. Похоже, это было надолго.

Возлюбленная Кантемира, имя которой совсем недавно воспевали с любовью, а теперь уже с проклятиями, не могла простить себя за горе, причиненное этим людям, сердце её не тлело, а горело адским пламенем. Мисурат умерла, когда сыну её не было и трех лет.

⁵ Жырчы – сочинители и исполнители песен.

После её смерти жизнь стала не мила Кантемиру, он затосковал, и не было в мире сил, которые могли бы заставить его улыбнуться. Жить ему не хотелось. Возможно, поэтому и привела его судьба к ещё более великой печали.

Однажды два его друга вытащили таубия в горы на охоту. Там они и встретились со своими заклятыми врагами. Ни те, ни другие не были простыми людьми – они были воинами, умели держать в руках оружие. Погибли многие. В живых остались Кантемир, его слуга и мальчик лет одиннадцати-двенадцати из дигорцев.

Мальчик схватил ружье одного из бездыханных сородичей и направил его на таубия. Слуга Кантемира крикнул:

– Чего ты ждешь? Убьет же сейчас! Стреляй!

Тогда Кантемир спокойно промолвил:

– Не могу. Не хочу смешать свою кровь с молоком ребенка.

Он не поднял ружья, не схватился за лук. Он просто стоял и ждал.

Мальчик выстрелил и убил Кантемира, а слугу его не тронул. Видно, белой кости был парнишка, не хотел замарать свою честь, застрелив слугу.

Сыном того Кантемира и был Байсултан.

Грянула революция, потом война... Поздно женился Байсултан. Когда родился Мухаммат, не очень-то обрадовалась Зулейха. Этому никто не удивился, ведь сын привязал её к старому Байсултану навсегда. Не любила она его. Связала с ним судьбу только потому, что хотела убежать от постоянных укоров мачехи. Да и отца своего несчастного хотела освободить от этой страшной зависимости. Но в доме мужа её тоже не ждало облегчение. Это она поняла уже в первые дни. Ни минуты не могла передохнуть – дом, двор, скотина, огород, гости...

Бедняжка Зулейха покинула этот мир в один из ярких летних дней, не справившись с родами. Когда Байсултан, услышав об этом горе, вошел в комнату своей молодой жены, грозно стукнув дверь, и нагнулся к ней, то заметил шевеление простыни, накинутаой на тело.

– Ребенок все еще жив! – закричал он.

Зулейха, его Зулейха, лежала безжизненно, а внутри её ребенок боролся со смертью. Байсултан быстро схватил нож, что висел на его ремне, вспорол живот умершей и осторожно вытащил из её чрева ребенка...

В тот роковой день он дал себе слово, что больше никогда не женится. Тяжело было, что там говорить: два малыша на руках. Один, несмышлениш ещё, только первые шаги делает, другой... Но родные отговорили Байсултана от клятвы и привели к нему в дом женой Сырму – сестру Зулейхи.

Многие отговаривали Сырму от этого шага. Говорили: как можешь ты выйти замуж за Байсултана, который зарезал мертвую жену, твою сестру?

Но отец её, почерневший от горя после похорон старшей дочери и как-то сразу постаревший, молвил:

– Всё в руках Аллаха. От его предписания никуда не убежать. Тебя я завещаю Аллаху, а детей – тебе. Пусть Он оберегает вас.

Тогда уже Сырма приняла решение.

Она стала хорошей матерью для Мухаммата и Ахмата. Сестру им родила. Но сирот своих, говорят, опекала лучше, чем дочь. Единственным сыном был Байсултан у своей матери, теперь же у него были сыновья и дочь, наполнившие жизнь его смыслом, а дом – шумом и детским смехом. Это радовало его старость. Что старость? Ему казалось, он только начал жить.

Каждый раз, когда спускался с гор, Байсултану казалось, что они подросли, и он с умилением смотрел на своих детей, отмечая что-то новое в них.

А потом началась война. Друг за другом покинули отчий дом Мухаммат и Ахмат. Не вернулись они с фронта. Сырма носила с собой их треугольные похоронки – они были с ней здесь, затем в изгнании, потом снова вернулись домой. Байсултану она их так и не показала. Потом уже как-то пришел он к ней в сон.

– Дочь Отара, дети наши со мной. Хоть ты и скрывала это, – то ли упрекнул он ее, то ли просто сказал, чтобы она знала.

Сырма же позавидовала ему, уж очень она по сыновьям скучает.

Сегодня вечером они, Сырма и Байсултан, сидят в своем дворе, совсем близко друг от друга. Мужчина – под деревом на длинной скамье, которую поставил там его внук Абдул-Керим, а женщина – на пороге. Вроде рядом, а кажется, что их разделяет тысяча лет.

Вечер прохладен сегодня, как будто хочет заставить всех забыть о дневном зное. Не дожидаясь, пока солнце уйдет за гору, появилась луна. Какое-то время они смотрели друг на друга. Именно так бывает, когда они встречаются: темнота немного пребывает в растерянности, а потом как-то сразу и без шума начинает распространяться на землю и небо из леса, скалистых пещер, глубоких ущелий.

– Мама, уже прохладно, не сиди, – несколько раз предупредила дочь.

А потом, когда поняла, что она её не слышит, принесла подушку в бархатной наволочке, подняла маму и усадила на неё. Ждала, пока бабушка уляжется, и сноха ее дочери – молодая келин. Она не спешила уйти на покой, пока Сырма сидела на пороге. Увидев её беспокойство, Сырма погладила ей руку:

– Странная сегодня ночь, звезды так близки, как будто небо спустилось ниже. Не жди меня, родная, ложись. Недолго мне осталось смотреть на такую красоту.

А про то, что Байсултан сидит во дворе на длинной деревянной лавке, она не сказала. Она знала, не просто так пришел он сегодня ночью сюда.

Танзиле Зумакуловой

... У Времени в плену
лишь на мгновенье...

Нет. Это Время
навек попало в плен стихотворений,
В которых жизнь и чувства наяву:
Здесь – мальчик, весь в пороховом дыму,
И бабушка из горного селенья,
И горький хлеб изгнания,
И радость возвращенья,
И солнца луч, упавший на скалу,
Где так доверчиво дрожит от изумленья
Цветок, свою раскрывший красоту.

И в каждой строчке
Ваш певучий голос,
Он о любви и верности поет,
Он белым никогда не назовет,
Что черным предстает его народу.

И собственным страданием и болью
Здесь каждая оплачена строка,
И потому – правдива и легка,
И так мудра, и так полна любовью.

Язык поэзии – всегда язык любви,
Он одинаково звучит на всех наречьях,
Но он бы обеднел без Вашей речи,
Без брызг бриллиантовых и пламени в крови.

Велик народ, который дал Поэта,
Велик Поэт, свой сохранивший дар,
Чтоб на священный возложить алтарь
И песнь, и жизнь, что им была воспета.

ДУХ И КАМЕНЬ
Европейский дневник

Другие играют Шопена.
И снег за окном – другой.
Но голос певца из Чегема
вновь эхом звучит надо мной –
играют Шопена.

Безмолвно кружение снега,
над бездной страданий – покой.
Сливается музыка сердца
с начертанной кровью строкой –
играют Шопена.

ЭТЮД

Я вышел в ночь. Чернело поле,
зубчатый лес темнел вдали, –
этюды дремлющих мелодий
порывы ветра донесли.

Такой любовью и печалью
тогда повеяло с полей,
и мне предстали в дальней дали
тьень Эвридики и Орфей.

И эта ночь, и это поле,
и лес, чернеющий вдали, –
как голос Бога одинокий,
на нотный стан певца легли.

ПЕПЕЛ И АЛМАЗ

Я к камню прикоснулся. Он молчал,
памятью обуглен и расстрелян.
Навсегда свободен – кто восстал,
кто на этом камне умирал,

в жерле гнева превращаясь в пепел.
Над костелом, в синеве небес,
колокола звон – и чист, и светел, –
нет напрасных жертв, хоть тяжек крест, –
стал алмазом их священный пепел.

СКЕРЦО

Непостижимо, как и в миг какой,
из ног, пронизанных печалью,
возникли звуки музыки иной,
наполненные яростью и сталью.

Над Старым Городом, сжимая щит и меч,
парит Русалка, размыкая воды,
и льется музыки трепещущая речь –
щит пламенной любви, разящий меч свободы.

Подняться на крышу Рейхстага
не составит труда.
Довольна открывшимся видом,
гуляет толпа
со всех континентов, всех рас
и цвета кожи,
и ветер гуляет,
задиристей всех и моложе;
и купол стеклянный,
наполненный синью небес,
вмещает людей и пространства
значительный вес.
По сфере ползет верхолаз,
на муху похожий,
и драит до блеска стекло
и облако чистит он тоже.
Идиллии нету конца.
Но крикнула женщина с дрожью:
– Куда?! Скажите! Куда втыкали знамя?!
А в ответ тишина.
Деликатная.

В слове «Трептов» затаился трепет.
Так и вступаешь в парк.
Остановилось время. Лепет
слов переходит в шепот
листьев, согбленных скорбью
почерневших берез,
и молчание трав.
Безымянные спят батальоны,
смертью
 смерть
 поправ.

По Унтер ден Линден
 маршируют липы,
каждая –
 со своим номерком.
Чистота и порядок
 прилипли
намертво. Ненароком
ловишь себя на том,
 что нарастает
 протест, –
ищешь, куда бы присесть,
чтоб ощущать его лучше.
Из стерильных кустов,
 чинно,
переваливаясь с боку на бок,
выходит стайка
 откормленных
 воробьев,
о своем чирикают.
Воробей-бюргер надменен –
 он не просит, не ждет –
он пришел взять трофей.
Не дождавшись,
 грузно ступая,
уходит в кусты,
напоследок чирикнув:
 – Auf Wiedersehen!

Когда Дрезден пылал в огне,
когда
 падало с неба
 с бессмысленным воем
 возмездье, —
уцелела стена.
 На стене —
 безмятежное шествие:
кавалькада курфюрстов
 саксонской земли, —
как осколок искусства
 и бессмертного чувства,
уцелевшей от бойни любви
на белом коне.
Кавалькада саксонских курфюрстов —
проклятье войне.

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Ангельские лица в облаках,
Сикст с Варварой в мученических ризах,
женщина с ребенком на руках —
образ вечный вечной жертвы миру.

Только вспоминаю я другой
образ женщины с младенцем несмышленным;
крики — «Шнеле! Юде!» — за спиной,
автомата ствол, к лицу взведенный.

Преклоняюсь перед мужеством сельчан,
перед их апостольской отвагой —
не отдали смерти и врагам
маленькую Миру с юной Сарой.

Эта женщина, чуть больше двадцати —
моя бабушка с характером упрямым,
ну, а крохотный младенец на горсти —
это просто — это моя мама.

Плывя в волнах грассирующей речи,
я думал с горечью о тех,
кто арестован был и был расстрелян,
валил тайгу и добывал Победу,
кто, словно раб, прикованный к галере,
не разгибал натруженной спины.
Я вспоминал о тех, чьи дети,
тяжелые с отцов снимая цепи,
вериги власти на себе несли.
Я наполнялся гулом голосов
невысказанных чувств и вдохновений,
исчезнувших навеки поколений.
Я чувствовал опустошающую горечь
за здравствующих и не доживших,
за всех, кто мог бы объясниться в любви –
в Париже, и к Парижу,
плывя в волнах грассирующей речи.

ДЖОКОНДА

И вот она передо мной –
с улыбкой странной.
И мы объята тишиной
и вечной тайной.
Твой взгляд сумел преодолеть
веков пространство, –
не властна над тобою смерть, –
и мы не властны
проникнуть в тайну этих бездн –
как и откуда
нисходят гении с небес
и дарят чудо.

ДУХ И КАМЕНЬ

Внушали страх и трепет твои химеры.
И год за годом каждый камень твой

ложился прочно в основание веры, –
крестьянской мозолистой рукой.
Не красоту народ творил, – молитву,
и к небу устремлял он лес стропил,
и не жалел – ни времени, ни сил,
себя увековечивая в камне.
Не потому ль под сводом Нотр-Дама
уста смыкаются невольно сами,
и кажется – над нами небосвод
иного неба, созданного вами,
скрепивших своей плотью Дух и Камень
и ожививших каменную плоть.

Золотым эполетом
блещет мост Александра
на парижском плече,
словно отблеск былого
величья и славы,
отражаясь в воде.
Блики русского солнца и тени
эмигрантских надежд –
мост, парящий над Сеной,
не смыкающий вежд.

*И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже.
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»*

Его узнал я сразу. Четкий
ни с чьим не спутать силуэт –
летит в своей крылатке черной
он – легкокрылый бог, Поэт!
И вслед за ним, с одышкой споря,
спешу к подножью Сакре-Кёра, –
преодолев ступеней ряд,

ловлю его смешливый взгляд;
и вновь бегу за силуэтом, –
нырнул и скрылся он в метро, –
сегодня слышал я в бистро:
«Восстал он против мнений света...»
Я мчусь за ним в Булонский лес –
стучит в висках – Дантес... Дантес...

Из этих узких улиц, вдоль каналов,
возникли призраки российских кораблей,
когда преображенец-царь – Михайлов
учился азбуке рангоутов и рей.
Нет, не названия снастей и такелажа
зубрили отпрыски боярства и князей –
с голландских разбегались стапелей
Гангут и Чесма, мужество «Варяга».

В АЛАГИРСКОМ УЩЕЛЬЕ
Глава из романа «Одинокий волк»

Шли дни, недели, месяцы, но мира не было нигде, народ, разделенный на два лагеря, оказался втянутым в братоубийственную войну. Кто-то был на стороне красных, кто-то примкнул к белым, а были и такие, кто метался между ними. Занявших выжидательную позицию тоже было немало.

Пошли слухи, что отряды красных салмыковцев отошли в Осетию и собирают огромное войско, что вот-вот пойдут на Кабарду, и белым их не остановить. Другие слухи это опровергали. Смутное время рождало многочисленные противоречия и противостояния. Народ жил в постоянном волнении, не зная, чего ожидать далее, но все были уверены в одном: какой бы цвет ни пришёл к власти, ждть спокойствия и счастья не приходится.

Аскер сражался в сотне Заурбека. В каждом большевике он видел мучителей и убийц своих родных. Ненависть к красным перевешивала в нем все иные чувства, поэтому его самым большим желанием было нанести смертельный удар большевикам, уничтожить их на корню. Он стал вспыльчив, иногда агрессивен даже по отношению к друзьям и сослуживцам. В бою Аскер бывал так необуздан, что, казалось, искал смерти.

Смеркалось, когда Аскер прискакал в штаб к Заурбеку. Площадь казачьей станицы была забита всадниками. Вокруг царила суматоха. Военные забегали в штаб с донесениями, выбегали быстро обратно, садились на коней и исчезали в темноте. Поздоровавшись с офицерами, стоящими у входа, Аскер зашел к Заурбеку. Он стоял над картой с Хабижем и Хазешей, карандашом прочерчивая какую-то линию.

– Салам алейкум! – поприветствовав офицеров, Аскер обратился к Заурбеку. – Разрешите присутствовать?

– Уaleyкум салам, Аскер. Ты мне как раз был нужен, – сказал Заурбек. – Есть сведения, что отряды Салмыка завтра выходят из Осетии и пойдут в наступление на Нальчик. Нельзя терять ни минуты. Я со своим отрядом выступаю через полчаса и иду прямо на Лескен, навстречу основным силам красных. А вы, – обратившись к Хабижу и Хазеше, показал на Аскера, – вы со своими эскадронами обойдете

салмыковцев через Черекское ущелье и послезавтра утром внезапно ударите по ним с тыла... Вот на этом месте, – показал он карандашом на карте. – Здесь у реки место узкое. Им негде будет развернуться. А вот здесь, рядом с осетинским аулом, большое поле. Здесь я их и встречу. Если не разобьем красных здесь, потом нам будет туго.

– Что, на самом деле так худо обстоят наши дела, Заурбек? – спросил Аскер.

– Да, всё очень сложно. Восемнадцатая армия красных сильно напирает. А у нас кончаются припасы, нет снарядов, патронов не хватает. Деникин молчит. Неоткуда ждать помощи, – хмурился Заурбек.

– Не хочешь ли ты сказать, Заурбек, что дело, ради которого мы пролили столько крови, проиграно? – вдруг спросил Аскер, меняясь в лице. – Я хочу только правду! – Аскер еле сдерживал свой гнев.

Хабиж и Хазеша в недоумении посмотрели на Аскера.

– Больше года нас всех ведет надежда на то, что сможем отстоять свою правду, – заговорил Заурбек после короткой паузы. – И сейчас надемся на это, но ситуация очень серьёзная. Большевики воюют с инстинктом животных, они преисполнены жестокой воли к власти. Не время питаться иллюзиями. Если мы сейчас не победим, то потеряем всё. А сейчас пора выступить! Через час за нами выступаете вы. Сверим часы, – Заурбек вынул из кармана часы на цепочке, – сейчас без пяти семь. Послезавтра, ровно в одиннадцать утра, я встречаю красную кавалерию у аула Ардон. Как только мы пойдем на врага лавой, атакуйте их с тыла. Опоздаете – они нас сомнут. На их стороне численный перевес, но на нашей стороне внезапность и скрытность. Они нас не ждут.

Заурбек, нацепив шашку на ремень, вышел на улицу. Прямо у входа стояли тачанки с пулеметами. Всадников вокруг было много.

– По коням! За мной, марш! – скомандовал Заурбек и отряд тронулся под лай казачьих дворняг, поднимая пыль над всей станицей.

Аскер, Хабиж и Хазеша провожали взглядом своего командира, скачущего во главе отряда кабардинцев. По ночной улице станицы пронесся топот копыт, и какое-то время в воздухе стоял стук колес тачанок о каменистую почву.

Ровно через час отряд Аскера в составе трех эскадронов оставил станицу и поскакал в сторону ущелья, предварительно заменив лошадей, которые не смогли бы выдержать предстоящий переход.

Строго запрещалось курить и шуметь. Отряд двигался целую ночь, обходя аулы и станицы, чтобы передвижение конной группы осталось незамеченным. Надо было поскорее покинуть долину и выйти к предгорьям, чтобы успеть добраться вовремя до намеченного Заурбеком пункта. Все выехали налегке и продовольствия взяли поменьше, чтобы побольше взять патронов и корма для лошадей.

К утру вышли к ущелью и остановились в лесу. Заняли небольшую поляну, где передохнули, после чего к вечеру двинулись к перевалу, по которому можно было пройти ускоренным маршем.

Впереди ехали два всадника, хорошо знавшие все переходы и тропы. С ними ехал и Аскер. По разбитой горной дороге, покрытой ночным мраком, отряд продвигался к намеченной цели. Начались крутые подъемы. Здесь все спешились и, держа измученных коней под уздцы, пошли вперед.

– Может, передохнем, Аскер? Смотри, люди еле передвигаются. Да и лошади тоже, – раздался сзади голос Хазеши.

– Не время, Хазеша. Уже полночь. Скоро начнется спуск, станет легче. К утру мы должны быть на месте. Там и отдохнем, – возразил Аскер. – Хорошо, что ты подошел. Посоветоваться нужно.

– Говори, Аскер, я слушаю, – сказал Хазеша.

– Есть у меня одна задумка. Что, если большевиков оставить без их командира?

– Не понял... Как? Как это тебе представляется?

– Заранее доберемся до места и устроим облаву на него. Возьму с собой нескольких всадников и нападку неожиданно. Если получится, возьмем живым, не получится, на месте уничтожим.

– Среди бела дня? Врезаться в гущу большевиков? Глупо! Это же самоубийство! – в голосе Хазеши были и непонимание, и возмущение.

– А что нам терять? Всё равно мы эту войну проиграли. Какая разница, где погибать? Зато большевиков оставим без главаря. У меня к нему особые счеты. Пойдешь за мной? – Аскер посмотрел на друга.

– Аскер, я никогда не был трусом. И все мои кресты я заработал, рискуя своей головой. Пойти с тобой на любое дело для меня большая честь. Но считаю эту затею авантюрой. И прежде всего мы должны выполнить приказ Заурбека. Считаю это главным. Если мы не ударим по красным с тыла, погибнут сотни наших бойцов, и это будет на нашей совести. Так что думай. У нас будет ещё и время, и возможность потребовать ответа не только от Салмыка, но и от всех большевиков. Я так думаю, Аскер.

Хазеша направился к своему эскадрону и наткнулся на Хабижа, который, тяжело дыша, шел навстречу.

– Ну, поговорил с Аскером? Зачем он нас так гонит? – спросил Хабиж.

– Торопится. И правильно делает. Думаю, салмыковцы тоже не спят, – ответил Хазеша. – Слушай, что хотел я сказать-то. Аскер задумал взять Салмыка живым, – сказал Хазеша.

– Это кто тебе сказал, Хазеша? Случайно не он сам? – улыбнувшись, взглянул Хабиж на Хазешу.

– Сам, конечно. Кто же еще? После плена с ним что-то происходит.

Не иначе, как ищет смерти. Может, уговоришь его не ввязываться в авантюры? – сказал Хазеша.

– Я его горячую голову знаю. Ещё не было случая, чтобы кому-нибудь удавалось уговорить его. Но то, что он задумал глупость, – это факт! Хорошо, я попробую с ним поговорить. Когда он это тебе сказал?

– Только что. Рисковая голова. Отчаянный черт, как бы чего не выкинул, – сказал Хазеша, уступая тропу идущим всадникам.

– Это кто у нас такой отчаянный? – раздался рядом голос Аскера.

– Аскер, Салмыка, значит, хочешь взять живым? – спросил его Хабиж. Аскер косо посмотрел на Хазешу.

– Я просто подумал, что Заурбек не одобрил бы твое намерение, – продолжил Хабиж.

Аскер молчал. Он в душе был уверен в правоте своих друзей. В нём кипела кровь, и он в душе молил Аллаха столкнуть его с Салмыком в бою, чтобы эта встреча стала актом мести за убийство его семьи.

Они шли молча. Аскер тихо заговорил.

– Братья Нальчи, убийцы моих родных, в большевистской банде Салмыка. И я должен их найти.

– Вот и ищи их в бою. Думаю, что и они хотят встречи с тобой. Вы давние враги, – заметил Хабиж.

– Пусть ничья рука их не тронет. Они мои... – произнес Аскер тихо.

Он осмотрелся. На востоке зарождалась утренняя заря.

– Торопиться надо. Скоро рассвет, – с этими словами Аскер направился в конец растянувшейся по лесистой горной тропе цепи всадников.

Всё шире разливались лучи солнца, искрясь переливами серебряных красок на снежных вершинах Кавказских гор. Утро встречало всадников во всей красе. Дорога, поросшая лесом, вела в дикое ущелье, а затем уходила выше, за склоны темно-зеленых возвышенностей, откуда начинали свой путь талые воды горных ледников, превращавшиеся в бурные реки. Отряд Аскера дошел до Черекского ущелья, где всадники рассредоточились в лесу. Стали ждать подхода основных сил Заурбека. Аскер устроился за большими валунами на возвышенности и в бинокль наблюдал за дорогой, тянувшейся по ущелью. Единственный горный проход был виден как на ладони.

Вскоре на дороге в километре от себя он заметил вражеских всадников. Их было не более двадцати. Аскер понял, что это разведка красных и что в скором времени появится их основная сила, в тыл которой он и должен ударить. В бинокль можно было разглядеть даже лица всадников. Они ехали тихим шагом, спокойно переговариваясь, совсем не таясь. Их беспечность удивила Аскера. Да, красные уверены, что поблизости не может быть белых отрядов.

Пропустив конную группу, Аскер спустился с возвышенности и стал ждать появления основных сил врага.

В то же самое время на равнинной части ущелья отряд во главе с Заурбеком двигался навстречу большевистскому отряду Салмыка. Всадники ехали вдоль реки, по берегам которой с обеих сторон раскинулся старинный осетинский аул. Вода в реке обмелела. В заболоченных местах лежали буйволы, перепачканные грязью. Стояло жаркое лето. Несколько дней уже не было ни облачка в небе. Женщины возились на огородах и в виноградниках. Будто нигде не было войны. Мужчин почему-то не было видно, разве что старики... На пыльной дороге иногда встречались скрипучие арбы, груженные арбузами, мелкими и темноватыми с виду, но изумительными на вкус. Всадники с удовольствием лакомились ими, не отказываясь от радушного подношения хозяев. Детвора в испачканных виноградным соком рубашонках непонимающим взглядом провожала перепачканных дорожной пылью всадников. В некоторых дворах уже давили виноград, люди готовили вино и араку. Запах винограда наполнял воздух.

Аул уже остался позади. Заурбек выслал вперед эскадрон разведчиков, а сам с основными силами полка переправился на правый берег реки Лескен. Перейдя обмелевшую реку, прошел немного вглубь ущелья и в близлежащем лесу устроил засаду, чтобы внезапно атаковать ничего не подозревавшего противника, который будет проходить по дороге.

Отряд выстроился в боевой порядок и молча ждал врага. Бойцов скрывала от глаз густая растительность.

За аулом, где горные отроги спускаются в долину реки Лескен, вдруг раздались выстрелы. Вскоре вернулись разведчики. Оказалось, что эскадрон конной разведки напоролся на авангард красноармейцев, которых совсем недавно видел в бинокль Аскер. Красные открыли огонь из винтовок. Пользуясь рельефом местности, разведка Заурбека отошла назад и лесом вернулась к своим.

Прошло немного времени, и вот на дороге появились основные силы салмыковцев. Встав на тачанку, Заурбек в бинокль рассматривал красных. Неподалеку стояли штабные офицеры.

– Ну что, Заурбек? Как думаешь, выдержим? – спросил молодой, но побывавший не в одном сражении офицер, его ординарец Костя Челидзе.

– Сомнут нас, Костя. Не менее семисот шашек будет. Плюс к ним четыре тачанки с пулеметами, – продолжая рассматривать в бинокль, ответил Заурбек. – А вот и пушки.

Вслед основным силам лошадиные упряжки тянули тяжелые пушки, далее двигались обоз с продовольствием и полевая кухня.

– Да, сила, – встав рядом с Заурбеком, Костя смотрел в сторону

салмыковцев. – Только я не понял, почему они не выстроились в боевой порядок? Ведь перестрелка с нашей разведкой должна была подсказать им, что мы где-то рядом.

– Думаю нет, Костя. Не поняли. Смотри, как идут. Наверное, они подумали, что их авангард столкнулся с мелкой группой наших конников, – сказал Заурбек, убрав бинокль и доставая часы. – Господа офицеры! Сейчас без пятнадцати одиннадцать. Ровно в одиннадцать атакуем. Эх, знать бы, где сейчас Аскер. Если они опоздают, нам всем конец! Не выдержим даже первого их натиска. Их много, и они хорошо вооружены. – Слушай приказ! Эскадроны Кутепова и Чавчавадзе атакуют противника!

– Есть атаковать, господин ротмистр! – прозвучал ответ двух офицеров.

– Как только кавалерия красных пойдет вам навстречу, сделайте обманный маневр, как будто отступаете назад, и выводите их на наши пулеметы. Поручик Орлов, два пулемета на тачанках усильте парой «Льюисов» и выдвиньте их вперед, вот к тому валуну, – Заурбек показал рукой на огромный камень, лежащий в метрах пятидесяти от них.

– Слушаюсь, господин ротмистр! – поручик бросился в сторону тачанок с пулеметами.

– Как только наши пулеметчики начнут обстрел, атакуем их кавалерию полной лавою в лоб. Только по моей команде! И будем молиться богу, чтобы Аскер успел вовремя. Все по местам! – скомандовал офицерам Заурбек.

Офицеры направились к своим эскадронам.

Стрелки часов показывали ровно одиннадцать. На лесной поляне стояли три эскадрона во главе с Аскером, готовые ринуться в бой. Пропустив вперед отряды Салмыка, они, затаившись, ждали начала атаки Заурбека. В бинокль было видно, что по дороге к аулу движется кавалерия красных, а за ними пешие отряды Салмыка.

– Не предполагал, что красные рассредоточили в Осетии такую громадную силу, – сказал Хазеша, провожая взглядом красные отряды.

– Большевики не спят. Они всех переманивают на свою сторону, обещая великие блага в случае победы, – вмешался в разговор Хабиж.

– Как бы они потом не плакали горькими слезами, – сказал Аскер и добавил: – Ну что ж, посмотрим, какого цвета кровь большевиков Салмыка, – глаза Аскера были холодными. – Чем их меньше, тем лучше для нас. Только жалко, что среди них много обманутых душ, и нам придется стрелять в них.

– Так и они будут стрелять в нас. Это война, брат, – произнес Хазеша с горечью в голосе.

– Как только Заурбек начнет атаку, мы выступаем. Выводите отряды на дорогу. Сходу ударим в тыл, – сказал Аскер, опустив бинокль.

Стояла напряженная тишина. И вдруг она разорвалась. Со стороны поля послышались крики и топот лошадей. Аскер припал к биноклю, к нему присоединились Хабиж и Хазеша.

– Заурбек начал атаку! – крикнул Хабиж.

– Командуй, Аскер. И нам пора! – крикнул Хазеша.

– Не думаю, что пора. Атакуют всего два эскадрона, не больше. Видно, Заурбек что-то задумал. Подождем, – произнес Аскер, продолжая смотреть в бинокль. Он увидел, как из леса выскочили всадники и рванулись в сторону неприятеля, даже не оголив шашки, что удивило Аскера. Раздались нестройные выстрелы, и идущая по дороге кавалерия врага бросилась им наперерез через поле. Словно лавина, они понеслись на эскадроны Заурбека с оголенными шашками. Но что это? Не доскакав и до середины поля, эскадроны развернулись и начали отступать.

– Они отступают! – закричал Хабиж. – Пора атаковать!

– Аскер, они их сомнут! Пора выступить! – крикнул Хазеша.

– Терпение, господа! Терпение! Чувствую, Заурбек подготовил им сюрприз!

В подтверждение слов Аскера, как только отступающие эскадроны скрылись в лесном массиве, заработали пулеметы Заурбека. С лошадей падали красные, скошенные пулеметным огнем. Лошади на бегу опрокидывались вверх ногами, сбрасывая и подминая под себя всадников. Они стали сбиваться в кучи, некоторые поворачивали назад, преграждая путь идущим сзади. Вслед за отступающими из леса салмыковцами хлынуло войско Заурбека. Опытные всадники, закаленные в боях Первой мировой, ловко управляя боевыми конями, понеслись вслед за противником. Понеслись с оголенными шашками, с желанием уничтожить врага не только оружием, но и своей яростью. Одно дело, когда враг немец, и совсем другое, когда брат убивает брата. Но и тогда, и сейчас – гром пушек, топот, ржанье, стон, смерть, сущий ад наступали отовсюду.

Неожиданно снаряды разорвались в гуще атакующих войск Заурбека, в воздух взлетели разорванные на куски люди и лошади. Участился огонь артиллерии. Вскоре черные облака дыма вперемешку с удушающей пылью нависли над полем... В этот момент по команде Аскера все три эскадрона ударили по врагу с тыла.

– В атаку! М-а-арш! – закричал он, и они с боевым кличем: «Лаилаха илаллах!»¹ – рванулись на врага.

Аскер направил Абрека в центр отступающей красной кавалерии. Увлеченный атакой, он оторвался от своих, очутился в гуще

¹ Нет бога, кроме Аллаха – важнейший тезис мусульманской религии, столп ислама.

отступающих красных кавалеристов. В вихре атаки он увидел, как Хабиж с ловкостью барса рубится с красными, но на него начали насаждать со всех сторон, и он бросился к нему на выручку. Зарубив с ходу одного, он кинулся к другому, и на полном скаку Абрек ударил грудью коня красного всадника. Отлетев в сторону, тот перевернулся и подмял под себя седока. В этот момент сзади к Аскеру подскочил другой конник и замахнулся клинком. Он увернулся от удара, а Абрек, встав на задние ноги, ударом передних вышиб красного всадника из седла. Громко вскрикнув, тот упал на землю, и его затоптала несущаяся вперед кавалерия. Заметивший это Хабиж закричал во весь голос: «Лаилаха илаллах!» – и рванул вперед. Строчили пулеметы красных, визжали пули белых и в огненный шквал погрузились все. И уже не было силы, способной остановить этот порыв атаки. Пулеметчики красных стреляли уже и по своим, и по чужим, превращая все в одно большое кровавое месиво. Эскадроны бросились прямо на пулеметчиков, рубя и расстреливая в упор.

Раненых, упавших с коней, ожидала незавидная участь моментально быть затоптанными копытами лошадей. Воздух был полон шумом битвы: взрывы, звон шашек, крики раненых, ржание обезумевших лошадей. Нельзя было разобрать ничего вокруг. Смерть объединяла и лошадь, и всадника. Казалось, сама земля стонет от ударов копыт и снарядов, от неоправданной гибели её сынов.

Не выдержав натиска, красные стали сбиваться в кучи, не понимая, куда себя деть среди этого поля, устланного телами людей и лошадей. В течение короткого времени кавалерия красных была полностью разбита, и эскадроны перекинулись на пехоту. Остатки артиллерии красных, побросав орудия, рассеялись в близлежащих лесах. Больше половины салмыковцев сдались на милость победителю. Это было неизбежное, скоротечное, заранее предусмотренное Заурбеком уничтожение основных сил противника.

Было уже за полдень, когда Аскер с Заурбеком выехали осмотреть место битвы. Каменная и неровная земля речной долины была усеяна трупами. Знойное солнце ползло по безоблачному небу. Держась правого берега, они ехали спокойным шагом, рассматривая убитых людей. Одни упали на спину и лежали с открытыми глазами. Другие распластались лицом вниз. Рядом лежали погибшие кони. И сотни лошадей бродили по обоим берегам реки, разыскивая своих седоков.

– Тяжко смотреть на все это. Люди сами втягивают друг друга в бойню, но насколько же бесчеловечно использовать на войне эти красивые и преданные создания, – сказал Заурбек, рассматривая труп вороного.

– Так уж повелось. Что поделаешь? Еще ни одна война не обошлась без них, – ответил Аскер.

– К сожалению... А всё-таки здорово мы сегодня потрепали

салмыковцев. Не скоро они очухаются. Вовремя ты ударил им в тыл. Ты знаешь, а я волновался. Думал, не успеешь. Молодец! И трофеев много. Пушки... Аж четыре пушки. Это же какое богатство для нас!

– Эскадрон Хабижа их отбил, – отозвался Аскер.

– Молодцы ребята. Распорядись, чтобы всадники поймали всех бесхозных лошадей. Они нам в будущем пригодятся. Всадники Хабижа и Хазеши сейчас прочесывают лес, выявляя остатки салмыковцев. Скоро вернутся, – сказал Заурбек, ещё раз окидывая взглядом поле боя.

Через аул гнали колонну пленных. Сопровождали их офицеры и всадники сотни. Стоявшие у плетней женщины смотрели на них и украдкой вытирали слезы. Впереди ехал Хабиж, выделявшийся среди всех всадников своим высоким ростом. Его черная черкеска была распорота в нескольких местах и погон на правом плече был наполовину оторван. Бровь над левым глазом была рассечена и следы засохшей крови виднелись на лице.

– Ну, Хабиж, с пленными как? Их много. Сдается мне, что многие из них из этого аула. Заметил, как женщины провожают их со слезами? – сказал Аскер.

Хабиж оглянулся. За колонной пленных действительно шла большая группа женщин, плача и причитая. Их становилось всё больше. Стоящие по сторонам улицы женщины, пропустив вперед колонну, примыкали к остальным женщинам, идущим за пленными.

– Передай конвойным, чтобы дальше окраины аула женщин не пускали, – сказал Хабиж Аскеру, прищипорил коня и поскакал в сторону другого берега реки, где стоял штаб Заурбека.

Он ловко спрыгнул с коня и обратился к Заурбеку:

– Господин ротмистр! Пленные... Куда их прикажете? Больше трех сотен.

Не отвечая на вопрос, Заурбек посмотрел в сторону пленных, которые стояли, ожидая своей участи. Большинство из них были совсем молодыми, лишь у немногих можно было заметить пробивающуюся седину. Некоторые были ранены и их поддерживали товарищи.

Подозвав Хабижа кивком головы, Заурбек отошел в сторону и остановился.

– Не хотел, чтоб наш разговор услышали другие. Слушай, Хабиж, я не знаю, что делать. У нас нет ни тюрем, ни средств для содержания пленных. Как ты думаешь, может, отпустить их? – спросил Заурбек и испытующе посмотрел в глаза Хабижу.

Хабиж не знал, что ответить.

– Видишь, какая ситуация... Допустим, я их отпущу. Но они опять возьмутся за оружие. У них же мозги испорчены большевистской заразой. Эта болезнь неизлечима. Поверь мне, это факт. Смотри,

сколько там раненых. Больше половины. Но у нас нет ни докторов, ни лазаретов, лишь несколько санитаров. Помимо всего прочего, их еще и кормить надо... И что ты после этого прикажешь мне делать с пленными?

Хабиж продолжал молчать.

– Молчишь? Тогда слушай приказ! Всех расстрелять! – сухо скомандовал Заурбек. – И сегодня же! Пока Салмык не очухался. Ведь он всё равно узнает, сколько нас здесь.

Пленные красноармейцы стояли или сидели на изрытом снарядами поле, среди погибших людей и животных. Санитары эскадронов оказывали помощь раненым, делая перевязки. Аскер ходил среди пленнх и внимательно рассматривал их, надеясь увидеть своих заклятых врагов. Не найдя никого, он подошел к раненому молодому парню. Чем-то его лицо показалось ему знакомым. Пленный в измятой шинели поднялся, со страхом глядя на белого офицера.

– Уадыгэ?² – спросил его Аскер по-черкесски.

– Да, – ответил тихо парень.

– Откуда ты родом?

– Из Кучмазок-аула, – так же тихо ответил пленный.

– Да ты садись. Курить хочешь? – спросил его вполголоса Аскер, протягивая папиросу.

Это был самый простой подход, который располагал коткровенному разговору. Красноармеец взял у Аскера папиросу, прикурил, и его лицо изменилось, взор просветлел, и дальше он отвечал на вопросы Аскера спокойно.

– Коммунист? – спросил Аскер.

– Что? – переспросил тот.

– Я спрашиваю, ты коммунист или беспартийный?

– А что это такое?

Аскер пристально посмотрел в его серые, наполненные грустью глаза, и понял, что, может быть, парень слышит это слово впервые. Ему на вид было лет двадцать, не более.

– Стрелял в нас? – спросил Аскер.

– Стрелял, как и все.

– Белых приходилось расстреливать?

– Да, один раз. Батал Салмык приказал. Я тогда служил в охране. Офицеров расстреливали. Трех. Нам тогда приказали расстрелять двоих, а третьего оставить в живых. Наверно, поугаать хотели. Двоих расстреляли. Но я стрельнул выше головы. Я правду говорю. Видит Аллах! Честно. В бою это одно, а вот... Не от моей пули они погибли. Это точно. Я не палач, – тихо ответил парень, глубоко затянувшись папиросой.

³ Уадыгэ – Ты адыг? (каб.)

– А третьего потом уволокли, да? – посмотрел Аскер в глаза пленному.

– Да. А вы откуда знаете? – спросил он, посмотрев на Аскера.

– Знаю, – ответил Аскер коротко. Он понял, что его не обманула зрительная память.

– Что с нами будет? Вы нас расстреляете? – спросил красноармеец.

– Наверно, да. Что, страшно?

Парень кивнул головой. Аскер заметил, что у него задрожали руки.

– Что поделаешь, война. Ведь вы наших солдат расстреливаете, ну и мы тоже... – ответил Аскер, поглядывая на парня.

– Что ж, всё правильно, – сказал парень. Его глаза глядели отрешенно.

– Ты, парень, брось раскисать. Ты же черкес. Раз взял винтовку и пошел на войну, должен был быть готовым к четырем исходам. Первое – остаешься в живых, второе – тебя могут ранить, третье – попадаешь в плен, и четвертое – погибашь на поле брани. Тебя ж никто не гнал на эту войну. Ты сам выбрал эту дорогу. Теперь попал в плен и тебя сегодня расстреляют. Но если тебя родила черкесская мать, умри с достоинством. Как говорят адыги, честь дороже жизни. Не роняй своей чести, парень.

Тот, посмотрев на Аскера, как-то изменился в лице. Видно было, что слова Аскера начинают доходить до него. Его взор на миг просветлел, и он произнес:

– Я не знаю, кто ты, но спасибо тебе.

– За что?

– За правильные слова. Отец мне не простил бы трусости. Просьба у меня к тебе. Исполнишь? – он с надеждой посмотрел на Аскера.

– Если смогу... – коротко ответил Аскер.

– В Кучмазок-ауле живут мои родители. Отца Хачимом зовут. Кузнец он. Батоко Хачим. Его в ауле все знают. Скажи ему, как и где я погиб. И передай, что я не был трусом.

– Хорошо, я постараюсь выполнить твою просьбу. Жив буду, сделаю, – пообещал Аскер. – А имя у тебя есть?

– Черим я. И еще скажи... – замолчав и подумав немного, он добавил. – Скажи отцу, что всех нас обманули. Батал Салмык сказал, что белые бежали из Кабарды и смело можно пойти на Нальчик. Сам же он укатил обратно в горную Осетию...

– Хорошо, я передам. Если суждено мне остаться в живых, передам твоему отцу твои слова, – готовясь уйти, сказал Аскер.

– Матери пусть ничего не говорят. Не нужно... – докурив, парень выкинул окурок. – И спасибо тебе за папиросу.

Не ответив ничего, Аскер направился к группе офицеров, стоящих недалеко от Заурбека. Пленных повели в сторону реки к обрыву, где их ждали тачанки с пулеметами. Поняв, что это

конец, они прижимались друг к другу. Их выстроили над обрывом, и теперь они стояли, ожидая своего конца. Вдруг один раненый, веснушчатый парнишка с царапиной на щеке в кожаной тужурке, вышел из рядов и, надев на голову кожаную фуражку, строевым шагом направился к Заурбеку и взял под козырек. Так обычно одевались большевистские комиссары, но то, что он имел отношение к военным, выдавала в нем армейская выправка. Его раненая рука заметно дрожала. Несколько всадников бросились ему навстречу и загородили путь к Заурбеку.

– Пропустить! – крикнул Заурбек, и всадники отошли в сторону.

– Разрешите обратиться, господин ротмистр! – четко, по-военному произнес парень в тужурке.

– Обращайтесь, – так же четко ответил Заурбек.

– Нас расстреляют, ваше превосходительство? – спросил парень в тужурке.

– Да, – коротко ответил Заурбек.

– Разрешите спеть «Интернационал»?

– Вы русский? – спросил Заурбек с удивлением.

– Так точно, ваше превосходительство! Из Рязани.

– Офицер?

– Бывший унтер-офицер Озеров Игнат Петрович! Сейчас комиссар Красной армии.

Заурбек пристально посмотрел в серые глаза русского парня. Ему не было и двадцати пяти лет. Худое лицо не выражало никакого страха. Заурбек смотрел на него и думал, как получилось, что перед лицом смерти ему, молодому русскому парню, молитву Богу заменил большевистский гимн. Рязанский курносый парень, которому суждено было распрощаться с жизнью на чужбине, просил разрешения спеть «Интернационал».

– Разрешаю, – сказал Заурбек. – Отпевайте себя «Интернационалом».

– Благодарствую, ваше превосходительство! Разрешите перед смертью закурить? Своей сигарки не осталось, – сказал он, как бы стесняясь своих слов.

– Аскер, угостите комиссара папиросой, – сказал Заурбек и добавил: – Надеюсь, это ваше последнее желание?

– Так точно, ваше превосходительство! – четко ответил парень.

Аскер, прыгнув с коня, подошел к комиссару и молча протянул папиросу вместе с коробком спичек.

– Благодарствую, ваше благородие! – сказал тот все тем же бойким голосом.

Комиссар, прикурив папиросу, затаился торопливыми глубокими затыжками и, улыбнувшись, вернул Аскеру спички, затем обратился к Заурбеку:

– Разрешите встать в строй?

– Становись! – прищпорив коня, Заурбек направился к тачанкам.

Аскер молча наблюдал. Встав в середину строя, комиссар выбросил окурки и запел звонким голосом. Но, к удивлению Аскера, его никто не поддержал. Даже те русские парни, которые стояли рядом с ним, молчали, не говоря уже о кабардинцах, горских татарах и осетинах, большинство из которых вообще не умели разговаривать на русском. Одинокое предсмертное пение «Интернационала» звучало так странно, что по коже пробегали мурашки.

Аскер не хотел видеть расстрела пленных. Он поехал в сторону леса, но, передумав, повернул коня к реке. Не доезжая до узкого моста, соединяющего два берега реки, спрыгнув с коня, повел его к маленькому водопаду, краем глаза видя и ущелье.

Вдруг на том берегу, за зарослями шиповника и облепихи, он заметил какое-то движение. Присмотревшись, понял, что это большая группа женщин из соседнего аула. Толпа быстро шла к реке, громко о чем-то споря. Их было не менее полусотни. Присмотревшись, Аскер понял, что женщины несут что-то наподобие носилок, а на них кто-то лежит. Аскер знал, что на таких носилках мусульмане несут усопшего на кладбище. Но что это? Обычно в процессии должны быть мужчины, но здесь тело несли одни женщины. Они шли решительно, устремив взгляды на другой берег, где над обрывом уже стояли в ожидании расстрела сотни красноармейцев. Голоса женщин звучали всё яснее, и Аскер понял, что они говорят на осетинском языке, которого он не понимал. Толпа мальчишек неслась за ними, и несколько женщин, схватив длинные прутья, старались отогнать их назад. Перейдя осторожно узкий мост, боясь уронить лежавшую на носилках старую женщину (то, что это была женщина, Аскер заметил только сейчас), одна из них обратилась к Аскеру на русском языке:

– Нам нужен командир Заурбек.

– Он там, – ответил Аскер, показывая рукой в сторону поляны над обрывом, где еще звучало одинокое пение русского комиссара из Рязани.

Поняв намерение женщин и подумав, что они могут не успеть, Аскер достал револьвер и три раза выстрелил в воздух, чтобы привлечь внимание Заурбека.

Аскер не ошибся. Заурбек, зачитав приговор, готовился отдать приказ открыть по пленным огонь, когда со стороны реки прозвучали три выстрела. Повернув голову в сторону выстрелов, он заметил направляющихся в их сторону женщин, которые, как на похоронах, несли тело на носилках. Ничего не понимая, он смотрел на эту странную процессию. Заурбек, спрыгнув с коня, направился навстречу. Женщины, подойдя поближе, остановились, поставили носилки на землю. С носилок они подняли старую женщину и, поддерживая,

поставили на ноги. Освободившись от опеки, она с трудом сделала три шага вперед.

– Я хочу видеть командира Заурбека, – сказала она на осетинском языке, повысив голос, насколько позволяли силы.

– Слушаю тебя, нана. Перед тобой командир Заурбек, – ответил тот на чистом осетинском языке.

– Прости меня, сынок, но я ослепла и уже давно ничего не вижу. Подойди, дай я потрогаю тебя, – тихо произнесла старая женщина, прижимая одной рукой к груди какую-то книгу. Аскер догадался, что это святой Коран. Сделав пару шагов, Заурбек подошел к старухе совсем близко и взял ее за руку.

– Слушаю тебя, нана ⁴, – сказал Заурбек, всматриваясь в ее лицо.

– Сынок, Заурбек. Я прожила на этой грешной земле сто лет и сто зим. Ноги мои уже давно не ходят. Да и глаза не видят, но мой слух не убавился с возрастом. Я много слышала о тебе, сын мой. Слава опережает тебя. Она передается из уст в уста. И вот сегодня меня принесли к тебе на носилках, которые обычно служат последним ложем для покойника. Я сама не справилась бы с такой задачей. Принесли меня женщины, мужа и сыновья которых стоят сейчас у обрыва и ждут смерти. Встав с носилок, я сделала к тебе три шага, ибо женщине не к лицу лежать разговаривать с мужчиной, на голове которого папах, будь он даже намного моложе. Так требует адат. Так требует адыгэ хабзэ ⁵. И если моя просьба не будет удовлетворена, этим женщинам придется нести меня на кладбище вместе с трупами мужчин, которых ты собираешься расстрелять. Перед тобой стою я, дочь кабардинского народа, мать осетинских детей, поскольку я осетинская сноха вот уже более восьмидесяти лет. Свой платок, который я ношу на голове, я не снимала с тех пор, как отец моих сыновей покинул этот мир, разве что оставаясь в одиночестве и под покровом ночи. Но сегодня я снимаю свой платок и бросаю его к твоим ногам. Как вода, просачиваясь в землю, находит себе естественный путь, так естественным путем сложились у нашего народа его традиции, они отточены веками, сын мой. Ни один уорк в адыгском народе не преступал этого правила никогда. Если в твоих жилах течет хоть капля адыгской дворянской крови, дальше ты сам знаешь, что надо делать, – старая женщина сняла с головы платок и бросила его к ногам Заурбека.

Заурбек, словно пронзенный молнией, стоял перед ней,

⁴ Нанэ – бабушка (каб.).

⁵ Адыгэ хабзэ – свод правил адыгов (черкесов), регламентирующий поведение как индивидуума, так и социальные нормы, охватывающий практически все сферы человеческой жизни.

опустив голову. С одной стороны, воинский устав не позволял переступить через действующие на войне законы, а с другой стороны, как адыг и дворянин, он не мог игнорировать законы своих предков – тысячелетиями выработанный кодекс чести. Слова старой женщины поставили его в тупик, из которого он не знал выхода. Он должен был выполнить требование женщины, бросившей платок с головы к его ногам. Подойдя ближе, он встал перед ней на колени.

– Мать моя! Прости, что заставил тебя проделать столь далекий и трудный для тебя путь. Знал бы я заранее, что нуждаешься в моей помощи, сам бы пришел. Прости. Как и родная земля, женщина-мать была у адыгов во все времена святыней. Только перед ней мужчина может встать на колени. И я стою перед тобой. Не мной этот закон придуман и не мной будет отменен. Адыгэ хабзэ свято и для меня. Я исполню твою просьбу, идя наперекор воинской присяге. Да простят меня мои боевые друзья. Я отпускаю пленных. Это мой ответ, но пусть они поклонятся тебе, нана, на святом Коране, что не возьмут больше в руки оружия.

Заурбек взял платок, лежащий на земле, и поднялся с колен, отряхнул его от пыли и накрыл им голову женщины, затем направился к наблюдавшим за ним офицерам штаба. Толпа женщин радостно кинулась в сторону пленных. Старая женщина стояла одна и плакала, не стыдясь никого.

Подойдя к офицерам, Заурбек остановился с опущенной головой. Он не видел лиц своих подчиненных, но чувствовал укор с их стороны. Он чувствовал себя виноватым перед ними, виноватым не по совести, а по разуму. Воевал он не первый день и хорошо знал, что у войны есть свои законы, своя мораль, и то, что в мирной жизни считается недопустимым, на войне иногда бывает просто необходимостью.

– Простите, господа офицеры! Но я не мог поступить иначе. Законы гор неподвластны воинскому уставу и присяге, – сказал Заурбек, не поднимая головы.

Офицеры молчали.

– Костя, распорядись, чтобы старую женщину отвезли в аул на тачанке, – тихо сказал Заурбек своему ординарцу – грузинскому князю Челидзе.

Молча кивнув, ординарец побежал к тачанкам.

Поглядывая в сторону, где находились пленные, один из офицеров Заурбека, князь Чавчавадзе, спросил:

– И ты думаешь, Заурбек, они больше не возьмутся за оружие?

– Большинство возьмется, князь. А впрочем, черт его знает. Жизнь покажет, – было видно, что Заурбек терзается своим решением.

Аскер стоял чуть поодаль от Заурбека, рассматривая пленных. У них был жалкий вид и все были одеты кое-как. Сквозь прорехи в одежде просвечивали многочисленные ссадины и кровоподтеки. Большинство из них были молоды. Выделялся один немолодой человек огромного роста, худой, с подстриженной бородой. Он смотрел грустными глазами в пустоту. Рукав его гимнастерки был оторван, из правой руки сочилась кровь. «Что их заставило пойти на братоубийственную бойню? – задал себе вопрос Аскер. – Более трехсот искалеченных судеб».

День шел к закату. Всадники Заурбека, собрав трофеи, отбитые у салмыковцев, расположившись рядом с осетинским аулом, предварительно выставив заслон. Хоронили убитых, оказывали помощь раненым. Поклявшись святым Кораном не брать в руки оружие, пленные по распоряжению Заурбека, также похоронили убитых товарищей и разошлись по разным дорогам, но каждая вела их к родным очагам.

К штабной палатке Заурбека подошли несколько человек из освобожденных пленных. От них отделился один и направился в сторону стоявшего у палатки Аскера.

– Разрешите обратиться, ваше благородие! – выпалил он.

– Слушаю вас! – ответил Аскер.

– Еще раз хотел поблагодарить вас за папиросу, господин офицер! Аскер узнал запевалу «Интернационала» и улыбнулся.

– Хорошо поешь, комиссар.

– Так я из Рязани, ваше благородие. У нас там все голосистые.

Услышав разговор, из палатки вышел Заурбек и, увидев комиссара, улыбнувшись, спросил:

– Комиссар, ты еще здесь? Мы вроде всех пленных отпустили.

Тот повернулся к Заурбеку.

– Разрешите обратиться, господин ротмистр!

– Слушаю вас.

– А нам что прикажете делать?

– Кому это, вам? – спросил Заурбек.

– Ну, русским что делать? Христианам... Мусульмане, поклявшись на Коране, уже разошлись. А мы как? – виновато спросил большевик.

– Где же я вам возьму Евангелие? Ты же комиссар, не веришь в бога, зачем тебе священная книга? На расстрел ты пошел с «Интернационалом». Разве не так, унтер? – спросил опять Заурбек.

– Так точно, ваше превосходительство! На расстрел я пошел с «Интернационалом». А вы действительно Заурбек? – снова спросил комиссар.

– Есть сомнение?..

– Просто нам про вас рассказывали разное.

– Ну и что рассказывали?
– Сказывали нам... что вы с живого человека шкуру... ну... того... Сдираете. Комиссаров расстреливаете. Всякое говорят...

– Ну, насчет шкуры не знаю. Но комиссаров мы точно расстреливаем. А что, прикажете вас хлебом-солью встречать? А сам-то ты давно комиссаришь? – спросил Заурбек.

– Второй месяц. Как направили на южный фронт к Салмыку.

– В общем так, унтер. Забирай всех русских и марш домой. Помилование распространяется на всех. И на русских, и на мусульман. Езжайте домой, но запомните, второго такого случая не будет. Попадётся с оружием в руках, не пощадим. Благодарите эту старую женщину и неписанный закон земли черкесской.

– Есть! – четко развернувшись, комиссар сделал несколько шагов и, остановившись, повернулся к Заурбеку.

– Да хранит вас Бог! Я не забуду вашего великодушия!

– Так ты же не веришь в бога, унтер. Хотя приятно слышать из уст комиссара такие слова о Всевышнем.

– В каждом из нас, наверное, живет свой Бог. Прощай, ваше благородие!..

Забрав пленных, комиссар побрел в сторону аула по узкому мосту и вскоре растворился в надвигающихся сумерках знойного вечера. Аскер стоял и смотрел на другой берег реки, и казалось, что эти два берега разделяют два мира, соперничающих друг с другом...

Борис Аркадьевич Свердлов – заместитель председателя правления Астраханского отделения Союза писателей России. Признанный мастер лирической поэзии. Тема любви – главная в его творчестве. Это любовь не только к женщине, но и к родине. К той «малой» астраханской родине, на которой вырос и окреп его талант. Автор более десяти книг стихов, изданных в Москве, Волгограде и Астрахани. Лауреат всероссийских литературных премий имени В. К. Тредиаковского и «Русское поле», лауреат региональных литературных премий Михаила Луконина, Бориса Шаховского, Велимира Хлебникова, Ивана Хемницера, Леонида Чашечникова, Мажлиса Утежанова, Олега Куликова, Павла Бляхина, Павла Морозова, он также является лауреатом литературных премий «Песня над Волгой» и «Чистое небо». Награждён медалью «Навеки вместе» Республики Калмыкия, общественным орденом Сергея Есенина и Медалью ордена «За заслуги перед Астраханской областью».

Борис Свердлов, по приглашению СП и Министерства культуры КБР, неоднократно бывал в Нальчике, активно участвовал в творческих вечерах наших прославленных писателей и поэтов.

В январе этого года поэту и доброму другу нашей республики Борису Аркадьевичу Свердлову исполнилось 70 лет. Союз писателей КБР и журнал «Литературная Кабардино-Балкария» от всей души поздравляет нашего друга с юбилеем и желает ему здоровья и творческого долголетия!

В луне законченности нет...
Она видна наполовину,
Едва-едва подлунный свет
К реке спускается в низину.

Не шелохнув речной покой,
На гладь воды ложатся тени.
Не зачерпнуть мне их рукой,
Не откреститься от видений.

И не достать моей руке
Туда, где Путь проложен Млечный.

Он отражается в реке
Своим мерцанием бесконечным.

Пойду по Млечному Пути
На вёслах, в лодке – не иначе,
Оставив годы позади
И все земные неудачи.

Владимиру Замятину

Опадает листва парашютами,
На ладонь опускается лист.
Ныне осень балует причудами:
То тиха, то сорвётся на свист.
Что ж ты, осень, себе напрогочила,
Нагулявшись на воле вполне.
Очень скоро листва на обочине
Пересохнет и сгинет в огне.
Я иду золотыми аллеями,
Мне навстречу метёлки шуршат.
Это дворники с площади Ленина
Выметают с утра листопад.
Неужели деревья от слабости
Всё роняют листок за листом?
... Ни печали в душе и ни радости,
И тревожно немного притом.

Устал метелить снегом ветер,
Встал на дыбы и был таков...
Он управлять один на свете
Мог парусами облаков.

Они парили над землёю
И раздувались, как могли.
И новый день, сгущаясь мглою,
Касался неба и земли.

А снег улёгся тихо наземь,
Никем не тронутый пока.
Над ним торчали комья грязи,
Припорошённые слегка.

Он был нежнее розы белой...
И вдохновения глоток
Я испытал... И сердце пело.
Так, что сдержать его не мог.

Душа вздохнула. Передряги
Остались где-то за строкой...
И только местные дворняги
Окрест тревожили покой.

Метёт под Старый Новый Год,
Беснуется метель!
Что за собою принесёт –
Мороз или капель?

На ветер пыжится пурга,
И ей покоя нет.
И дом, и город, и река –
Один-единный цвет.

Белым-бело. Удивлены?
Быть может, потому
Я это чудо новизны,
Как Божий дар, приму!

ПРЕЛЮДИЯ К РОЖДЕСТВУ

Деревья белые меха
В начале января недели.
Идут российские снега,
За ними следуют метели.

И я, печатая следы,
Иду, а сердце замирает
От первозданной красоты
Морозом тронутого края.

Не за горами пик зимы.
И месяц пашет небо плугом,
И Рождество встречаем мы,
И поздравляем с ним друг друга...

КАНИКУЛЫ В ЛЮБВИ

Настали вдруг каникулы в любви.
И надо же, под самый Новый Год!
Подумал по-французски: «Се ля ви».
По-русски вышло всё наоборот.

Она вкушает вкусный оливье,
А у меня – батон и колбаса...
И я уже, слегка навеселе,
Уставил взор в ночные небеса.

А за окном декабрь пошёл вразнос!
Ему проститься не хватило дня.
Вручит ли суматошный Дед Мороз
Тебе подарок скромный от меня?

Желанье есть. Звучит курантов бой!
Торжественный салют по всей стране...
Мечтаю помириться я с тобой
И провести всю ночь наедине.

Мы пьём шампанское в таверне
На берегу родной реки.
И с теплохода «Пётр Первый»
Трубят могучие гудки.

Они зовут тебя в дорогу,
Переполюня грёзы дня,
А по плечу сползает локон
И очень трогает меня.

Уже сентябрь одет по моде,
Уже пора слетать листве.
И теплоход с тобой уходит
В 17-40 по Москве.

Акации поникли кисти.
Прощальный тост на посошок.
И вновь Семнадцатая Пристань
В своей красе у наших ног.

Покачиваясь, «Пётр Первый»
Ушёл, не ведая покой,
Оставив позади таверну,
Меня и чаек за кормой...

Желтоликой луна появилась,
Не меняя насиженных мест.
И, наверно, кому-то на милость
Звёзды падали с дивных небес.
И осенние тихие звуки
Забавляли вечернюю тьму.
В это странное время разлуки
Я не верил уже никому.
Я доверился нежному чувству,
Понимая усталой душой,
Что великое чудо – искусство
Часто об руку ходит со мной.
И уже заоконным сюжетом
Заполнялся тетрадный листок...
Я задумал писать не об этом...
Вышло так. Я иначе не смог...

Секира месяца сечёт,
Срубая звёзды с небосвода.
А жизнь отсчитывает счёт,
Перебирая год за годом.

О, скоротечность бытия!
И где ты, юная беспечность?
Своё безмолвие тая,
Не открывает тайны вечность.

И ни к чему уже слова,
Когда тебя берёт за душу
Всей этой ночи синева
И заставляет только слушать.

Я слышу шорохи листвы,
Что опадает постепенно.
Но не склоняю головы
Пред увяданием и тленом.

И мне не нужен тот покой,
Что вечно царствует над миром,
Когда сечёт над головой
Лихого месяца секира.

В чернильницу ночи перо обмакну,
Закапаю кляксами звёзды.
Готов я загладить былую вину,
Да, видно, покаялся поздно.
Парит надо мною ночной небосвод,
Луна выплывает навстречу.
Устала душа от житейских хлопот,
Порадовать надо. Да нечем.
Достаточно в небе забавных светил,
Что стаями бродят по кругу.
И если Всевышний меня не забыл,
То, может, протянет мне руку?
Свеча озарит меня жёлтым огнём,
В душе успокоится смута...
Прошу я остаться с любимой вдвоём
До самой последней минуты.

Утопает станция в цвету.
Ветер на перроне, как метельщик,
Разметает эту красоту,
Но её становится не меньше.

Я иду и слышу дальний свист.
Где-то там грохочет электричка.
На стоянке крутится таксист,
Что готов сорваться за «наличку».

Снова я валяю дурака,
Не топчусь, не маюсь, не встречаю.
Я – в буфет, где мне наверняка
Вновь нальют общественного чаю.

А к нему, как водится, сто грамм
Подниму с подвыпившим соседом:

- За любовь!
- За Астрахань!
- За дам!
- И за то, что никуда не еду!

Аэропорт был пуст и светел,
И так же пуст и светел зал.
На полосе осенний ветер
Кружился, падал и взлетал.

Я в ожидании. О, Боже!
Считал минуты, сам не свой!
И в мыслях ты, наверно, тоже
Была давным-давно со мной.

Срок расставания не вечен.
Я в даль глядел во все глаза.
Торжествовал упрямый вечер,
Вкатив луну под небеса.

А самолёта нет в помине.
Есть вечер, ветер и луна.
И непонятно, кто повинен?
Хотя не важно, чья вина.

Лишь на меня сквозь свет небесный
С тоской глядят глаза планет.
Планетам во вселенной тесно,
А на земле им места нет.

А для тебя – вся эта площадь!
И город, что дождётся нас...
Нет! Провожать гораздо проще,
Чем ожидать, как я сейчас!

На Лебедином озере туман
Расходится и тает понемногу.
И лебедь, продолжая свой роман,
Зовёт подругу в дальнюю дорогу.

Великолепен города уют
В дремотный час стихающего гуда.
Старинные часы на башне бьют,
Опаздывая вечно на минуту.

Всё чередом, как было, так и есть:
Старинный стиль хранят ещё Исады.
Мой милый город, я с тобой, я здесь
И ничего мне более не надо.

О, Астрахань, судьба моя и рок,
И Родина от центра до задворок.
И если покидаю твой порог,
То знаю, что как сын тебе я дорог.

Над городом опять задул Норд-Вест.
Лист за листом слетает на запруду.
А вдалеке над колокольной крест
Хранит всех нас и Кремль, подобный чуду!

ШУРА
Рассказ

*Поколению Шамсы Исхаковны
Афашиковой-Таппасхановой,
чье детство пришлось на годы
войны и депортации, посвящаю*

Увидев, что они повернули к их дому, Евдокия, не дойдя до хлева, куда шла с ведром, тотчас бросила его и помчалась назад, в хату. Пронеслась мимо ничего не понимающей свекрови, отправлявшей в печь чугунок с картошкой. Дальше она направилась прямо к окнам, сорвала ситцевые занавески, затем перешла к кровати, сгребла в охапку подушки и так же быстро пронеслась мимо бабки Степаниды – своей свекрови.

– Дуся, чего это ты, а? – тревожным, но громким голосом спросила та.

Евдокия все так же быстро и молча прошла мимо и, подставив табуретку, сняла висевшую в углу икону, заодно и полочку. Комната тотчас же приняла сиротливый вид, отчего бабка Степанида невнятно запричитала, догадываясь о поступке своей снохи.

– Да побойся бога, чай ведь тоже люди...

– Какие люди, какой бог, людоеды, убийцы сущие, сама ведь слышала, что Тимофей-рябой говорил о них. Я-то думала, не приведет их к нам ваш брательник, Василь Тихонович, а они уж тут... Женщина, наконец, вынесла керосиновую лампу и рушник, который всегда был на полочке в углу, под иконой.

Оставленные без занавесок окна дорисовывали невеселую картину близкой весны: лежавший местами мартовский снег, куча собранного за зиму навоза у самого хлева, раздерганный стог сена; торф, прикрытый камышом, которым еще топили печь.

Бабка Степанида вспомнила, как на днях заходил Василий, младший брат, единственный из пятерых, оставшихся в живых из некогда большой и дружной семьи Тышенковых. Поговорив о вестях с фронта, о том, что победа не за горами, он перешел к разговору о предстоящей посевной и затяжной весне. Дошел и до фуража, которого осталось не так уж много, и в который раз за вечер попросил Дусю экономней относиться к этому фуражу, чтобы скот к весне не отошал вовсе. Тогда же посетовал, что новая забота у него как у председателя: на подходе баржа со спецпереселенцами. Распределяются они по хозяйствам, подводы до пристани готовит и председатель соседнего хозяйства – Алдаяр.

– Бог знает, какие они люди, коль Гитлеру подсобляли, как говоривают, – тихо заметила тогда бабка Степанида.

– Вот именно – говоривают, – многозначительно заметил Василий.

– А вчерась Зайрат, соседка, захаживала и тоже рассказывала, что видела их-то. Она в районе была по делам сельсоветским, так вот она говорит, что смотреть-то на тех горемычных без слез нельзя. Худые да оборванные, одни дети, женщины да старики. Видела она, как у одной женщины всё не могли забрать сверточек с мертвым ребеночком, она прикладывала его к груди, как живого, да убаюкивала все.

А когда все ж забрали ребеночка, она так страшно зарыдала, едва на ногах устояла, и не устояла бы, не подхвати за плечи какой-то паренек, из своих.

Уж потом сидела, как незрячая, с открытыми глазами, и так неестественно прямо держала голову да спину... погрузили на подводу ее, а уж в какое хозяйство повезли горемычную, Зайрат не знает...

Все это слышала и Евдокия, и то, что распределяют их по дворам в соседних селах, и что дойдет и до них.

Наутро, когда бабка Степанида вышла в сенцы, за дверью увидела топор. Решив, что это дело Гошкиных рук, она чуть позже принялась отчитывать внука. Сероглазый мальчуган на полном серьезе в который раз твердил:

– Баба, да мамка с вечера занесла...

Старая женщина перекрестилась со словами:

– Неужто, господи, их грех так велик... и поедают себе подобных, как сказывают... Прости их грешных, господи... поди не ведают... – шептала она.

Громкий стук и такой же громкий голос оторвал старую Степаниду от ее невеселых дум.

Не дожидаясь хозяев и их приглашения, в переднюю вошел Василий, пропуская вперед девочку лет пяти, потом был дед, подпоясанный кожаным ремнем, чуть сутулый от возраста, но все же угадывался его богатырский стан, большие руки, в одной из которых он держал полупустой кожаный мешок, последней была женщина. На голове – коричневая шаль с кистями, бледное усталое лицо, большие серо-зеленые глаза, которые она почти не поднимала.

Вскоре в центре внимания оказалась девочка, она прошла в середину комнаты и с любопытством стала озиаться по сторонам, время от времени отодвигая от глаз большой клетчатый платок, повязанный крест-накрест, с узлом на спине.

Увидев в чужих стенах и среди чужих вещей знакомую утварь, девочка не только обрадованно заулыбалась, но и осмелела. Показала на чугунок и ухват у печи, радостно произнесла:

– Татаны чоюну ма. – И, подскочив к стоящей бабе Степаниде, смело и крепко обняла ее. – Бу а башха тата...

– Ах, миленькая ты моя, наш-то тятя в зиму сорок второго погиб,

– глаза бабки Степаниды тотчас же повлажнели, руки ее опустились на голову девочки, а та, словно поняла, в чем дело, еще сильнее обхватила ноги старухи.

Вскоре малышка оказалась на печи, где тихонько лежали и наблюдали за происходящим Татьяна с Гошей. Это дядя Вася, их крестный, так ловко и быстро посадил ее к детям со словами:

– Вы-то хоть не обижайте горяночку!

Тут засустилась бабушка:

– Дуся, ты уж накрой на стол-то, да и дети голодные... Они постояльцы теперича наши, так я понимаю, Василий?

Опираясь на свою палочку, Василий устало кивнул в ответ.

Стоявшая до сих пор молча Дуся, демонстративно пройдя через всю комнату к выходу, бросила:

– Вот вы, мама, и покормите, а я не желаю этого делать для пособников фашистских.

– Дак как сказать! Поди не по своей-то воле они, – тихо, но решительно начала было бабка Степанида, но голос брата перебил ее:

– Тебе, Евдокия, вспомнить полагается своих-то в тридцать седьмом... – не договорив, он вышел из комнаты, хлопнув дверью. Стоявшие до сих пор в нерешительности постояльцы, не понимая, испуганно переводили взгляд от одной женщины на другую.

– Так ты ступай, Евдокия, на работу, поди дожидаются тебя, того и гляди, пришлют кого из конюхов, – распорядилась Степанида. – А мы уж тут сами как-нибудь разберемся, проходите в комнату, тут вот вам теперича жить...

Это была комната, из которой еще недавно Евдокия выносила все.

– Вот накормлю их, а потом вы, детки, к столу ступайте, – говорила бабка Степанида, ставя на стол чугунок с картошкой.

Жизнь постепенно входила в свою колею: если раньше бабушка в одном платье, только пуховая старая шаль накинута на плечи, целыми днями бегала от дома к сараю, на зады, носила навоз, охапки сена, то теперь это с удовольствием делал дед-постоялец, хоть и ходил на всякую работу, куда скажут. И сено складывать, и на скотный двор...

А как-то раз Гоша увидел в сарае, как дед (которого бабушка и все остальные называли Яко) наклоняется, упираясь ладонями в колени, замирает, потом распрямляется и, снова свернувшись в клубок и упершись лбом в землю, что-то шепчет...

Гошка помчался рассказать об увиденном бабушке. К его удивлению, она, спокойно погладив мальчика по голове, сказала:

– Внучок, он богу своему молится, за всех нас молится...

Гоше потом даже нравилось наблюдать за занятием деда Яко, он часто спешил вслед за ним в сарай... Дед подмечал, что тот, затаившись,

сидит и смотрит, кажется, старик даже... улыбался, зная про то.

Как-то раз, в суতোлке домашних дел, Степанида не заметила, как внучата, да и девочка постояльцев Шамса (которую дети сразу окрестили Шурой, а та в свою очередь бабушку Степаниду звала «тата»), давно не появлялись дома.

Неожиданно раздался резкий гортанный крик деда Яко, он доносился со стороны соседей, бабушка поспешила туда.

Оказалось, дети залезли к пороссятам и, любовно передавая из рук в руки, награждали узкоглазых животных порцией горячих поцелуев то в пяточок, то в розовую щетинку. Шура тоже была среди детей, и, хоть стояла в нерешительности и с интересом рассматривала никогда ранее не виданных ею существ, она вздрогнула от громкого и злобного окрика своего деда. Опешила, явно не ожидая, что ее ждет дедова взбучка.

Выручила подоспевшая бабушка Степанида:

– О господи, дак дети ведь это! Ну, нельзя по вашей вере, знаю, но Шура-то несмышлениш, дитё малое, да и матери не стало, кто вразумит, научит кто...

Бабушка показывала то в сторону соседской свиноматки, то на детей, то на бездну небесную. Все, что было после этого: обильное и долгое мытье лица и рук с золой, которое потребовал дед от внучки. Спустя какое-то время дед Яко миролюбиво что-то говорил ей, поглаживая ее русые косички. Он почему-то любил водить Шуру к роднику, что пробивался из земли за селом. Они долго сидели вместе и смотрели, как пузырились струйки, как журчала вода, стекая по узкой канавке в другую...

От освежающей прохлады, шедшей от родника, от какого-то облегчения, что давала вода, дед, сам того не замечая, нередко начинал напевать, и внучка смотрела на него с молчаливым восхищением. Потом оба молчали, понимая друг друга без слов, сердцем.

– Он что, молитвы поет? – интересовался Гошка.

– И молитвы, и песни, все поет, – подтвердила его догадки девочка.

Не узнать было деда Яко и когда однажды дети пошли за кандыками – это многолетнее растение с яйцевидными луковичками, что были лакомством даже у взрослых. Вот только Шуре после такого лакомства вечером стало плохо, ее рвало, она закатила глазки и не отвечала на дедовы расспросы. Дед Яко вынес ее из своей комнаты и стал громко звать:

– Степана, памагай... как сыну скажу, келин (невестка) нет, дочка его так...

Засуетились все, и бабушка, и Евдокия, поднося ко рту девочки молоко, тут же стояли и громко плакали Гошка с Таней. Дед сидел бледный от волнения. Судорога сжимала его горло.

У детей было свое излюбленное место – лужайка, а за ней небольшая роща. К той лужайке они пробирались через сарай на задах, и мало кто из взрослых мог их видеть, а уж там, в роще, и подавно никто не увидит, там они сами себе хозяева. Там стоял низенький шалаш, куда можно было влезть только на четвереньках, зато внутри можно было найти и картошку с луком, а то и краюху хлеба, тайком вынесенные из дома.

Как-то раз Гоша предложил:

– А хочешь, я тебе одно гнездо покажу, с птенцами?

Девочка охотно согласилась.

Уцепившись за ветки, Гоша подтянулся, сел на нижний, крепкий сук, протянул руку девочке.

– Голова не кружится? – спросил у нее.

– Нет.

– А вот у Таньки и Верки кружится, просятся сами, а потом плачут от страха. А ты не такая, вон на самую верхушку залезла, и голова у тебя не кружится, и не боишься высоты, – восхищенно говорил мальчик.

– Нельзя трогать птиц, их гнезда трогать не надо, так бабушка говорит.

– И моя бабушка так говорит, грех разорять гнезда.

Дети сидели на ветках довольные, что им говорят одно и то же. Потом, не прикасаясь даже пальцем, пересчитав конопатые птичьи яйца, они благополучно спустились и пошли домой. А птицы и тут, внизу, выводили трели на свой лад, но громче других чирикали воробы.

Что они были на задах, в роще, заприметила баба Мотя.

– Опять, окаянный, лазил? – отчитывала она Гошку, тот молчал. – Чего это Верку прогнал второго дня? – не унималась бабка.

– Дак трусиха Верка, не может залезть, потом плачет...

– Энтю хто труслива, моя Вера? А энта, с кем ты якшаешься, знать, не труслива... – показывая своей клюкой в сторону Шуры, старуха почти кричала. – Труслива и она, и дед ейный, и все они, а не то не стали бы привечать чужеземцев поганых... – Баба Мотя точно бы отлупила Гошку, и Шуру заодно, да благо баба Степанида подоспела:

– Мотя, ты чего расшумелась?!

Старые женщины долго о чем-то спорили, потом просто разговаривали. Гоша помнит, как его бабушка вступилась за своих постояльцев, заметила строго:

– Мотя, молчи, я вижу, знаю все, и потому почитаю их, как ты говоришь. А чего не почитать, коль люди достойные!

Хоть баба Мотя не любила ту же Шуру, и не скрывала этого, девчонки, Вера и Шура, всегда ладили между собой. Это она, Шура,

без устали учила Веру вывязывать на пальцах нехитрые узоры из связанной концами толстой нитки, пока Вера не научилась. Терпения хватило только у Шуры, другие отмахивались:

– Верка, сто раз показывали, ну не берет твоя голова, отстань.

Как-то раз бабушка пообещала Гошке, что возьмет его с собой в гости к Акуловым, ее родственникам.

– Дорога дальняя, двадцать верст будет, ты, родимый, спать иди, рано в путь отправимся. Мать уж вещички твои приготовила, – ласково сказала она внуку.

Утром Гоша проснулся от подозрительной тишины, нарядился в новую рубаху, натянул штаны, перешитые и перелицованные из военных брюк, поспешил во двор, где же бабушка? Из хлева доносились звенящие звуки – тугие струи молока бились в ведро.

– Баба, ты скоро, мы не опоздаем? – заглядывая внутрь, спросил Гоша. Удивлению мальчика не было конца, когда он увидел деда Яко с почти полным подойником. – Разве Кормилицу доит не бабушка? Где же тогда бабушка? – спрашивал Гоша. Дед Яко улыбался и твердил свое:

– Пей молока, Коша, сильна будешь... А Степана родня ушел, Дуся работа, Кормилица доить надо, – говорил старик.

Гоша от удивления, что Яко может доить корову, даже позабыл об огорчении, что бабушка не взяла его с собой в гости.

– Дак ты, соколик, так сладко спал, жалко будить тебя было, – объясняла потом она.

Вообще удивительный был дед Аго, или Яко, вставал спозаранку, все спят, а он уже на ногах...

Всегда аккуратная белая борода, высокий лоб в крупных морщинах, он все знал и всякого мог научить уму-разуму. Он мог объяснить, как вылечить хворую корову, большой зуб... не знал русского, но изъяснялся толково.

На другом краю села жили Кирилловы, но почему-то старого их деда все звали Кириллом, хотя бабушка говорила, что он Сергей и ровесник ее старшего брата Гриши. Дед Кирилл круглый год ходил в залатанных валенках, был сторожем на колхозном току, дети его побаивались, может, из-за того, что одного глаза у него не было. Бабушка говорила, что у германцев еще в первую мировую оставил. Дед Кирилл и его мандолина были известны на всю округу, пел он замечательно. Вечерком, особенно летом, уставшие за день люди шли «до деда Кирилла» – посидеть, послушать, а то и попеть самим. Ну и дети не отставали от старших, и тоже шли «до Кирилла». Шура тоже бывала там, слушала песни, частушки, запоминала вмиг. Потом, когда звучала песня, она шепотом подпевала, это заметил дед Кирилл, попросил ее спеть. Думали, будет отнекиваться или стесняться, но нет.

Она спела, да так спела, что дед Кирилл прослезился и сказал:

– Голос-то от бога. Знать, за что-то дан, не так просто!

Это запомнилось всеми и надолго, ведь Кирилл напрасно никогда ничего не скажет. «Видит бог, быть тебе певуньей», – часто повторял он.

А как-то раз она с дедом Кириллом в район выступать ездила. Деда по случаю принарядили, даже побриться уговорили, хромовые сапоги откуда-то достали. Шура Дуся пошила новое сатиновое платье.

Хорошо, что Шуру объявили под другой фамилией, иначе нельзя было, рассказывал потом Василий Тихонович своей сестре – Степаниде. Дед Кирилл тогда новой балалайкой был премирован и отрезом ткани на галифе.

– Он еще недоволен, что не мандолину, а балалайку, вот чудак-человек, – шуливо продолжал Василий.

А у Шуры действительно голос настоящий: из области человек от культуры подходил, интересовался, предлагал помощь, если в музыкальную пойдет... Про деда придумать пришлось, мол, хворый совсем... никак без ней ему нельзя. Что и говорить, испугался, а как узнают, из каких Шура, а я ее на смотр в район, без бумаги какой...

Шуру потом на всех концертах ждали, просили спеть ту или иную песню. Старики просили их любимую «До свидания, города и хаты», или «Враги сожгли родную хату», потом многие стали ходить в клуб «на Шуру и Кирилла-деда».

В селе открывали памятник погибшим воинам. Стайками сельчане тянулись в центр, даже те, кто из дому давно не выходил. Шли все к памятнику, шли, как на встречу с теми, кто не вернулся с фронта. Все были какие-то взволнованно-торжественные, гордые и печальные одновременно.

...Гоша легко нашел в списках своего отца – шестой сверху Тышенко Петр Ефимович. Он едва дождался, когда пройдет официальная часть открытия, схлынет поток людей и он сможет потрогать руками строчку с именем своего отца.

«Вот и я, отец, я оканчиваю школу, Татьяна пока еще нет, мама и бабушка ждут тебя, то весной, потом летом, то на праздники, рассказывают друг другу, как где-то кто-то вернулся, хоть и похоронка была...» – Гоша все это мысленно рассказывал отцу, он давно хотел ему обо всем-всем рассказать. Гоша тогда не сразу увидел Шуру, которая тоже искала глазами имя своего отца.

Давно как-то она призналась ему, Гоше, когда они про отцов своих рассказывали друг другу, что она помнит, как отец однажды крепко-крепко прижал ее к груди, «как будто хотел передать мне память, любовь свою, жизнь... Вот только не помню, это было перед уходом на фронт или раньше», – сокрушалась она.

Здесь, у памятника, Гоша увидел другую, незнакомую Шуру. Она молчала, гордо удерживая слезы, готовые хлынуть потоком, а ее лицо то вспыхивало, то бледнело до синевы, как в обмороке. Это потому она плакала, но плакала молча, только плечи содрогались, и она еще сильнее уходила в свою боль. Боль оттого, что не было в списках ее отца, он же тоже погиб на фронте, как и другие... Неожиданно тогда откуда-то появились Вера, Татьяна, Рута, Кундуз, стали ее утешать, а потом и плакать вместе с Шурой, плакали долго, громко, безутешно...

Воспоминания сегодня следовали одно за другим, как волны в ветреную погоду на море, когда одна волна рождает другую, а та новую...

– Георгий Петрович, пожалуйста, ответьте на звонок, – заглянула в кабинет секретарь.

Он легкой походкой прошел к столу, поднял телефонную трубку:

– Гоша, Гоша, включи скорее телевизор, взволнованно говорила Татьяна, его сестра, – там наша Шура.

Четкий голос конферансье объявил:

– В исполнении заслуженной артистки Казахской республики Шамсы Темировой русская народная песня...

У микрофона была Шура, их Шура, Гоша разволновался еще больше от мысли, что сегодня не зря целый день вспоминал детство, Шуру...

– Ну чем не мистика это! – вслух удивился он.

– ...всякий раз, когда я пою эту песню, я вспоминаю близких моему сердцу людей, которые делились со мной сердечной теплотой, делили со мной невзгоды, лишения, унижения в трудные годы войны и депортации. Дорогие мои, я помню всех, кто верил и помогал мне. Я всех вас люблю, и эта песня для вас!

НАШ СЕМИНАР

Сегодня в рубрике «Наш семинар» мы представляем нашим читателям тексты двух молодых авторов – Амины Атмурзаевой и Амины Доловой. Выбор на эти произведения пал не случайно: среди множества рассказов начинающих прозаиков, отобранных для публикации, есть и более мастеровитые, более совершенные в смысле языка и образного содержания. Однако этюды Доловой и Атмурзаевой отмечены достаточно редкой чертой, позволяющей надеяться на литературное будущее двух этих девушек. Невзирая на неопытность и четко ощущаемое сопротивление языкового материала, молодые писатели со всей очевидностью демонстрируют желание работать со словом. Понятно, что авторы тщательно прорабатывают свои тексты, что само по себе говорит об определенном уровне профессионализма – пусть начального, едва намеченного, но явно присутствующего. Можно обратить внимание и на тематику представленных рассказов. Зарисовки Атмурзаевой и Доловой, как минимум, демонстрируют нетривиальный подход к реализации избранной темы. Фантазийный гротескный мир А. Доловой насыщен живой эмоцией, делающей переживания автора не просто убедительными, но и в полной мере увлекательными фрагментами альтернативной действительности. Тема и объект описания А. Атмурзаевой не столь революционны, но ее стремление проникнуть на глубинные ярусы психологических движений изображаемых героев необычно даже для большинства зрелых прозаиков нашего времени. Стремление к последовательной реализации психологических статусов и совмещению их в едином эмоциональном контексте заметно даже в этих двух зарисовках молодого автора. Проникновение мысли автора на различные уровни состояний героя превращает прозаический текст в лирическую исповедь, что, согласитесь, достаточно необычно, на фоне господствующих сегодня нарративных стандартов.

Выбор манеры и предмета повествования, на наш взгляд, говорят о многом. В числе прочего – о желании писателя пройти своим маршрутом, проложить свой творческий путь, обращаясь к уникальным темам и героям, используя индивидуальный образный фонд. Подобный подход свидетельствует о желании автора быть самим собой изначально, априори отличаться от всех, обратившихся к литературному творчеству как к способу самовыражения. По большому счету, именно эта составляющая личности человека – внутреннее движение к уникальности мироощущения и представлению этого ощущения стороннему зрителю, есть первичная базовая компонента писательского дара.

Атмурзаева Амина Расуловна родилась в 1994 году в Нальчике. Культуролог, магистратуру окончила по направлению «Организация работы с молодёжью». В настоящее время работает в ГБУ «Молодежный центр КБР». С детства любила читать как классику, так и современную литературу. Особо ценит возможность погружаться в созданные автором миры или ситуации и находить для себя в них что-то своё, родное и порой очень нужное для собственного развития и становления. Интерес Амины Атмурзаевой – чувства и душа человека, образы, основанные на собственном опыте и наблюдениях со стороны.

«ПОЛЁТ И ПАДЕНИЕ...»

*А вы любили так, что даже имя
Вам больно было вслух произнести?
Э. Асадов*

Любовь – самое противоречивое и непонятное чувство для каждого человека. У каждого это слово ассоциируется с определённым спектром эмоций и чувств, и они могут варьироваться от чего-то самого прекрасного, до чего-то самого болезненного и грустного. Ничто не окрыляет, как любовь, и ничто не уничтожает тебя так, как она. Это похоже на болезнь, которая по капле проникает в твои сердце и разум, а лекарство от болезни никак не получается найти.

При первой встрече никто не думает о том, к чему может привести новое знакомство или свидание. Некоторые могут подумать о том, как хорошо и красиво всё складывается, рисуя у себя в голове красочную картинку возможного развития событий и образа человека. Никто не задумывается о том, что в конечном итоге это закончится разбитым сердцем и пустотой в душе.

Всё было так красиво... Первая встреча, улыбки, интересная беседа, и между вами словно проскочила искра, которую заметили даже окружающие вас люди. Разговоры по душам, короткие встречи, подарки, комплименты, внимание и забота, влюблённые глаза, всё это окружало тебя и опьяняло, заставляя чувствовать себя самой прекрасной и желанной, особенной и неповторимой. И это казалось таким правильным.

Ты даже не поняла, в какой момент осознала, что этот человек умело и осторожно проник в самое сердце, заставляя думать о нём и днём и

ночью. Ты пытаешься быть осторожной, боясь ошибиться, обжечься, но, дурочка, совсем не понимаешь, что пути назад уже нет. Ты уже полюбила. Ты можешь отрицать это, говорить, что всё совсем не так, но трепет в душе, при одной лишь мысли о нём, говорит сам за себя. Эти влюблённые, полные нежности и тепла глаза, его улыбка, голос, всё это уже вскружило тебе голову и заставило исчезнуть всех других. Остался только он. Твои жалкие попытки что-то скрыть, оставив что-то только между вами двумя, превращаются в пыль. Он готов кричать на каждом углу, что ты только его, чтобы каждый это знал, и он словно специально делает всё так, чтобы каждый видел, что он для тебя делает, что ты с ним и ни с кем другим. А ты всё принимаешь молча, возможно, так и надо? Ты не понимаешь, что отношения должны быть, в первую очередь, для вас двоих, а не для окружающих людей. Ты не слышишь первого тревожного звонка, ослеплённая своими чувствами и образом, что ты создала в своей голове.

Но проходит время, первая вспышка влюблённости, отгонявшая прочь все доводы разума, начинает сходить на нет, и у тебя появляются вопросы. Вопросы, на которые ты не можешь найти ответа. И с каждым таким вопросом, он кажется всё дальше и дальше от тебя, хотя, казалось бы, вот, протяни руку, и он рядом. Начинается настоящая борьба. Борьба разума и сердца. Сердца, которое трепещет в груди от одного его взгляда, и разума, который требует задуматься, буквально кричит о том, что всё не так прекрасно, как кажется.

Сомнения и размышления начинают сводить с ума, а все твои попытки отдалиться или докопаться до правды лишь ещё больше путают тебя. И чем больше проходит времени, тем с большим ужасом ты задумываешься: «А правда ли всё это?». Ты рядом с человеком, и, казалось бы, знаешь его, как никто другой. Но бывают моменты, когда ты с удивлением отмечаешь: «А так ли это? Знаю ли я его? И, что самое ужасное, знает ли он меня?». К счастью, или к сожалению, ответ тебе предстоит узнать в скором времени...

Нет, ты совсем его не знала, а он, оказалось, знал тебя достаточно хорошо, чтобы растоптать твоё сердце самым мерзким способом и исчезнуть из твоей жизни, как ни в чём не бывало, оставляя тебя сгорать в собственном огне отчаяния и разочарования.

Ты закрываешь глаза, вспоминая каждый миг, связанный с ним, и нет уже былого трепета и волнения. Есть только боль, боль от предательства и разочарования. И вопрос, один, единственный: «А правдой ли это было?». Ты начинаешь сомневаться в каждом его слове, сказанном тебе за всё время вашего знакомства. Начинаешь искать скрытый смысл в каждом его действии, даже в самом элементарном, и чем больше ты накручиваешь себя, тем больше разгорается твоя фантазия, уже не отличая истину от домыслов. И это сводит с ума.

Сейчас, как никогда прежде, ты ощущаешь силу своего одиночества и отчаяния, ведь никто даже не понимает, насколько глубоко в сознание он забрался. Насколько больно оказалось понять, что человек, который казался тебе одним, на деле оказался совсем другим. Никто даже не пытается понять. Все недоумевают, как так вышло, что вы теперь не вместе, ведь была такая любовь, даже не подозревая, что они лишь делают больнее. Хотя, кто знает, возможно, кто-то делает это намеренно. Слишком многие знали, а некоторым это и не нравилось, но ты наивно старалась не обращать на это внимания. Глупенькая, решила, что все такие же, как ты. Умеют радоваться за других и никогда не лезут человеку под кожу, чтобы увидеть их боль. Ты забыла, что люди бывают очень злыми и порой получают истинное удовольствие от вида чужого несчастья.

А он... Он счастлив, у него всё хорошо, даже более чем. И ты достаточно сильно его любила, чтобы улыбнуться и пожелать ему счастья. Даже, когда внутри всё сгорает в огне, от непонимания и растерянности. По сей день.

Ты слишком доверяла его словам. Считая, что они у него никогда не расходятся с действиями. Но по итогу он оказался именно тем, кто не держит данных слов, а ещё умеет делать больно намеренно. Тоже, на твой взгляд, не свойственная ему черта. Как наивно было полагать, что ты его знаешь. Наивно было считать, что несмотря ни на что, даже когда вы разойдётесь, вы сможете остаться друзьями, ведь вас столько связывало, не хотелось очернять все светлые моменты, что были между вами. Нет. Без боли он уходить не захотел.

Вновь в голове всплывает ваш последний разговор... Вы уже давно не разговаривали настолько открыто и по душам. Он вывернул этим разговором твою душу наизнанку, узнав всё, что хотел знать. Сказав всё именно так, чтобы ты чувствовала свою вину за его боль из-за твоих сомнений. Специально задевая раны на сердце и струны твоей души. Он хотел твоих эмоций и чувств, и он их получил. А потом? Потом он исчез, оставив тебя в прошлом и начиная новую главу в своей жизни... С другой...

Ведь он получил сполна всё, что хотел. Последнее слово осталось за ним, он поставил точку. Нет – восклицательный знак, знаменующий конец, который он не дал поставить тебе, когда ты этого хотела.

Теперь ты поняла? Он хотел быть тем, кто закончит эту историю, и ни за что не дал бы тебе возможности сделать это самостоятельно. Это его месть за все твои сомнения и вопросы. Месть за то, что ты, несмотря на все его старания, не последовала слепо за ним, а начала видеть его через маску «идеала», которым он представлял перед тобой и окружающими тебя людьми. Месть за то, что ты посмела сказать «нет», когда ему нужно было только «да», без запинки и сомнений.

Возможно, он был в своём праве?! Возможно, ты тоже сделала ему больно, и он хотел справедливости? Возможно, что он сам не понимал, что вместо отношений вы создали скорее «красивую картинку» для окружающих, в которую на самом деле ни у тебя, ни у него не получалось вписаться? Может быть. Но легче на душе от этого не становится. Ты всё равно не понимаешь его поступков. Не понимаешь, почему всё должно было закончиться именно таким образом и так болезненно. Ты не из тех людей, что любят мстить, поэтому даже если допустить мысль о мести, это вновь полностью стирает тот образ, что был создан им перед тобой.

Ты убеждаешь себя, что всё к лучшему. В конце концов, он показал своё истинное лицо и твои сомнения не были напрасными, а значит, тебе повезло, что ты поняла это, прежде чем стало поздно, но... Чёрт... Почему тогда все внутренности как будто выворачивает наизнанку? Почему глаза наливаются слезами каждый раз при мысли о нём? Почему руки дрожат, а сердце предательское болезненно сжимается внутри, поглощённое болью?

Невольно всплывает цитата: «Я не понимаю, почему это называют разбитым сердцем. Такое чувство, что и все кости сломаны тоже». Действительно. Ощущение, будто бы тебя буквально скинули с огромной высоты, лишив крыльев и возможности удержаться наверху. Жестоко так, с садистским наслаждением наблюдая за твоим падением, за тем, как ты корчишься от боли после приземления и молча истекаешь кровью, не в силах пошевелиться или даже попросить о помощи.

Молча... Да, точно... Ты пытаешься взять себя в руки, вновь и вновь повторяя себе, что всё к лучшему, время лечит, как говорится. Ты даже не плачешь, сдерживаешься, внутри словно поселилась пустота. Спасительная пустота, защищающая тебя от лавины эмоций, которые бушуют на самом деле внутри неё. Но недавно ты встретила на улице незнакомца, точь-в-точь похожего на него, и почувствовала, как ноги наливаются свинцом, сердце в груди замирает, руки начинают дрожать, выпуская бутылку с водой, а на глаза наворачиваются слёзы.

Все те чувства и эмоции, что ты прятала в себе, в один миг прорываются наружу, поглощая тебя океаном боли, обиды, разочарования и чувством несправедливости. И ты больше не в состоянии их прятать. Хочется кричать что есть мочи, захлёбываясь слезами и круша всё вокруг, в надежде, что это хотя бы на минуту облегчит твои страдания. Но ты снова берёшь себя в руки и идёшь домой.

Только после этого тебе приходится принять тот факт, что твоё бедное сердце уже не будет прежним. И всё, что ты можешь, это уткнуться в подушку и молча глотать слёзы, которые, словно кислота, обжигают кожу на щеках, и не останавливаются, как бы ты ни старалась успокоиться.

Ты чувствуешь себя не разбитой, нет... Сломленной и совершенно

опустошённой. В какой-то момент ты понимаешь, что насыщенная красками жизнь вдруг стала совершенно серой, и тебе не хочется больше ничего. Ты машинально делаешь привычные вещи, спишь, ешь, гуляешь, работаешь, улыбаешься, смеёшься... Но если приглядеться внимательнее, в твоих глазах можно увидеть грусть. В них больше нет искры, как будто что-то внутри застыло. Нет стремления к чему-то новому и интересному, нет желания путешествовать и знакомиться с людьми. И самое страшное – ты никого не можешь выпустить в своё сердце. Ты словно стеной отгородилась от всех, даже от близких, но делаешь всё, чтобы эту стену никто не заметил. Да и хотят ли они? Ты вот всегда стараешься замечать, что с людьми что-то не так, но среди них лишь единицы действительно готовы сделать то же самое. Ещё одно открытие и разочарование. Когда близкие оказываются безразличны к твоей боли. Ещё один урок... Жизненный урок, лишаящий тебя остатков сил. Словно вся твоя картина мира перевернулась и всё, что казалось раньше правдой, вдруг обернулось ложью.

Любовь, люди, связи, родные, правда... Всё изменилось, и ты не знаешь, что делать с этими переменами, поэтому молча сгораешь в собственном пламени.

Возможно, придёт время и станет легче, ты вновь научишься кому-то доверять и, возможно, дажепустишь его в своё сердце. Скорее всего, ты даже не будешь хранить обиду на тех, кто тебя разочаровал и не протянул руку помощи в нужный момент... Но где-то в отдалённом уголке твоей души будет дверь... Закрытая дверь, почерневшая от огня, что бушует сейчас внутри тебя, не давая спокойно жить... Дверь, за которой всегда будут скрываться эта боль и разочарование. А на сердце, на сердце у тебя словно останется памятный ожог, который каждый раз будет тебе напоминать о том, чем может закончиться слепое доверие и любовь к людям...

«ЧТО И ТРЕБОВАЛОСЬ ДОКАЗАТЬ...»

«Я думаю, что каждый подросток – герой. Когда мы молоды, мы чувствуем столько боли. Ходим на учебу, как на войну. Люди подводят тебя постоянно. Иногда очень-очень сложно оставаться сильным, но ты должен...»

– Что и требовалось доказать, – раздаётся в спину холодный, наполненный превосходством и иронией голос, заставляя испуганно вздрогнуть и ссутулиться, до побеления сжимая костяшки пальцев на

кусочке мела, который так и норовит выскользнуть из рук от волнения. – Вы, Иванова, видимо, окончательно решили, что вашей главной задачей в жизни будет просто выйти замуж за богача, чтобы самой не пришлось ничего делать, – продолжает она, глядя на тебя с ухмылкой и довольным блеском голубых глаз...

В классе раздаётся дружный хохот, который на пару секунд оглушает тебя. Вжав голову в плечи, словно черепашка в панцирь, ты стараешься отвернуться от класса, боишься поднять свой слезящийся взгляд на неё. На человека, который не упускает ни единой возможности уколоть тебя побольнее, который даже самую маленькую твою ошибку выставляет на всеобщее обозрение как показатель глупости и безнадёжности. А самое страшное: с каждым разом ты всё больше и больше начинаешь верить в это и сама...

Не дожидаясь от тебя каких-либо действий и махнув рукой, она в раздражении хмурит брови и закатывает глаза.

– С тобой всё ясно, Иванова, иди лучше помой чайник, так от тебя хоть какая-то польза будет, – снисходительно бросает она, кивая в сторону полки, где всегда находится её небольшой чайник и кружка для кофе.

Болезненно прикусив губу от собственного бессилия и бесхребетности, ты кладёшь мелок на место, и быстрым шагом проходишь к дурацкой полке, снимая с неё чайник и кружку с ложкой, которые тоже нужно помыть. Ведь если оставишь их, она всё равно отправит обратно... Точно знаешь, по опыту... Не в первый раз такое происходит...

А урок тем временем продолжается, и учительница как ни в чём не бывало даёт классу новую тему. Которую ты упускаешь. Снова... Чтобы в следующий раз снова получить низкую оценку за самостоятельную работу или вновь опозориться у доски. И ведь на самом деле проблема совсем не в том, что ты глупая. Просто ты одна из немногих в своём классе, кого она всегда любит подкалывать, задевать, и вместо того, чтобы нормально объяснить материал, придирается к каждой мелочи и говорить о твоей глупости... И это нормально... Ты привыкла...

Поэтому всё, что ты можешь, это, прижав к груди чайник и кружку с ложкой, низко опустив голову, прикрывая красное от стыда лицо распущенными волосами, чуть ли не бегом покинуть кабинет. Твои шаги эхом отдаются в пустом коридоре, пока ты идёшь в другой его конец. Чтобы спуститься на второй этаж, где и находится женская уборная, молясь про себя о том, чтобы не наткнуться ни на кого из учителей. Молясь о том, чтобы никто не увидел твоих слёз, ведь остановить их ты уже не в силах. Обида и горечь буквально сжимают все внутренности в узел, и ты чувствуешь, как тебе не хватает воздуха. Ты начинаешь задыхаться, но не можешь ни остановить бесконечный

поток слёз, ни выровнять своё дыхание, поэтому просто упорно продолжаешь свой путь.

Оказавшись в уборной, откладываешь с грохотом свою ношу на подоконник и, с отчаянием вцепившись в края раковины, смотришь на своё отражение в зеркале. Тут же замечаешь покрасневшие глаза и нос, красные пятна по всему лицу, и испуг, перемешанный с отчаянием в твоих глазах, от того, что не можешь даже успокоиться и взять себя в руки, не то, что постоять за себя. Чёрные круги под глазами напоминают о том, как поздно ты ложишься спать, в надежде оттянуть момент, когда вновь придётся идти в это адское место под названием школа. Хочется разбить это зеркало, закричать в голос, чтобы выплеснуть хотя бы толику своей ярости и боли наружу, надеясь, что станет легче, но ты не можешь позволить себе подобной роскоши. До боли кусаешь губу, словно только так можно остановить твою истерику, хотя и понимаешь всю тщетность этой попытки, но больше ничего не сделать. Хочется забиться в самый дальний уголок, обхватить руками колени и уткнуться в них, ожидая, что всё само собой станет хорошо. Но ведь так не бывает, правда?! И ты вынуждена каждый день просто глотать свои боль и унижение, заталкивая их обратно, внутрь, чтобы никто не видел, никто не узнал...

Быстро умываешь лицо. Вдох, выдох, снова ледяная вода стекает по лицу большими каплями. Моешь принесенный чайник, кружку с ложкой. Медленно, стараясь выровнять дыхание и сдерживая желание разбить их о стену, понимая, что вспышками ярости ничего не изменить. Нужно просто взять себя в руки. Собрать себя по крупицам, чтобы завтра разбиться вновь... И так по кругу...

В какой момент из жизнерадостной, активной, наполненной добротой и энергией девочки ты стала такой?

Ты никогда не была какой-то особенной, и знала это. Обычная, любящая семья, вполне нормальная и обычная ты, которая не блещет отличной учебой или какими-то талантами, но всегда училась стабильно на «хорошо». Твоей самой большой любовью можно назвать любовь к чтению. Любовь к поэзии... Это для тебя всегда было как глоток свежего воздуха, а с твоей фантазией любое стихотворение или рассказ в твоей голове обретали своё воплощение. Мир всегда был для тебя ярким и наполненным огромным спектром красок и эмоций.

Всё изменилось с приходом в школу лишь одного человека. Казалось бы, что может изменить один человек, но с его появлением внутри тебя с каждым днём словно что-то стало затухать. У вас всего лишь сменился учитель математики. Всего лишь...

Простое недопонимание, вследствие которого в школу вызвали твоих родителей – за смех во время урока, обернулось для тебя

настоящей пыткой на последующие несколько лет. Так что можно с уверенностью сказать, что всё это началось в седьмом классе.

Нет больше гордой приподнятости головы, задорного блеска в глазах, счастливой улыбки и хорошего настроения. Школа перестала быть местом радости и получения новых знаний, она стала пыткой, которая с каждым разом приносит всё больше и больше боли и разочарования.

Много ли нужно двенадцатилетней девочке, чтобы сломаться? В возрасте, когда она только начинает формироваться как взрослый человек и как девушка. Как оказалось, немного... Что-то в тебе надломилось тогда. Что-то, что даже спустя годы отдаётся эхом неуверенности и страха в твоём сознании.

Всё происходило постепенно и складывалось из, казалось бы, безобидных мелочей. Хотя, были ли они на самом деле безобидными? Кто-то скажет, что ситуации, подобные этой, вполне нормальное явление, и это лишь часть формирования личности. Но лишь немногие поймут, как это может быть унижительно и болезненно для ребёнка...

Ты не говоришь родителям о том, что происходит в школе. Тебе кажется неправильным жаловаться им на это, ведь ты считаешь, что сама виновата в происходящем. Это ты недостаточно умна или хороша. С каждым днём тебе всё больше и больше кажется, что ты заслуживаешь такого отношения.

Ты перестаёшь выходить к доске. Не только на алгебре, а на любом другом уроке. Стоит тебе только выйти к доске, как сердце в груди начинает бешено колотиться, руки и ноги дрожат, а в ушах словно бы вновь слышится дружный хохот одноклассников, сопровождаемый уже ставшей привычной фразой: «Что и требовалось доказать!». Двойки появляются одна за другой, в то время как весь материал, который вам дают, ты знаешь если не на отлично, то хотя бы на четвёрку. Но ты не можешь пересилить себя и вымолвить у доски хоть слово. Слишком страшно...

И лишь на уроках литературы и родного языка ты можешь на время отбросить страхи прочь. Лишь эти два предмета становятся твоим спасением, в то время как ты тонешь в собственной неуверенности и страхах. Лишь там ты словно на своей волне и ничто не может сбить тебя с толку. Лишь они вызывают улыбку и блеск в глазах. Но даже там ты не можешь полностью вдохнуть полной грудью. Каждый раз ты словно ждёшь, что вот сейчас вновь раздастся этот смех, и ты снова услышишь этот холодный голос за своей спиной.

Ты так любила участвовать в конкурсах чтецов. Хотела быть ведущей, вести мероприятия или стать преподавателем, быть в центре внимания и говорить о чём-то важном и нужном окружающим, но теперь... Ты словно потерялась в темноте, и не можешь найти из неё выход.

Кажется, что ты недостойна внимания. Ты недостаточно хороша для чего-либо.

– ...Когда выйдешь замуж за богача, надеюсь, как-нибудь ты пригласишь меня покататься на яхте... – вновь и вновь отдаются в голове брошенные в твою сторону фразы, каждый раз болезненно проходясь по внутренностям, словно ты физически можешь ощутить эту боль. Кто-то, возможно, смог бы дать отпор, но в твою голову буквально вбито воспитанием, что старшим грубить нельзя, старшим нельзя хамить или дерзить, – высказывать всё то, что вертится у тебя на языке уже очень долгое время, поэтому ты каждый раз глотаешь слёзы обиды и упорно молчишь.

Конечно же, это всё сказывается и на твоём поведении за пределами школы. Дома ты сторонись родных, при этом всё же стараешься вести себя максимально естественно. Хотя родители то и дело отмечают, что ты стала грубее, стала замкнутой и предпочитаешь проводить время за компьютером. Они не знают, в чём искать причину, и выдвигают множество предположений, пытаешься понять, но до истины так и не доходят. Тебе же не хочется беспокоить родных, поэтому на все возникающие вопросы ты лишь отмалчиваешься и глотаешь слёзы, которые душат тебя... Ты боишься всё рассказать, потому что тем самым покажешь, насколько ты слаба. А ещё ты боишься, что увидишь в их глазах такое же разочарование в тебе, какое видишь в собственных глазах, когда смотришься в зеркало. Если и они будут в тебе разочарованы, это, скорее всего, сломает тебя окончательно. Людям в твоём возрасте, возможно, свойственно раздувать проблемы и видеть в таких ситуациях только плохое, и лишь спустя годы ты понимаешь, что родители никогда бы не отвернулись от тебя. Они бы защитили тебя от всего, что ты переживала, если бы ты только доверилась им. Если бы только смогла переступить собственные страхи, которые были лишь у тебя в голове, но не имели отношения к истине, всё было бы гораздо проще и менее болезненно, но тогда ты этого не понимала.

Всё что ты тогда могла, это цепляться за отношения с лучшей подругой, которой было куда сложнее, чем тебе, ведь помимо проблем в школе у неё были проблемы и дома, и она в какой-то степени была даже слабее тебя. И всё, на что хватало твоих сил, чтобы не утонуть в собственной жалости к себе, это желание защитить и поддержать её. Вы цеплялись друг за друга несколько по иным причинам, но именно эта дружба в какой-то степени помогла тебе. Даже несмотря на то, что в какой-то момент ты получила ещё один неожиданный для себя удар, когда оказалось, что ваша классная руководительница посоветовала маме твоей подруги запретить вам общаться друг с другом. Видите ли: «Она может оказать на неё плохое влияние». И это учительница, которая всегда тебе улыбалась, просила помочь в чём-то, просила

помочь в вопросах, касающихся вашего класса, и всегда казалась тебе такой хорошей и доброй...

Снова боль... «Плохое влияние?!» Какое плохое влияние ты могла оказать? Ты даже школу никогда не прогуливала, несмотря на жгучее желание хоть раз избежать каторги под названием «алгебра». Ты всегда старалась быть прилежной ученицей. Никогда не ругалась с окружающими, не устраивала ссор и скандалов. О каком же плохом влиянии шла речь? И снова ощущение, что ты явно лишняя в окружающем тебя мире. Чувство потерянности и отчаяния. Неужели взрослые все такие?! Все делают больно? Кто-то прямо, не скрывая своего отношения, а кто-то вот так, тихо, за спиной... Это и есть взрослая жизнь?!

Стало страшно взрослеть. Страшно жить и доверять хоть кому-то...

То и дело возникали сомнения: а есть ли вообще смысл в твоём существовании. Достойна ли ты чего-то? Странные мысли для двенадцати-тринадцати лет...

Ты смотришь на своих ровесниц и понимаешь, что у большинства из них в голове, помимо учёбы, уже появляются мысли о первой влюблённости, о мальчиках, о косметике, красоте, моде... И это как будто проходит мимо тебя. Тебе это совершенно не интересно, словно ты для себя уже решила, что не достойна всего этого, – так какой смысл углубляться в эти темы?

Каждый день становится для тебя обыкновенным, серым, не особо отличающимся от предыдущего, и все твои действия будто доведены до автоматизма. Это длится почти два года... Время неуверенности в себе, страха, слёз, скатившейся вниз учебы, недопониманий с семьёй, проблем в школе, ощущения своей ненужности и бессмысленности своего существования. Два года, которые до сих пор, даже спустя годы, для тебя словно в тумане.

Именно столько времени тебе понадобилось, чтобы прийти в себя, чтобы избавиться от всей той боли и непонимания, что скопились в тебе. А спасением для тебя стали книги. Самые разные в своих эпохах, авторстве и жанрах. Именно книги однажды привели тебя в дальний уголок интернета, где люди не просто делились своими впечатлениями о прочитанном, но и пробовали писать что-то своё.

Именно там ты научилась изливать в текстах всё то, что не могла сказать вслух, пусть даже и в совсем другой форме и содержании. Но ты почувствовала, как эта болезненная пустота начинает покидать твоё сердце, стирая боль и страхи. Ведь ты не просто писала, ты делилась написанным с другими. Тебя читали, и совершенно незнакомые люди могли оценить в строках твою душу, и ты находила в их сердцах отклик.

Медленными, маленькими шагами ты начала возвращаться к

жизни. Вновь появился блеск в глазах. Ты начала активно участвовать в жизни класса. Проведение мероприятий, написание небольших сценариев, ответственность за журнал класса и посещаемость, ты стала практически правой рукой своего классного руководителя. И по окончании школы с несколько ироничной улыбкой слушала, как она называла тебя одной из своих лучших учениц, понимая, что в сердце всё равно откликается только то, как она просила ограничить твоё общение с подругой. Ты всё ещё чувствовала тошноту, когда выступала перед кем-то, и дрожь в коленях казалось видной всем, стоило только взять в руки ещё и микрофон. Но ты упорно боролась со страхами, отгоняя их прочь, не позволяя им лишать тебя того, что нравилось. Раз за разом ты боролась с этим страхом, и каждый раз для тебя был как первый, но ты не сдавалась и становилась от этого лишь сильнее...

Прошло уже больше десяти лет. Ты выросла, стала красивой, сильной духом, уверенной в себе. У тебя есть своя семья, дети... Выступления перед публикой от нескольких человек до нескольких сотен стали для тебя обыденностью, и каждый раз ты делаешь это с гордо поднятой головой и уверенной улыбкой.

И только ты одна знаешь, что при каждом твоём выступлении, буквально на пару секунд, прежде чем ты вновь станешь той, кто ты есть сейчас, в самом начале твой голос дрожит и накатывает лёгкое чувство тошноты, вслед за которым в голове вновь слышится холодный, наполненный превосходством и иронией голос, от которого холодеет всё внутри: «Что и требовалось доказать, Иванова...»

Долова Амина Анатольевна родилась и выросла в селе Дыгульбгей, с отличием окончила местную школу. В настоящее время – студентка третьего курса КБГУ в СГИ на направлении «журналистика» (профиль: телевидение).

СКАЗ ЛУННОЙ НОЧИ

*Ночь темна, танцуют звёзды,
Тихо тают облака.
Лунный свет средь листьев рощи
Кроет светлые слова.*

Тёмная пелена давно стояла на горизонте в эту тихую летнюю ночь. Неизменно сияли веснушки космоса, а луна всё так же заменяла солнце в отлучке. Спокойствие ложилось на мир тяжёлым тёплым одеялом для особенных дней.

Все жильцы селения дремали в своих деревянных домиках, коротко посапывая. Но маленькая Айла не была в их числе. Она была единственной беглянкой из царства Морфея.

Уместившись у краешка кровати рядом с окном, она внимательно вглядывалась в близлежащую рощу. Её большие голубые глаза, окаймлённые двумя рядами ресниц, сияли как два больших фонаря. Айла не хотела упустить ни секунды в ту ночь...

О роще повсюду ходили разные слухи. Сельчане, то ли в силу своей наивности, то ли по незнанию, верили в эти слухи и страшились заходить в тайник злобных существ. А Айла не боялась. Несмотря на многочисленные страшилки матери и строгие слова отца, её сильнее и сильнее тянуло узнать рощу изнутри.

Минуло всего пять зим с тех пор, как она появилась на свет, но её любопытства и непоседливости хватило бы на все восемьдесят. Так говорила сама бабушка. Она всегда ласково смеялась над неугомонностью девочки:

– Ты смотри, какой метеор у тебя растёт, сына! Вся в меня пошла. Правда же, звёздочка?..

– Бабуль, а бабуль! Смотри! Я звёздочка! – закричала Айла, стоя на высокой спинке дивана. – А сейчас я падающая звёздочка. – Девочка раскинула руки в стороны и прыгнула. Отец, который это видел, молниеносно подскочил к ней. Он попытался схватить её, но неудачно рассчитал скорость и стукнулся подбородком о

паркет. А «Звёздочка» же ловко приземлилась на папину спину.

Бабушка, спокойно стоявшая в сторонке, расхохоталась:

– Вот она, моя звёздочка! Сына, тебе бы у неё поучиться так ловко прыгать. Такой большой, а бегать и прыгать совсем не умеешь.

Девочка лучезарно улыбнулась. И лишь спустя мгновение заметила под ногами отца.

– Ой, папочка, привет. А что ты тут делаешь? – невинно пролепетала малышка. – Тебе плохо?

– Нет, солнце моё. Просто решил поймать падающую звёздочку, – тяжело выдавил мужчина.

– А, ну тогда ладно. – Девочка спрыгнула со спины отца. Тот слегка побряхтел, схватившись рукой за спину, и ушёл к себе.

Сегодня ночью Айла всё же решила сбежать ненадолго из дома. Дождавшись, пока родные крепче схватятся за свои грёзы, она накинула на себя любимое белое платье с рюшками на плечах и выбежала на улицу.

Ворота в «бермудский треугольник» грозно выступили напротив маленькой Айлы. Она недовольно нахмурилась, высунула язык, бросая вызов невидимому злу и широкими шагами двинулась вперёд.

С каждым новым шагом темнота сгущалась у ног незваной гостьи. Некогда искрящиеся на свету листочки берёз слиплись в непонятное месиво, а шелест травы напоминал злобное перешёптывание мухоморов. Но девочка упрямо продолжала шагать, изо всех сил делая вид, что ей не страшно.

Кто-то из-за спины внезапно угукнул. Плечи Айлы дрогнули. Послышался треск, затем ещё один. Сердце девочки забилось чаще. Она уже не могла притворяться, что ей не страшно. Широкие шаги сменились на неуверенную поступь, а затем девочка и вовсе остановилась. Прислушалась... Мир резко наполнился звуками: кваканье, чавканье, вой, стрекот. Звуков становилось всё больше и больше, всё громче и громче. Кто-то в кустах зашевелился – в унисон с волосами на затылке Айлы. Большой чёрный силуэт медленно выбрался из-за своего листовенного укрытия. Он загредел, завибрировал. Девочка тут же сорвалась с места и умчалась в неизвестном направлении.

Ноги её неслись через заросли и ухабы. Белое платье превратилось в серую тряпку, а рюшки порвались в лоскуты, обвисая на коже. Но Айла не думала об этом. Она вообще ни о чём не думала, кроме того, чтобы бежать и бежать без остановки. А когда ноги её затряслись от перенапряжения и дыхание сбилось до небольших, отрывистых глотков воздуха, девочка наконец остановилась.

Она стояла на берегу небольшого водоёма. Редкие просветы между

пушистыми ветвями насмешливо глядели на неё. Здесь было тихо и спокойно. Здесь было безопасно.

Айла присела на корточки, опустила голову на колени. Больше всего хотелось прямо сейчас расплакаться. Надо было слушать маму и папу. А теперь её съедят, и никто больше о ней не вспомнит. Бабушка больше не будет готовить с ней снадобья из травы, дедушка никогда не будет смеяться над её фокусами, а мама с папой перестанут её любить. Но она сама виновата! Это она сбежала ночью. Это она пошла в эту ужасную рощу. Во всём виновата только Айла.

Первые слёзы настоящего отчаяния вырвались у неё, орошая красные от бега щёки. Негромкие всхлипы маленького носика то и дело разносились повсюду, словно сигнал для хищников.

– Что с тобой? – послышался ласковый женский голос. Айла вздрогнула, испуганно повела глазами по сторонам. – А ты забавная, – снова раздалось где-то совсем рядом.

Из глубины пруда показалось странное свечение, вода забулькала и побежала рябь. Айла сразу отскочила от воды.

– Не бойся меня, дитя. Я тебя не обижу.

Перед девочкой предстала молодая девушка с кудрявыми длинными волосами, струящимися по обнажённым телу. Она была прекрасна. А заострённые кончики ушей и большие чёрные бусины вместо глаз свидетельствовали о её нечеловеческом происхождении.

– Хочешь, я тебе помогу? – Девушка улыбнулась Айле, обнажив хищные, как у акулы, клыки.

Айла завороченно смотрела на незнакомку, не смея ни на секунду отвести взгляд.

– Хочу, – чуть слышно прошептала она, шмыгнув носом. Такая красавица обязательно должна была ей помочь.

– Тогда пойдём со мной, – глаза неведомого существа недобро сверкнули.

– Мои родители говорили, что нельзя связываться с незнакомцами.

– Что ж, давай познакомимся. Меня зовут Айсу, а тебя? – всё так же приветливо и ласково продолжала девушка.

– Меня зовут Ай... – Айла не успела договорить. Кто-то хлопком прикрыл ей рот и сжал плечо. Паника вновь охватила её с головы до ног. Она начала брыкаться, но нападавший был сильнее. Гораздо сильнее. Айсу зашипела, хлестнула взметнувшимся хвостом по воде и исчезла в брызгах. Надежда на спасение растворилась вместе с ней.

– Никогда не говори русалкам своего имени. А то они тебя утащат, и дело с концом, – прогремело у ее уха. Девочка ещё больше стала извиваться в грубых руках, густо покрытых чем-то вроде глины. Но это было бесполезно.

– Успокойся, цыплёнок, иначе все косточки сломаю. Ты же этого не хочешь?

Айла послушалась. Повисла на громадной руке, как тряпка. Меньше всего сейчас хотелось оказаться поздним перекусом для этого монстра. В глазах снова защипало. Великан, убедившись, что девочка больше не будет сопротивляться, отпустил её. Айла хотела было снова пуститься бежать, но громила успел ухватиться за её локоть.

– От меня во второй раз не убежишь, маленький цветочек, – оскалился монстр. И тут девочку осенило. Это чудище – тот самый чёрный силуэт в кустах. Неужели он всё это время преследовал её?

– Пожалуйста, не ешьте меня. Я вам пригожусь, – процитировала она из сказки.

– Есть? – шумно расхохоталась громадина.

Айла опасно-медленно обернулась. Это было двухметровое тёмное пятно, покрытое толстым слоем грязи, из которой уже прорастали мох и грибы. Голова, похожая на огромную грушу, и уши крючковатой формы сбили с толку Айлу. Это был настоящий гоблин.

Она застыла при виде массивных челюстей (особенно нижней, из которой выпирали жёлтые длинные клыки). Девочка сглотнула, не понимая, чего ожидать дальше. Золотые глаза со зрачками в виде клевера по-доброму мерцали в ночи.

– Скажи мне вот что, камушек мой. Ты гриб?

Айла непонимающе захлопала глазами.

– Э... нет? – неуверенно протянула она.

– Тогда, может... ты ягода? – гоблин испытующе смотрел на неё.

– Нет, – твёрже ответила девочка.

– О, я знаю. Ты явно один из корешков, которые удрали у меня из-под носа вчера.

– Нет! – Айла улыбнулась. Страх как ветром сдуло.

– Очень жаль, но тогда я тебя не съем. Ты невкусная. – Гоблин скривился, высунул синий язык – подтвердить свои слова.

– Тогда чего ты от меня хочешь?

– Я увидел тебя на полянке и подумал, что ты заблудилась. Нехорошо, когда маленькие жучки, вроде тебя, разгуливают ночью в одиночестве.

– Я не жучок! – Айла топнула ножкой.

– А кто ты, листик?

– Меня зовут Айла. Я убежала из дома, чтобы посмотреть, что внутри рощи. – Тут ей стало немного стыдно, она отвела глаза.

– А-а-а. Так ты беглянка. Ну и какво это? Увидела? – беззлобно усмехнулся великан.

– Страшно. Здесь все такие?

– Какие «такие»?

– Ну... большие и злые?

– О, так я злой? – притворно обиделся он.

– Нет, ты не злой! – Айла поспешила объясниться. – Просто ты очень, ну очень-преочень большой. – Она слегка покраснела.

– Хех. Это да. Я каждый день ем много всякой всячины, – мечтательно произнёс гоблин. – А ты не хочешь домой-то вернуться?

– Он задумался. – У тебя же есть дом?

– Есть... но я не знаю, где он. – Девочка грустно вздохнула.

– Тогда я отнесу тебя домой. Пойдём. – Великан поднял её на руки, усадил на спину. – Держись крепче, – пророкотал он своим утробным рыком, и они вместе понеслись сквозь стволы деревьев.

На спине гоблина было тепло. Мох и редкая шерсть приятно касались открытой кожи. Небольшой ветерок обдувал румяные щёчки и теребил непослушные волосы Айлы. Она прижалась к новому другу ближе и стала смотреть вокруг.

Где-то меж рядов берёз мелькнули тени. Они извивались, блистая своими красными и зелёными глазами. Некоторые даже умудрились говорить.

Но громила будто не обращал на них внимания.

– Эй, а что это там? – не выдержав, спросила Айла.

– Где?

– Вон там, – она ручкой потянулась к теням.

– А, это? Просто привидения, или по-вашему духи, – великан отмахнулся.

– Они умерли?

– Нет. Когда люди начинали разносить плохие слухи об этих местах, появились и они. Это духи злых слов. Человечки сами не знают, что их страхи обретают форму, когда они искренне верят в них.

– Это как? – не унималась девочка. Чудище вздохнуло.

– Ну смотри. – начал он. – Ты же боишься монстра у себя под кроватью?

– Да.

– И иногда ты о нём много думаешь, так?

– Так... – Айла непонимающе уставилась на него. – И что?

– А вот что, пташечка, – гоблин поднял указательный палец размером с литровую бутылку, словно указка. – Все эти думы превращаются в тени. Вроде тварей нет, а потом бац, – он громко хлопнул перед собой. Звук разлетелся во все стороны. – И они тут как тут!

Девочка захлопала ресницами. Несмазанные шестерёночки в её маленькой голове начали шевелиться.

– Я виновата в этом? – Айла всерьёз задумалась над его словами.

– Именно, ягодка, – ободряюще улыбнулся громила. – Но лишь

только солнце взойдёт над вашим селом, они тут же исчезают. Пуф и их нет, – монстр причмокнул губами.

– Так нечестно!

– Почему это?

– Они же так устают, когда каждый раз появляются и исчезают. – Айла вдруг ощутила себя предателем. С одной стороны, это хорошо, что она умеет ими управлять, но, с другой стороны, из-за неё они страдают. Она чуть заметно приуныла, затем осеклась... – Я их убиваю? – девочка не на шутку забеспокоилась.

– М-м, – задумчиво протянул великан. – Можно и так сказать, – серьёзно заявил он.

Айла тут же начала надрывно плакать. Гоблин растерялся (видите ли, у него не такой большой опыт нянчить детей).

– Ты чего, голубка? Ну подумаешь же.

Девочка лишь сильнее зарыдала в голос.

– Я п-плохая. Они ум-мирают из-за меня-я, – всхлипывая, произнесла она.

– И всего-то?..

Истерика «голубки» набирала обороты. Чудовище даже подумало, что она сломалась.

– Ладно-ладно. Пошутил я! Ты их не убиваешь.

– А ч-что с ними тогда? – Айла громко шмыгнула носом.

– Э... эм... они просто тают. Да, просто тают! Как снежинки. Им от этого не больно, так что перестань плакать, иначе вся глина сползёт с меня, – уже умоляло чудовище.

– Им точно не больно? – недоверчиво пролепетала Айла.

– Да точно!

– Точно-точно?

Громила выдохнул, тёмно-зелёный вздёрнутый нос недовольно дёрнулся.

– Клянусь своими клыками, им не больно. – Он показательно клацнул зубами.

– Ну, – всхлип, – тогда ладно.

В самой роще они провели чуть больше двух часов. Гоблин всё это время неторопливо рассказывал про обитателей загадочного места. Монстр даже успел познакомить маленькую Айлу с хищными феями и каменными червями. Конечно, сначала они хотели съесть девочку, но элегантный взмах гоблина над их черепушками заставил тварей передумать.

До дома малышки они добрались до восхода солнца.

Великан опустил её на землю, присел перед ней.

– Обещай мне, что ты никогда больше не зайдёшь в эту рощу, – важно произнёс он. Айла недовольно скрестила руки на груди, надула губки.

– Нет!

Монстр устало выдохнул.

– Тогда поступим так, малинка. – Он полез рукой куда-то за спину и выудил оттуда бархатный бордовый мешочек. Помахал им, и мешочек зазвонил.

– Что там?

– Колокольчик. – Чудовище аккуратно положило мешочек на ладони девочки. – Когда я буду нужен, где бы ты ни была, я приду к тебе. Надо лишь три раза позвонить в него. Но ты не должна подходить к этому месту без меня. Поняла?

– Да! Спасибо тебе большое-пребольшое! – Она просияла, после чего рывком кинулась на шею новому другу. Тот поднялся, обнял девочку в ответ, добродушно рассмеявшись.

На этом они оба распрощались. Айла на носочках добралась до своей кровати, скинула на пол платьице, закуталась в одеяло и положила мешочек рядом с собой. А гоблин пошёл обратно в рощу.

Маленькая «звёздочка» проспала до обеда, пока мама ворчала про сбитый режим, а папа и бабушка успокаивали её тем, что она – растущий организм, между прочим. Бабушка лишь насмешливо наблюдала за этим. Но потом задумалась и решила всё-таки пробраться в комнату внучки.

Прямо на пороге лежало изодранное белое платье, которое женщина подарила девочке в начале лета. Бабушка подняла его, затем испуганно бросилась к девочке, но, когда увидела, что та цела и невредима, беззаботно посапывает на тёплых простынях, успокоилась.

Женщина кинула испорченную вещицу через окно (сейчас вряд ли кто-либо будет шастать там). Потом стала медленно обыскивать каждый уголок детской, пока её взгляд не остановился на бархатном мешочке у ножки кровати. Видимо, мешочек упал, когда Айла ворочалась во сне.

Бабушка подобрала его, достала из кармана очки, надела их, чтобы рассмотреть незнакомый предмет поближе... и довольно хмыкнула себе под нос. Затем достала из другого кармана точно такой же мешочек, но уже потрёпанный, зелёного цвета. Посмотрела на рощу из окна:

– Всё-таки ты не подвёл меня, старина. Защитил мою «звёздочку».
– Бабушка по-доброму усмехнулась, выходя из комнаты. А вот разбудить девочку так и не осмелилась.

МОЖЕТ, ЭТО АЛЛЕРГИЯ?

Сегодня необычайно холодно для осени. Дождь, к тому же ветер такой силы, что сносил оставшиеся листья на деревьях... Да и

день выдался не очень: на учёбе завал, долги по мировой истории и конструированию. Ужас какой-то.

Хочется побыстрее вернуться домой, кинуться под плотное одеяло со львом из «Мадагаскара» и посмотреть простецкий фильм. Может, это отвлечёт от навалившей грусти? Надеюсь, что так, потому что я не намерен грустить из-за такой мелочи, как отработочный лист, который мне отказались дать.

Дорога выдалась длинная, но всё же я смог донести своё тело до дома. Включаю отопление на полную, завариваю горячий чай, усаживаюсь поудобнее и ставлю первую часть Гарри Поттера. О, да. То, что надо...

Проходит не так много времени, когда я замечаю, что начинаю клевать носом и постепенно терять связь с миром. Слова, льющиеся из динамика, уже еле различимы, веки наливаются свинцом. Я машинально останавливаю фильм, отпускаю ситуацию...

Слышу чей-то голос. Что это? Кто-то меня зовёт? Ох, только не сейчас, когда я так расслаблен:

– Эй, соня, проспишь всё на свете. Давай же. Огненные львы ждут нас! Они сами на себе не покатаются, – слышится тонкий женский голос. Я его не знаю. Да и всё равно... Хотя стоп... Огненные львы? Покататься на них? Что за бред?!

Я стремительно открываю глаза, испугавшись, что эта ненормальная что-нибудь может сделать со мной, если я не встану. И каково же было моё изумление, когда я осознал, что нахожусь не в своей комнате, а где-то очень далеко. Настолько далеко, что я не уверен – на какой планете.

Повсюду летали небольшие островки земли, соединяющиеся лианами и мостами. Невероятное разнообразие растительности, да ещё и таких необычных цветов: от серого до фиолетового, оранжевого и даже чёрного! И ладно, если бы это были цветы! Нет же! Это трава и деревья были такой палитры красок.

Где я? Что за небо манящей синевы, что за совершенно незнакомые и более чем привычные глазу существа?! Боже мой! Это там грифон петляет между рядами золотисто-красных пальм?..

– Эй! – прозвучало где-то сбоку от меня. Я автоматически обернулся на голос. Передо мной стояла девушка ослепительной красоты: небольшой рост, белоснежное лицо, пухлые красные щёчки, глаза, кажется, сияющие даже при лунном свете. А эта улыбка, этот лукавый прищур пушистых ресниц. Дыхание перехватило от её облика. Это не должно быть законным!

Но нет, меня удивила даже не её красота и не эти существа с пейзажем, а то, что я выдал следующим:

– Долго ждала меня, милая? – так просто ответил я ей, но сразу осёкся.

Что я только что ей сказал? Хотя... это не важно. На моём лице расплылась легкая улыбка, морщинки над бровями разгладились, я светился изнутри, сердце так и норовило вырваться наружу, чтобы закричать изо всех сил о том, что я счастлив видеть её здесь и сейчас. Складывалось ощущение, будто знал её очень давно. Так же давно, как и начал дышать. Она упёрлась руками в бока, расставила ноги на ширину плеч, насмешливо поглядывая на меня:

– Не так долго, как ты меня, ну да ладно. Идём со мной. Я покажу тебе совершенно новые горизонты, – добродушно проговорила она, выставив руку вперёд, призывая.

И что, вы думаете, я сделал? Конечно же, ухватился за её ладошку и пошёл за ней. В тот миг мне казалось, что, если бы она точно так же предложила мне спуститься вместе с ней в ад, я бы не думал ни секунды.

И в общем-то девушка не соврала. Она, как и обещала, покатала меня на огненных львах. Кто бы мог подумать, что, во-первых, это окажется Алекс из «Мадагаскара», а во-вторых, что огонь может и не жечь, а лишь игриво ласкать голую кожу. Мы катались около двух часов без остановки. Мне было так хорошо с ней. Она такая милая, весёлая и... такая красивая. Не могу отделаться от мысли, что она – самое прекрасное создание во всей Вселенной.

Когда наш лев выбился из сил, она отвела меня на опушку леса, откуда мы наблюдали за разгорающимся закатом.

Солнце невесомо коснулось края горизонта, словно спрашивая разрешения на уход. А когда ей всё-таки ответили согласием, она вспыхнула всеми цветами радуги, пронзая пространство и время. Жаркие лучи разрисовали весь небосвод невидимыми кистями, чтобы навеки запечатлеть в памяти именно этот закат из тысячи других. И я невольно задержал дыхание, стремясь не упустить ни одной секунды этого зрелища, пока моя новообретённая подруга легонько не коснулась моих холодных пальцев. Её короткие пальчики были такими же жаркими, как и эти лучи пламенной звезды. Я чуть сжал её пальцы своими. К горлу подступил комок, голова вдруг закружилась, а в желудке творилось что-то странное. Такое необычное чувство.

Что это? Первое, до чего я додумался – может, это отравление? И ведь, верно. Я вчера ел шаурму за поворотом. Сомнений нет. Это отравление.

Проснулся я в полнейшем одиночестве за минуту до сигнала будильника. Гадкое чувство. Вокруг не было ни грифонов, ни суперрастений, ни её. Мне стало грустно от осознания того, что это был всего лишь сон. Я присел. Сладкое послевкусие ото сна чувствовалось на кончике языка. Я довольно поморщился, потянулся. Пора в универ.

Весь день прошёл в каком-то тумане, но в хорошем смысле, не

подумайте. Я, конечно, отсидел четыре пары, но мне наконец-то дали этот несчастный отработочный лист, даже похвалили за тягу к знаниям. Но не знаю, что насчёт знаний, меня тянуло только прилечь. А почему нет? Так и сделаю. Вдруг мне и сегодня приснится та незнакомка? Было бы славно.

Доделав дела, я решил всё-таки пойти спать пораньше. И сегодня, и завтра, и всю последующую неделю она продолжала являться ко мне во снах. Что мы только не делали с ней: ели мороженое на далёкой планете, разговаривали с чудо-камнями, дрались на багетах на Эйфелевой башне, убегали от Тирекса. Мы очень быстро сдружились, нашли общий язык. Мои сны стали настолько яркими, что даже в реальности все дела давались мне безо всякого труда. Однажды я даже рассказал друзьям о ней. Правда, они лишь посмеялись надо мной и сказали, что я глупец, который заиклен на далёком идеале. Но нет же! Она вовсе не идеальна. Бывали времена, когда я не мог выносить её присутствия. Например, когда я сказал, что она похожа на медузу, Эн (так я её назвал) почему-то обиделась и не желала разговаривать со мной целых три часа, а на все вопросы и попытки помириться она лишь отмахивалась и продолжала ворчать. Пришлось громко извиниться перед ней. Она меня простила, но, если честно, я так и не понял, за что. Медузы ведь могут быть милыми, разве нет? О, а момент, когда она умышленно столкнула меня с обрыва? Пока я пытался создать себе парашют и не умереть, она залиvisto смеялась, тыкала в меня пальцем и кричала что-то вроде «идиот». Ну, правда же, невыносимая девчонка! Такая гадкая. Совсем не та, какой она предстала в первую ночь. Её личико, характер и голосок не казались мне больше идеальными, но всё-таки. Она была другой, нежели остальные. Её утиный смех, глупые шутки, неуклюжесть периодами, неумение выражать свои мысли и ужасная манера кататься на огненных львах – всё стало ценным для меня. Странно, да?

А ещё эта глупая аллергия, которая появляется только рядом с ней. Да-да, я выяснил, что в тот раз у меня было не отравление, а аллергия. У меня мама врач, я знаю об этом немного. Все симптомы совпадают: боли в желудке, словно их скручивает узлом (по секрету для читателей – это происходило, когда она была чем-то расстроена), потом резкое облегчение, учащённое сердцебиение, неконтролируемый румянец. И это случалось каждый раз, когда она протягивала мне свою ручку, когда забывалась и мурлыкала про себя какую-то песню, когда она бегала по краю земли, не боясь с него упасть, потому что верила, что я её поймаю во что бы то мне ни стало. Все признаки на лицо. Аллергия и никак иначе. Аллергия на неё и на все её глупости...

Сказать честно, несмотря на все её капризы, нам было очень хорошо. И всё было бы прекрасно, я не задумывался о том, что она нереальная. Но во вчерашнем сне кое-что произошло...

Была ночь. Мы сидели на лавочке около костра, грели руки после купания в озере. Костёр был на удивление большим, ярким, но совершенно не грел, даже не пытался. Можно было поднести руки к огню совсем близко и ничего не почувствовать. Тогда я решил прижать Эн к себе, она не сопротивлялась, а наоборот, как бы одобряя, прильнула ближе, положила голову на моё плечо. Кожей я почувствовал её приподнятые уголки губ.

– Тебе не холодно? – спросил я, обернувшись к ней.

– Совсем нет, – ответила она и замолчала.

Между нами поселилась тишина, накинула на нас свою шерстяную негреющую накидку. Нам стало неловко. Тогда Эн подняла на меня взгляд, смотрела полминуты, повернулась обратно и щёлкнула двумя – большим и средним – пальцами.

Над нами взошёл золотой диск. Его окаймлённые кратерами края пронизывали пушистые податливые облака. Она невесомо притягивала к себе звёзды, образуя вокруг себя некую гирлянду. Кромешная темнота рассеялась и наполнилась серебряным сиянием. Я испытывал те же чувства, что и при закате первой ночью. Но тогда я не отрываясь смотрел на синеву, окрашивающуюся всеми цветами вселенной. Однако сейчас... я смотрел только на неё. Для меня больше не существовало ничего, кроме её искр в глазах, ровного дыхания. Моя аллергия опять дала о себе знать, но симптомы несколько изменились: мне было спокойно. Сердце билось громко, но ровно. Щеки больше не пылали жаром. Вместо этого по телу растекалось тепло, соединяясь у солнечного сплетения. И тогда я подумал: может, это вовсе и не аллергия?..

– Спасибо тебе, – едва слышно сорвалось у меня с уст. Почему-то именно сейчас я чувствовал непреодолимую благодарность. Мне срочно надо было сказать это. Она отступила на несколько сантиметров. Стало холодно, но виду не подал.

– За что? – тем же тоном пробормотала Эн. Она по-птичьи склонила голову.

– За всё, – почти выдохнул в ответ. – Знаешь, мы через многое прошли вместе. Кажется, будто мы прожили целую жизнь, но как бы глупо это ни звучало, я до сих пор не знаю твоего имени. – Она по-доброму хмыкнула, но ответа за этим не последовало. Тогда я решил, что она не расслышала. – Как тебя зовут, Эн?

– Тебе не обязательно знать моё имя. Это ведь твой сон. Ты всё равно забудешь меня. Поэтому давай просто наслаждаться моментом. – Она опустила голову, отвернулась от меня. На её лице блеснула грустная ухмылка.

– Я обещаю тебе... нет. Я клянусь! Клянусь, что не забуду! – глубоко внутри меня разразилась целая буря чувств. Смятение. Печаль.

Тревожность. Страх. Слабость. Хотелось просто разорваться на части.
– Забудешь, – она повернулась ко мне, и только сейчас я заметил, как мелькнула при лунном свете её дорожка из слёз. Сердце сжалось. Почему я вообще задал ей этот вопрос? Нам ведь было так легко, я всё испортил! Зачем?! Зачем?! Зачем я её спросил!?

Я раскрыл рот, чтобы успокоить, извиниться, поклясться, заверить в правдивости своих слов – сказать хоть что-нибудь... Но я так и не смог ничего ей ответить. Я не смог.

Мгновение. Я распахнул глаза, по щекам вмиг пробежались солёные дорожки. Я рывком поднялся с постели, обрывисто дыша, не веря во всё произошедшее. Даже не заметил, что за окном уже светало. Будильник зазвонил. Чёрт. Опять проснулся, как тогда. Гадкое чувство. Но гадкое оно теперь не от будильника, а от самого себя. Как я посмел обидеть её? Как посмел я замолчать? Почему я заставил её плакать?..

В голове не было ничего кроме вопросов, на которые я вряд ли смогу ответить за всю свою жизнь. Но ничего, скоро я с ней встречу и исправлю свою ошибку. Непременно исправлю. А сейчас надо в универ...

Первая пара. Вторая. Третья. Всё прошло мимо меня. Я чувствовал себя камнем, об который безуспешно бьётся морской прибой. Что друзья, что преподаватели, что одногруппники, что обычные прохожие – всё минуло моего внимания. День быстро закончился, сменился вторым, далее третьим. Но Эн больше не появилась в моих снах. Гадко. Так гадко, что хочется прибить себя к стенке. Распластаться бы на кровати и растаять. Было бы славно.

Единственное, на что у меня хватило сил в мой выходной – это пойти посидеть в парке. Отвлекусь, почему бы и нет. Однако сколько бы раз я ни отгонял мысли о ней, всё равно возвращался. Тогда я просто смирился и, наконец, позволил себе погрузиться в этот омут с головой.

Я долго размышлял о том, что происходило в моей жизни за последние полторы недели.

Она так неожиданно ворвалась в мою реальность... Только сейчас я понял, что всё, что было между нами, происходило в моей голове, а сама Эн не была настоящей. Надо же! Я скучаю по созданному моими нейронами образу. Это точно нормально? Действительно ли я создал её, а может, она меня? А может, я просто хотел убежать от действительности? Тогда почему Эн не была идеальной? Я имею в виду все её женские заскоки, или как их там? Не может быть, чтобы это и был мой порог совершенства. Тогда получается, что я сам мыслю, как женщина? Да-а... глупо получается. Да и не правда это, да и психически я здоров. Как раз недавно психологический тест проходили. Всё у меня нормально. Странно как-то. Что же со мной? И почему я так к ней тянусь? А тянусь ли? Я ведь... я ведь...

Да уж. Кого я пытаюсь здесь обмануть? Только себя. Жить как

прежде не получится. Пора бы признаться себе, что никакая это не аллергия. А ведь про такое только в книжках написано. Всё-таки странно всё это. Странно...

Долго я размышлял об этом. Очень долго. В итоге многое стало понятным, но и многое не очень. Да и не важно это. А что тогда важно? Важно то, что... Нет. Я точно знаю, что для меня важно. Она.

В голове мелькнула мысль. Она быстро пробежалась по рядам волос на моём затылке и проскользнула в щёлочку в голове (оттуда же всегда дует, когда я пытаюсь запомнить материал).

Я где-то читал, что человеческое сознание не может придумать ничего нового, если не увидит что-то похожее хотя бы раз в жизни. Значит, если Эн – это фигура, которую я придумал, получается, что где-то я её встречал. Но тогда она должна быть совсем рядом. А как я найду её среди тысяч людей, которых вижу каждый день в первый и, возможно, последний раз?! Тут надо как следует поразмыслить.

Может, её на самом деле не существует или её характер абсолютно противоположный. Что же делать? Я совсем запутался. Спросить тоже некого. Кажется, пора её отпустить?..

Какое-то время в моей голове не было ничего, кроме белого шума. Мысли разлетались во все стороны, ударяясь о черепную коробку. Вдруг одна из них царапнула стенки больше остальных.

Я вспомнил последние слова, сказанные ей в ту злосчастную ночь: «Клянись...»

Нет, я не могу всё так оставить. Я обещал ей. Поклялся! Я найду её. Обязательно. И пускай на это уйдёт вся моя жизнь.

Прошла неделя. Даже не предполагал, что время может течь так быстро. Удивительно.

За этот короткий период я почти объявил Эн в розыск. Я искал её во всех других лицах. Бывало и такое, что по ночам усаживался за свой рабочий стол и по памяти старался воссоздать на бумажке хотя бы её силуэт. Когда у меня ничего не получалось (а у меня никогда не получалось), я выбрасывал все листки на помойку, проклиная всё и вся. Потом ложился на кровать и долго-долго не мог уснуть, прокручивая в голове последнюю ночь. Может, я действительно сходил с ума? Вот весело будет, если на моём надгробии напишут «умер от собственных мыслей». А что? Это настолько смешно звучит, что становится грустно.

Некоторое время спустя я решил отдохнуть от всего, что тревожит сердце. Это была среда. Ноябрь. Пара английского. Занятие было скучным и весьма бесполезным. Настроение было ужасным. Держало на плаву лишь то, что всё закончится через пятнадцать минут.

Неожиданно для всех в аудиторию ворвалась девушка небольшого

роста, с белоснежным личиком, пухлыми красными щёчками, глазами, кажется, сияющими даже при лунном свете. Это была она. Моя Эн. Настоящая Эн. Живая, осязаемая, такая же шумная, как и во сне. Она действительно существует.

Девушка ворвалась в аудиторию, одолжила какие-то ключи у преподавателя и так же быстро исчезла в дверном проёме.

Сначала я беспомощно хлопал глазами, не до конца осознавая происходящее. Но когда до меня дошло, я тут же рванулся вперёд, практически переворачивая парту с соседом. Пока англичанка пыталась остановить меня, что-то выкрикивая в спину, я мчался изо всех сил в сторону незнакомки. Тело гудело от предвкушения встречи. Сердечный бит эхом отдавался в ушах. В голове было одно – догнать. Догнать и не отпускать.

Когда она, наконец, мелькнула на горизонте, прозвенел звонок. Чтоб его!.. Толпа ринулась в коридор. Я упустил её из виду. Мне стало страшно. Я не могу её вновь потерять.

Я прибавил скорости. Людей становилось всё больше и больше, а шансы разглядеть её всё меньше и меньше. У меня началась паника. Я остановился, чтобы хоть немного перевести дух и понять куда она вообще двигалась. Осмотревшись, понял, что шла Эн к выходу. «Только не туда! Нет! Остановись, прошу тебя!» – мысленно кричал я вслед. Когда на меня нахлынула волна безнадёжности, кто-то потянул за рукав моей рубашки. Медленно обернувшись, я заметил девчушку, обеспокоенно поглядывающую на меня, в то время как я впал в полнейший ступор:

– Вы в порядке? Нужна помощь? – она задала ещё кучу вопросов, но я не слушал. Прямо передо мной стояла та, что волновала мою душу не только весь этот месяц, но и, возможно, всю мою жизнь. Я потянулся к ладошкам, которые продолжали сжимать край рубашки, взял в свои руки, приложился к ним лбом. И, похоже, перестал дышать. Она попыталась мягко вырвать, но я был сильнее.

– Моя Эн... – прошептал я куда-то в пол. Она замерла точно так же, как и я ранее. Значит, услышала.

– Повтори, что ты сказал, – осторожно протянула она.

– Я поклялся тебе, что никогда не забуду, – я поднял голову, смотрел ей прямо в глаза. На ее лице читалось неверие, она начала мотать головой, словно пыталась проснуться.

– Не может этого быть, – яростно тараторила она, пока не сдалась, и слезы её проступили горячими каплями. – Ты не забыл... Как это возможно?! Из семи с половиной миллиардов людей на свете именно ты, именно здесь, именно сейчас...

Я улыбнулся ей, почувствовал, как по моей щеке скользнуло что-то мокрое. Мне было всё равно. Я стиснул её в своих объятиях. Моя аллергия не заставила себя долго ждать. Только в этот раз я знал, что это вовсе не аллергия...

Ученица МКОУ СОШ № 1 с.п. Старый Черек Тхазеплова Лалина заняла 2-е место на Международном конкурсе чтецов на родном языке, цель которого – сохранение языка, популяризация произведений молодых авторов и лучших произведений поэтов и писателей старшего поколения.

Конкурс называется «Громче звучи, мой родной язык» – это один из проектов «Фонда Черкесского центра по сохранению и развитию черкесского языка», который и является организатором мероприятия. Стихотворение, прочитанное финалисткой конкурса, принадлежит перу известного кабардинского поэта Хасана Тхазеплова.

С мамой Залиной Залидовной

Мажит Саматович Гулиев родился в посёлке Эльбрус Эльбрусского района. Школу окончил в селении Ивановка Киргизской ССР. По возвращении на родину в 1957 году поступил заочно на историко-филологический факультет КБГУ и получил диплом о высшем образовании в 1963-м. В 1965–1967 годах учился на промышленном отделении Ростовской высшей партийной школы.

Трудовую деятельность Мажит начал рано – в 12 лет. Работал на строительстве ГЭС в Алма-Ате, затем с 1948 по май 1957 года – на кирпично-черепичном заводе в селе Ивановка.

На родине работал в средствах массовой информации республики: собкором и редактором общественно-политического вещания студии телевидения, заведующим отделом информации и промышленности газеты «Коммунизмге жол». С 1967 по 1984 год Гулиев был инструктором отдела лёгкой, пищевой промышленности и торговли обкома КПСС. С 1984 по 1994 год занимал должность заместителя председателя Госкомитета по телевидению и радиовещанию.

Литературная деятельность Гулиева началась в 50-х годах прошлого столетия. Его творчество отличается жанровым многообразием: рассказы, повести, одноактные пьесы, юмористические миниатюры, стихи, поэмы, басни, сказки. Он – автор нескольких книг, его произведения также включены в сборники и периодические издания. Гулиев внёс заметный вклад в балкарскую детскую литературу.

НЕ УЛЕТАЙТЕ, ЖУРАВЛИ!

Курлы-курлы, взлетая, журавли
Прощенья просят у своей земли,
Что в страхе перед холодом и льдом
Они опять покинули свой дом.

Вас гонит прочь дыхание зимы?
Быть может, в чем-то виноваты мы?
Пока не поздно повернуть назад,
Останьтесь, не летите наугад.

Спускайтесь вниз, вас ждет знакомый дол,
Где как гостей усадят вас за стол,
Где вам папахи теплые дадут,
Чтоб уберечь от стужи и простуд.

Где архалуки из овечьей шерсти
Вам женщины пошьют, собравшись вместе,
Нарядные подарят ноговицы,
Не улетайте, милые нам птицы.

ПОЙТЕ, ЗВЕЗДЫ!

Умату Кожасеву

Ночь окутала мир фиолетовым цветом,
Млечный путь утопает в небесной пыли,
И во тьме, среди звезд, заблудились кометы,
Оставляя свой след в недоступной дали.

Я иду, и за мной тоже тянутся нити,
Моих прожитых лет, превращенных в лучи,
Так чего же вы, звезды, напрасно грустите,
Об отважных кометах, горящих в ночи.

Звезды, слезы утрите и людям поверьте,
Всех и каждого ждет невеселый финал,
Но сгоревший для жизни получит бессмертье,
О котором, наверное, и не мечтал.

«Спорить с нашей судьбою – занятие пустое, –
Говорил аксакал, все познав, без прикрас. –
Потому слишком долго терзаться не стоит
Над могилами тех, кто покинули нас».

Пойте, звезды, оставьте тоскливые плачи,
Звонкой песней пронзая небесную высь.
Добрым людям желайте тепла и удачи,
И любите, покуда не кончилась жизнь.

ЕСЛИ БЫ НЕ ВОЛК

Басня

В одном дворе жил маленький щенок,
Он лаял и рычал, как только мог,
Как будто говорил: «Ни вор, ни зверь
Пройти не смогут через нашу дверь».

Он хвост торчком держал, как взрослый пес,
Чтоб каждый принимал его всерьез,
И лаял, что есть силы наугад,
А от прохожих пятился назад.

И часто снилось глупому щенку,
Как он грозит случайному врагу,
И виделся ему тщедушный тать,
Которого сумеет он прогнать.

Возможно, из щенка бы вышел толк,
Когда бы ночью не явился волк.
Он без помехи рыскал во дворе,
Украл овцу и скрылся на заре.

Ну, а щенок упрятался в подвал,
И там всю ночь от ужаса дрожал,
Он даже не сказал злодею: «Гав!»
И прожил жизнь, собакою не став.

Не торопись назваться храбрецом,
Пока беда не тронула твой дом,
Лишь случай разберется, кто ты есть,
Защитник или трус, забывший честь.

*Перевел с балкарского
Александр Пряжников*

*Борис ЗУМАКУЛОВ,
Уполномоченный по правам человека в КБР,
секретарь, первый секретарь Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (1980-1991 гг.), профессор*

КАВКАЗА ВЕРНЫЙ СЫН
*К 90-летию видного политического и
государственного деятеля РФ А. С. Дзасохова*

На земле Кавказа выросло немало гениальных людей, которыми независимо от их национальной принадлежности мы, горцы, гордимся. Особенно много таких людей дала древняя и светлая Осетия. Среди них – прославленные полководцы, художники, поэты, музыканты, общественные и политические деятели. В их ряду достойное место занимает Александр Сергеевич Дзасохов.

А. С. Дзасохов

Я не могу дать всеобъемлющую характеристику А. С. Дзасохову как политическому и государственному деятелю союзного и федерального уровня, но имею право говорить о нем потому, что знаю его с 1962 года, с тех пор как был избран секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ. В работе конференции принимала участие первый заместитель Организационного отдела ЦК ВЛКСМ Фариза Борисовна Есиева, статная, красивая осетинка. Ее выступление произвело на делегатов очень приятное впечатление. После завершения конференции тогдашний первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Тимбора Кубатиевич Мальбахов сказал мне, как бы между прочим: «Борис, тебе есть на кого опереться и кому подражать, видишь, какая образованная и умная наша землячка, кстати, ее муж, Александр Дзасохов, тоже большой комсомольский начальник в Москве».

В свой приезд в столицу первым делом я пришел к Александру Сергеевичу Дзасохову. По тому времени в иерархии комсомола он занимал действительно высокую и значимую должность первого заместителя Председателя Комитета молодежных организаций СССР. А. С. Дзасохов был уже признанным и авторитетным комсомольским лидером. И, когда волею судьбы я оказался в Москве на работе в ЦК ВЛКСМ, Дзасоховы стали мне надежной опорой. Они как добрые друзья помогали адаптироваться в непростой столичной обстановке. С тех пор прошло много лет, но судьба вновь и вновь сводила нас. Так было в Афганистане

в пору моей работы советником. А. С. Дзасохов прибыл во главе делегации советского Комитета солидарности стран Азии и Африки, его принимал президент Афганистана доктор Наджибулла. Когда Александр Сергеевич увидел меня, он спонтанно, может быть, в нарушение дипломатического этикета тепло и по-братски обнял меня, что не осталось незамеченным, и, мне показалось, президент еще более уважал мушавера (советника) Жумакулова. Присутствуя на встречах А. С. Дзасохова с афганскими друзьями, я не без гордости отмечал его высокий интеллект, умение вести дискуссии, отстаивать свои позиции. В последующем Александр Сергеевич работал Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Сирийской арабской республике. В этом ранге он стал одним из самых уважаемых дипломатов огромной страны, в чем можно убедиться, прочитав монографию бывшего министра иностранных дел Российской Федерации, академика РАН Е. М. Примакова. В 1988 году в трудный период реформы политической системы А. С. Дзасохов был востребован в республиканской партийной организации, он был избран первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС. Здесь проявился во всем многообразии его талант партийного и государственного деятеля, что не осталось незамеченным партийным руководством страны. А. С. Дзасохов, опять же первым среди нас, горцев, в 1990 году на 28-м съезде КПСС был избран членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС. И, надо сказать, несмотря на невероятные сложности того периода, Александр Сергеевич работал, старался смягчить удары врагов партии и либеральных демократов по системе.

В 1991 году в результате известных событий А. С. Дзасохов потерял высокие должности, но, к его чести, не потерял лица, сохранил образ и достоинство. И опять же, когда жители Северной Осетии попросили, он вернулся домой и в 1998 году был избран президентом республики. А. С. Дзасохов в условиях рыночной стихии, разгула коррупции и преступности, смог помочь Осетии-Алании выжить, выстоять и твердо повел свой народ по пути созидания, мира и согласия. Но случилась Бесланская трагедия, которая жестоко прошла по судьбе А. С. Дзасохова. Знаю, он тяжело переживал, мучился, что не сумел предотвратить. Но по истечении времени его соратники, да и простые граждане Осетии понимают, что А. С. Дзасохов в той обстановке, как руководитель республики, сделал все, что мог.

В последние годы, работая в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, А. С. Дзасохов занимался международной деятельностью, активно продвигал внешнеполитические инициативы Российской Федерации на

мировой арене, неоднократно участвовал в работе ООН, возглавлял межпарламентские делегации.

Александр Сергеевич много сделал для укрепления традиционных уз дружбы между Кабардино-Балкарией и Северной Осетией, нашими народами. Среди кабардинцев и балкарцев у него много друзей. Добрые отношения он поддерживал с Тимборой Кубатиевичем Мальбаховым, Валерием Мухамедовичем Коковым. И, бывая в нашей республике, он не упускает случая, чтобы лично поклониться их могилам.

А. С. Дзасохов удостоен многих высоких наград СССР и России, иностранных государств, пользуется высоким авторитетом в стране, он доктор политических наук, профессор, академик ряда академий, в то же время остается простым, доступным и открытым человеком для друзей и знакомых. Александр Сергеевич, можно сказать, настоящий горский интеллигент, общение с ним доставляет истинное удовольствие.

Поздравляя Александра Сергеевича Дзасохова с 90-летним юбилеем, мы все, его друзья из Кабардино-Балкарии, желаем ему еще много лет жизни, здоровья и благоденствия.

«ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА...»

К юбилею Марии Котляровой

Есть люди, без которых вообразить литературную, культурную и всяческую другую общественную жизнь, если и не совсем невозможно, то крайне сложно уж точно. Именно к такой категории относится Мария Абрамовна Котлярова.

В феврале этого года Мария Абрамовна отметила 75-летие, и мы просто не можем отказать себе в удовольствии поговорить о ней, пользуясь таким торжественным и радостным поводом.

М. Котлярова является членом Союза писателей и Союза журналистов России, членом-корреспондентом Адыгской (черкесской) международной академии наук, почетным профессором Кабардино-Балкарского института бизнеса, членом Общественного совета по культуре при Главе Кабардино-Балкарской Республики, руководителем Кабардино-Балкарской общественной организации «Память в наследство», лауреатом премии комсомола Кабардино-Балкарии, Государственной премии Кабардино-Балкарской Республики в области литературы, отмечена высшей наградой Европейской академии искусств, знаком «За заслуги перед журналистским сообществом», званием «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

За всеми этими официальными формулировками стоят десятилетия кропотливого труда, порой захватывающего и вдохновляющего, а порой и неблагодарного, и большая взаимная любовь Кабардино-Балкарии и Марии Котляровой. Сколь бы возвышенно и пафосно ни звучали эти слова, в них нет ни грамма иронии или фальши.

Любой, кто хотя бы немного знаком с Марией Абрамовной, точно знает, что награды, титулы, регалии, материальные блага для нее никогда не были и не будут самоцелью. Можно с уверенностью сказать, что энтузиазм и подвижническая деятельность Котляровой никак не зависят от поощрений со стороны.

К издательской работе Мария Абрамовна пришла не сразу, но, очевидно, единожды попробовав себя на этой стезе, нашла свое предназначение. Во всяком случае, одно из.

Котлярова окончила историческое отделение историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета в 1973 году. После выпуска работала учителем в школе, затем – инструктором Нальчикского ГК ВЛКСМ; сотрудником Министерства культуры КБАССР. В разные годы

Котлярова была корреспондентом, обозревателем газет «Версия», «Советская молодежь», «Кабардино-Балкарская правда», редактором издательского центра «Эль-Фа». Можно сказать, что история издательства Котляровых началась в 1999 году. Именно тогда супруги открыли издательство, которое называлось «Полиграфсервис и Т». Привычное нам название – издательство В. и М. Котляровых – появилось спустя семь лет, в 2006 году.

Мария Абрамовна Котлярова в соавторстве с супругом Виктором Николаевичем Котляровым является автором более 60 написанных в жанре документальной прозы книг по истории, этнологии, орографии, краеведению. В поле ее зрения не только Кабардино-Балкария, но и весь Северный Кавказ. Общий тираж давным-давно перевалил за 3000 книг. По меркам времени, когда популярность печатного слова неуклонно падает, это невероятные цифры.

Художественно-документальные тексты, мемориальные исследования, различные путеводители, фотоальбомы и книги-путешествия вызывают неугасающий интерес и жителей КБР, и тех, кто давно переехал за пределы республики, и, что особенно приятно, туристов. Последние с удовольствием приобретают книги Котляровых и для себя, на память об отдыхе в Кабардино-Балкарии, и в качестве сувениров, чтобы потом раздаривать друзьям и родственникам.

Серии книг о Кавказе в целом и о Кабардино-Балкарии в частности, фотоальбомы, посвященные Нальчику, всей республике и отдельным ущельям, книги о мифологии, обычаях и традициях разных народов – это бесценные говорящие сами за себя свидетельства глубочайших исследовательских способностей, тонкого чувства времени, слова, духа разных народов Северного Кавказа и, конечно, безупречного вкуса. Ведь уровень визуальной составляющей, оформления, дизайна никогда не отстает от глубины содержания.

Отдельно хочется поговорить о переиздании книг классиков кабардинской и балкарской литературы и о книгах, посвященных местным деятелям культуры, которые регулярно выпускает издательство В. и М. Котляровых. Значение этой работы сложно переоценить. «Ты создал мир. И он велик: Книга о поэте Али Шогенцукове», «Я тот, кто будет...: Книга о ректоре Владимире Глостанове», «Ладони протяни к огню души моей...: Книга о художнике Мухадине Кишеве», «Адыги: сердца и судьбы», «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» – это лишь несколько примеров из множества. Прекрасным образцом работы именно в области переизданий стал недавно вышедший двухтомник Инны Кашежевой «Инна. Поэзия сердца». Издателям удалось собрать все стихи из прижизненных изданий поэтессы. Под обложками с двумя, пожалуй, самыми известными портретами Кашежевой находится

настоящий клад, ведь даже всемогущий и всезнающий, казалось бы, Интернет пасует перед попыткой отыскать тексты некоторых ранних стихотворений Инны Иналовны.

Если, условно говоря, краеведческие книги и переиздания пробуждают интерес и вызывают любовь к земле Кабардино-Балкарии, то книги о людях трогают до самой глубины души. Примером можно считать издания «Наташа. Струенье невещественного света» и «Нина. Вселенная в малом преломлении». Обе книги посвящены нашим незаурядным современницам. Наталья Анатольевна Смирнова, доктор филологических наук, профессор, прозаик, олицетворяла и всегда будет олицетворять образ идеального ученого-филолога, вводящего в трепет уровнем своих знаний преподавателя. Ее научные труды были сложны и изысканны в хитросплетении теорий, обобщений и выводов, ее художественная проза, напротив, – воздушно легка, кристально прозрачна. Прозу Смирнова писала под псевдонимом Наталья Полошевская. В главной героине книг, Тале, легко считывается юный, а затем и взрослеющий образ Натальи Анатольевны. Нальчик в этих книгах – почти такой же полноправный главный герой, как и литературное альтер эго автора. Нина Адамовна Шогенцукова – доктор филологических наук, профессор, член Ассоциации американистов российских вузов и Общества исследователей культуры Америки, автор множества научных трудов. Нина Адамовна представляла собой совершенно иной тип и исследователя, и вузовского преподавателя. В ней не было холодной отстраненности, только живая энергия, увлекающая за собой страсть к литературе – к чтению и изучению прочитанного под интеллектуальным микроскопом. Смирнова и Шогенцукова были своего рода полюсами кафедры зарубежной литературы филфака КБГУ, не противоборствующими, но дополняющими друг друга, тем самым ядром, которое притягивало к себе каждого студента. Надо сказать, этому литературоведческому магнетизму поддавались и студенты других факультетов. Обе они, и Смирнова, и Шогенцукова, были гораздо больше того, что любой из нас может о них сказать или попытаться осмыслить. С уходом обеих осиротели выпускники филфака, нальчане, вся республика. В книгах, посвященных им, чувствуется характер, чувствуется теплое отношение автора-составителя и очень верное понимание того, как говорить о человеке, об этих двух конкретных людях, правильно. В переводе на современный язык в них нет ни малейшей попытки хайпануть, только любовь и уважение.

Как уже говорилось выше, издательская и писательская деятельность – далеко не единственное занятие Марии Котляровой.

Напротяжении четырех созывов, а это целых десять лет, она состояла в Общественной палате КБР. Множество разных мероприятий было

проведено под ее руководством и при ее непосредственном участии. В этой связи нельзя не упомянуть конференцию «Память о войне и Победе», главной целью которой стало противодействие попыткам фальсификации истории. Организаторская работа впечатляющих масштабов, привлечение широкого круга участников разных возрастов, занятых в разных сферах, а также выпущенная Котляровой по итогам конференции одноименная книга, позволили достичь серьезных результатов. Отдельно следует отметить, что даже сама по себе книга «Память о войне и Победе», без учета огромной предварительной работы, – это незаменимое пособие для всех, кто занимается духовно-нравственным воспитанием молодежи, краеведением, организацией тематических поездок для школьников и студентов, а также для неравнодушных экскурсоводов и просто любого человека, интересующегося историей.

М. и В. Котляровы

В разные годы М. Котлярова принимала самое деятельное участие в блог-турах и просветительских выездах для республиканской молодежи, посвященных культуре и истории, в том числе военной, нашей республики. Эта деятельность является логической частью работы Кабардино-Балкарской республиканской общественной организации по краеведению «Память в наследство», которую возглавляет Котлярова. Кстати, именно по ее инициативе в Прохладном установлен памятный знак с надписью «Здесь находилась братская могила жертв лагеря советских военнопленных, который существовал на территории Прохладненского мелькомбината в период фашистской оккупации с 1 сентября 1942 г. по 4 января 1943 г.».

Именно Мария Котлярова стала инициатором организации культурного содружества между Общественной палатой КБР, Союзом писателей и школами Эльбрусского района, г. о. Баксан, г. о. Прохладный и прохладненской Художественной галереей. Содружество это существует не только на словах. Не раз были организованы поездки друг к другу с концертными программами, совместные посещения отдаленных сел, литературные вечера. Естественно, это напрямую способствует межкультурному обмену, знакомству школьников с национальной литературой и, что не менее важно, образованию прочных дружеских связей между представителями подрастающего поколения разных районов Кабардино-Балкарии. Представьте, участники программы вместе поднимались в аул Шыкы,

на родину Кязима Мечиева, участвовали в захоронении останков красноармейцев, найденных на склонах Эльбруса, в Терсколе, в митингах у братской могилы в Малке.

Постоянная работа Котляровой за пределами столицы КБР дает и другие плоды. Например, благодаря сотрудничеству с общественной благотворительной организацией «Аллея российской славы» перед школой имени Пушкина в Прохладном и библиотекой имени Пушкина в Майском появились бюсты великого поэта. Нальчик, впрочем, тоже не обойден вниманием. Так, Мария Абрамовна внесла немалый вклад в создание Аллеи поэзии в Атажукинском саду – при ее содействии установлены гранитные книги со стихами ряда поэтов, в том числе Керима Отарова, Адама Шогенцукова, Инны Кашежевой, Максима (Магомета) Геттуева и других прекрасных авторов.

Неравнодушие Марии Котляровой, ее по-хорошему неугомонный характер и охватывающая многие сферы жизни общества деятельность – это тот самый клей, на котором держится немалая часть хрупкой конструкции нашей культурной жизни.

Дарья Шомахова

Лейла и Меджнун, Ромео и Джульетта, Руслан и Людмила... Все это – создания гениев художественного слова. В реальной жизни крайне мало подобных им пар. Одной из них природа наделила Кабардино-Балкарию в лице Марии и Виктора Котляровых. По жизни оба объединены нерасторжимыми брачными узами. Они представляют собой своеобразное течение полноводной реки и одновременно сугубо индивидуальны.

Скажем сразу и прямо: Мария и Виктор – уникальное супружеское сотрудничество и без привязки к личным именам их отчества и фамилия переживут века.

Мария – многогранная творческая личность: писатель, публицист, издатель, руководитель, редактор, краевед, общественный деятель. Внешне она хрупкая и не очень броская, но внутренне – неумная энергия и принципиальность. Словом – «железная леди».

Гармоническое сочетание отмеченных свойств Марии ясно указывает на масштаб ее участия в общем с Виктором благородном издательском процессе, а он впечатляет – более 3000 книг за 20 лет! И все это об одном из живописных уголков Кавказа – Кабардино-Балкарии. А Кавказ – не периферия Российской Федерации. Еще крупнейший русский историк В. О. Ключевский дал точное определение национальным окраинам: «В России центр на периферии». В условиях современных информационных технологий исчезло понятие провинция. События в Антарктиде через минуту сообщаются Арктике.

Издательство Котляровых в информационном пространстве страны признано одним из важных центров. При всем этом издательство не финансируется государством и не имеет спонсоров. В публикациях по этому поводу замечено: «За более чем 20 лет из бюджета республики не выделено ни копейки».

В этой связи на одной из презентаций книг обыкновенно эмоционально сдержанная Мария с какой-то грустью сказала: «Я хожу с протянутой рукой». Тут же последовало возражение: «Не с протянутой, а благотворительной рукой».

В нынешних постсоветских условиях, когда почти все авторы действительно ходят с протянутой рукой, Мария-Тереза (прочь ложную скромность!) в ущерб своему нравственному принципу старается изыскивать средства для издания их рукописей. Кроме того, она занимается поиском талантливых переводчиков текстов зарубежных писателей и поэтов с русского языка на кабардинский и балкарский языки.

Заглавие книги – ее визитная карточка. Будучи талантливыми редакторами (тяжкий труд!) Мария и Виктор своим изданиям умеют подбирать захватывающие и содержательные заглавия. Вот некоторые из них: «Таинственная», «Неизвестная», «Загадочная», «Увлекательная», «Удивительная», «Неповторимая», «Мистическая»... Это все о нашей Кабардино-Балкарии. Но можно сказать, что каждое определение оттеняет отдельную черточку самой Марии.

Не удержусь лишь от одного эпитета: «Неисчерпаемая». Чрезвычайно плотный график Марии дает основание сказать, что она порой переходит границу человечески возможного и вступает в мир мистического. В этой непредсказуемой и туманной сфере бытия Мария, несмотря на внешнюю лояльность и прозрачность, похоже, во многом остается непроницаемой натурой и для круга знакомых.

Известные представители различных сфер науки разных наций единодушно дают высокую оценку творческому пути Марии. В подтверждение абсолютной справедливости лестных отзывов, а также в их определенное развитие, процитируем один пассаж из текста Марии, опубликованного в книге «Балкария: боль и гордость», посвященной Кязиму Мечиеву: «Как величие начинается с обряда, так и все в человеческой жизни определяется любовью, настолько возвышенной и обыкновенной, что служит движущей силой развития более высоких способностей человека, нежели даже интеллект».

Цитата представляет собой во многом концентрированное выражение сущности Марии. Познание человеком себя и закономерностей объективно существующего мира у автора основано на том, что интеллект отодвигается на второй план, а любовь, как говорится, играет первую скрипку.

Существуют различные, порой диаметрально противоположные точки зрения в мировоззренческих вопросах. На наш взгляд, все они равнозначны, поскольку рождаются не на пустом месте, а являются достоянием всего человечества. Позиция Марии ценна тем, что проникнута гуманистическим идеалом, а это превыше всего во взаимоотношениях людей.

В качестве директора издательства М. и В. Котляровых она выезжает в столицу РФ и соседние административные регионы, решая вопросы, связанные с книгоиздательским делом. Знакомит прибывших в республику туристов с достопримечательностями нашего края и его историей. Организует и проводит многочисленные мероприятия по памятным и юбилейным датам.

Еще одна весьма важная сторона морального облика Марии заслуживает особого внимания. Она отличается исключительной верностью памяти ушедших из жизни ее товарищей. Навещает постельных больных, их родственников; оказывает им посильную медицинскую помощь, следит за ними, даже когда ей самой нелегко.

Деятельность Марии получила федеральное и общественное признание: она удостоена звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», лауреат премии Ленинского комсомола Кабардино-Балкарии, Государственной премии Кабардино-Балкарской Республики в области литературы. В коллекции ее признаний высшая награда Европейской академии искусств (Брюссель), знак «За заслуги перед журналистским сообществом»; администрацией города Нальчика названа «Женщиной года».

Мария в быту – примерная хозяйка: заботливая жена, чуткая мама, общительная свекровь, любимая бабушка. В день замечательного юбилея желаем Марии Котляровой, чтобы ей было предопределено пожизненное личное и семейное счастье, а также нарастающее творческое долголетие на благо межнациональной культуры, видным подвижником которой она является в динамичном единстве с Виктором.

Сафарби Бейтуганов

С четой Котляровых, Марией Абрамовной и Виктором Николаевичем, я знаком почти сорок лет, если не больше. У меня с ними изначально сложились теплые доверительные отношения. Для меня они давно просто Мария и Виктор. И, несмотря на это, до сих пор я с трудом преодолеваю барьер между обращением к Марии на «вы» и на «ты». Вроде бы в общении она человек открытый и мягкий,

обладающий редкой способностью легко находить резонанс с любым собеседником. Но за ее внешней простотой скрыта широчайшая эрудиция в сочетании с богатым жизненным опытом. В ней поразительным образом сочетаются

два взаимоисключающих качества: первое – это внешне легковерная простота человека комсомольского возраста и пионерского воспитания, второе же – умение разбираться в самых сложных вопросах, способность решать такие непростые задачи, которые преподносит нам многообразная и никогда не повторяющаяся жизнь. Я, человек, много занимающийся фольклором, хорошо знаю тип сказочных и легендарных персонажей, кажущихся поначалу наивными простаками. Им несвойственно ни лукавить, ни демонстрировать свое превосходство, ни отступаться от своего истинного предназначения из-за возникающих трудностей, которые всякий благоразумный человек обойдет стороной, но ни в коем случае не станет, сломя голову, штурмовать ветряные мельницы. Однако именно такие персонажи и оказываются героями и сказок, и легенд, и величальных песен. Именно за ними правда, а поэтому только они и достойны наших симпатий и победы в конфликте добра со злом. Знание всего этого и побуждает меня обращаться с Марией Абрамовной на «вы», несмотря на многолетние дружеские отношения.

Романтики считают, что по-настоящему влюбленные не могут жить одной семьей, так как, согласно их представлениям, высокие чувства и семейная обыденность с кофейниками, кастрюлями и сковородками просто несовместимы. Поэтому есть своя логика в трагических судьбах Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, Лейлы и Меджуна и других любимых нами поистине поэтических образов. Правда, будь у них благополучная, устроенная семейная жизнь, не было бы тех сюжетов мировой классики, которыми мы восторгаемся.

Но это все же в мире художественных условностей. Мария и Виктор, к нашему удовольствию, живут в реальном мире, рядом с нами, и своим присутствием они облагораживают нашу реальность. Они решительно опровергают красивую романтическую установку, которая трогает нас только как явление искусства и заставляет сопереживать драматическим коллизиям. Наши герои своим примером демонстрируют не менее прекрасный образец – и тем, что сохраняют в

первозданной чистоте свои отношения, возникшие друг к другу еще в ранней молодости, и тем, что составляют такую пару, которая поистине является единым целым. Эта пара, как думается, была изначально создана именно друг для друга, и как же здорово, что они друг друга нашли!

В одной адыгской народной лирической песне есть такие слова: «Мир украшается двумя влюбленными, справляющими свадьбу». Можно бы добавить, что украшается не только справляющими свадьбу, но и живущими счастливой единой семьей. И вправду, вот такие не увядающие на фоне кастрюль и сковородок отношения украшают наш мир, превращают обыденность в праздник. Творец, который не делает по своему хотению всех людей поголовно счастливыми, время от времени, гораздо реже, чем хотелось бы, выделяет в нашей суетной жизни такие пары, как Мария и Виктор, чтобы все остальные увидели, какими должны быть человеческие отношения в человеческом обществе, и чтобы сами стремились быть такими же.

Это важно не только в масштабах семьи. Ведь не зря мудрые философы называют семью ячейкой общества: она составная часть всего человеческого сообщества, и там, где в ней что-то не в порядке, не будет благополучия и во всем окружении. Достоинно внимания, какую светлую ауру несут в наше общество эти два скромных, непритязательных человека, как много для нашего общего духовного здоровья значит их повседневная кропотливая работа, нацеленная на поступательное облагораживание нашего бытия, насколько важно для нас всех их бытие.

Таких, как Мария и как ее верный спутник Виктор, никогда не бывает много. Но, к нашей радости, они есть, и от этого и их окружение становится немного лучше, жизнь становится интереснее, все мы – немного духовно чище и благороднее. Спасибо им за это!

Адам Гуттов

...С Машей мы три года учились на историческом факультете университета. Говорить о ней могу только в превосходной степени. Это связано с памятью о времени нашего студенчества, когда Маша, невероятно популярная в интеллектуальной среде, блистала широчайшей эрудицией на различных дискуссионных площадках университета. Своим удивительным светлым характером, своей неподдельной искренностью и открытостью, умением расположить к себе аудиторию она заслужила всеобщее уважение и любовь преподавателей и студентов.

Сказать, что все эти годы мы были столь же близки, как сейчас, не могу, но всегда общались, поддерживали добрые отношения; я был в курсе того, чем занимаются Котляровы. Родившиеся в Нальчике, живущие среди нас, они своими великолепными книгами прославили республику на всю страну. Не будет преувеличением сказать, что сегодня россияне знакомятся с Кабардино-Балкарией, ее достопримечательностями, знаковыми личностями как по трудам самих Котляровых, так и книгам, выпущенным в их издательстве.

Знаю, как напряженно, с душевным трепетом и волнением работали они над книгой «Балкария: боль и гордость», посвященной жизни и творчеству Кязима Мечиева. Мой интерес к этой книге носил и личный характер, ведь моя мама, в девичестве Башлоева, в родстве с Мечиевыми. Самое интересное, что это исследование Котляровым никто не заказывал, не спонсировал его, это был порыв их души, их желание отдать должное балкарскому пророку. Книгу они выпустили на собственные средства. Книгу, которая читается на одном дыхании, а строки, написанные Марией, пронизаны такой глубиной и искренностью, что создается ощущение не только духовного, но и кровного родства автора с поэтом. Впечатление, будто пишет внучка, боготворящая своего любимого дедушку.

К этому же времени относится работа по возвращению из небытия великолепного произведения Константина Чхеидзе «Страна Прометея», как мне кажется, любимого детища Котляровых. Я был свидетелем того, каких усилий им это стоило. В итоге Мария и Виктор были счастливы, получив огромное моральное удовлетворение, а читатель, к сожалению, немногочисленный, великолепное произведение великого писателя, влюбленного в нашу родину Кабардино-Балкарию – «Страну Прометея».

...Возвышенность и проникновенность являются сутью характера супружеской четы, их души. Человеческая сущность Котляровых пребывает в любви – в любви к республике, родному Нальчику, живущим здесь людям.

Именно эта любовь является источником их вдохновения. По совокупности содеянного во имя общественного блага, что, на мой взгляд, является главным критерием оценки деятельности любой личности, Мария и Виктор могут составить конкуренцию всем в нашей республике, а по большому счету – всем гуманитарным учреждениям ЮФО вместе взятым.

В одной из своих статей (предисловии к книге «Исход горских евреев: разрушение гармонии миров») Мария написала: «Люди должны жить друг для друга – в этом смысл существования человечества».

Владимир Гузов

Искренне поздравляя Марию Котлярову с замечательным юбилеем, хочу особо подчеркнуть, что имена Марии и Виктора всегда, везде и во всём – единовременно неразделимы...

В разные времена (а их, как известно, не выбирают) творческое и издательское кредо Марии и Виктора Котляровых оставалось неизменным – это незабываемый ориентир на непреходящие эстетические ценности и единство народов Северного Кавказа.

Мария и Виктор, оставив в стороне напрашивающуюся карьерную перспективу, посвятили себя идее самозабвенного служения становлению новой общероссийской культурной политики в условиях современной противоречивой глобализации. При этом «Издательство Марии и Виктора Котляровых» всегда органично сочетало и сочетает в своей работе внутреннюю убеждённость и свободное от конъюнктурных соображений следование исконным общечеловеческим духовно-культурным основам. И непростая сегодня этнополитическая ситуация в нашей стране только подтверждает этот нравственный выбор, безусловно также оправдывающий высокую награду «За заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой». Сегодня уже трудно не заметить бесспорно-вневременную значимость деятельности Марии и Виктора Котляровых, но невозможно представить себе суть, скрывающуюся для многих за этим подвижничеством. Да, удивительно, но такую необозримую для нас работу выполняют не сто человек, а только двое...

Поистине, настоящая духовность проявляется не в силе количества, а в правде служения культуре – будущему человечества.

Юрий Тхагазитов

ДОСТОЙНЫЙ СВОИХ КУМИРОВ

Исполнилось 70 лет кандидату исторических наук, лауреату государственных премий Кабардино-Балкарии, заслуженному журналисту КБР, члену Союза писателей и Союза журналистов России Владимиру Жантемировичу Кудаеву.

По его словам, это тот рубеж, когда человек оглядывается на пройденный путь и подводит итоги – ради чего жил, кому обязан своим становлением тем, кем стал и чего добился.

«Все мы, в первую очередь, выходцы из своих семей, которые происходят из более универсальной – национальной семьи, воспитывающей этнос в рамках тех непреложных законов и установленных правил, формирующих лицо нации с присущими ей морально-нравственными чертами и особенностями.

Если говорить о тех, кто определял моё становление, то, разумеется, в первую очередь, это отец, Жантемир Шупагевич Кудаев, и его брат Хасан, мать Хидамаз (в девичестве Емузова) и бабушка (мать отца) Зариля (урождённая Кожаева), которая была ближе всех к детям, так как родители целый день от зари до заката трудились в колхозе.

В семье росло семеро детей. У меня два брата и четыре сестры, и среди братьев я был старший, поэтому мог командовать младшими, но, тем не менее, никогда не заставлял их что-то делать, не став рядом.

Этого всегда требовал отец, говоря, что командир – не тот, кто отдаёт приказы и распоряжения, а тот, кто может научить и делает это вместе со всеми, но быстрее и лучше всех.

Мать была образцом трудолюбия, после полевых работ в колхозе ей ещё нужно было накормить семью, навести порядок в доме, успеть по хозяйству, позаботиться о домашнем скоте, курах, гусях. И пока дети не подросли, всё это она делала одна.

Своё отношение к нам она выражала не столько словами, сколько неустанной заботой и чутким вниманием ко всем нашим нуждам и потребностям. Никогда не забуду тот тёплый свет, который струился из её глаз, когда она на нас смотрела. Это особый свет, излучаемый любящей душой, способный передавать любовь без всяких слов», – говорит Владимир Жантемирович.

О своей бабушке он вспоминает с большой нежностью и говорит, что она была самым дорогим человеком для каждого члена их большой семьи.

В. Ж. Кудаев

К ней младшие дети бежали за утешением, восстановлением справедливости, она была арбитром во всех их спорах и самой надёжной опорой для матери.

Именно от неё он узнал, что старший брат отца Мухамед Кудавев не вернулся с войны и считался без вести пропавшим.

Не было дня, вспоминает Кудавев, чтобы она не молила Аллаха дать о нём хоть малую весточку. Просила вернуть его живым, а если он пал в бою, то вернуть его тело, чтобы похоронить в родной земле.

В мае 2015 года, ровно через 70 лет после окончания войны, рассказывал Кудавев, нам позвонили из Москвы и сообщили, что один поисковый отряд Смоленской области обнаружил останки Мухамеда Кудавева, которые идентифицировали благодаря бирке, которую выдавали солдатам и на которой были выбиты его биометрические данные.

Рассказывая об этой поездке, Владимир говорил, что одно дело читать книги или смотреть фильмы про ужасы войны, а совсем другое увидеть этот ужас своими глазами. «Останки солдат, которые извлекли из окопов, где они пролежали все эти годы, были собраны в одну большую кучу. Целая гора костей. Это жуткое зрелище звериного оскала войны. Оно остаётся в памяти навечно и тот, кто такое видел, станет всеми силами защищать мир, как высшую ценность жизни. Я заметил, как сразу посерьезнели лица моего сына и племянника, когда лицом к лицу соприкоснулись с последствием войны».

Говорили, рассказывал Кудавев, что бирки сохранились только у двоих мусульман (кроме Мухамеда она была ещё у одного татарина), которым религия запрещала верить в приметы, дескать жетон притянет смерть, из-за чего другие от них избавлялись. Так что, выходит, что по большому счёту весть о Мухамеде все же принёс нам Аллах, откликнувшийся на мольбы нашей бабушки.

Вместе с сыном и племянником мы привезли его на родину, где со всеми воинскими почестями перезахоронили в родном селе. Думаю, что тогда успокоились сразу две души – солдата Великой Отечественной и его матери.

Владимир Кудавев родился в Терском районе в селении Нижний Курп. В 1970 году окончил среднюю школу и поступил на кабардино-русское отделение историко-филологического факультета КБГУ, которое успешно окончил в 1975 году.

Учился он отлично, был в самой гуще студенческой жизни. Тогда в полную силу проявился его интерес к общественной работе, он стал активистом комсомольской организации, несколько лет возглавлял штаб университетского «Комсомольского прожектора», который освещал острые проблемы, обычно связанные с успеваемостью и посещаемостью, и указывал пути их разрешения.

Много лет спустя, когда Владимир Кудавев станет известным

и уважаемым журналистом газеты Правительства и Парламента республики «Кабардино-Балкарская правда», он вспомнит эти годы как время зарождения серьёзного интереса к общественно-политической деятельности, который predetermined направление его устремлений. Было время серьезных перемен, люди свято верили печатному слову, и это стимулировало на активную журналистскую деятельность.

Сразу после окончания университета его пригласили на работу в Терский райком ВЛКСМ. Начав трудовую биографию на ответственной комсомольской работе в Терском районе, он с молодых лет зарекомендовал себя энергичным, деятельным, обязательным и преданным порученному делу человеком.

Эти качества способствовали успешному продвижению по карьерной лестнице, его выдвигали на различные ответственные должности: в райкоме комсомола он быстро прошел все ступени карьерного роста до второго секретаря райкома комсомола, работал ответственным секретарём Терской районной организации общества «Знание».

В 1980 году он перешёл на работу в республиканскую газету «Ленин гъуэгъ», где проработал шесть лет. Затем Владимир был приглашен в аппарат Президиума Верховного Совета КБАССР, где три года работал инструктором организационного отдела, что позволило ему лучше познать стиль и методы руководства отдельных личностей республики.

Позже эти знания пригодились ему при написании книг о Тимборе Мальбахове и Валерии Мухамедовиче Кокове (пока это единственная книга о первом Президенте Кабардино-Балкарии, и её автор за эту книгу стал лауреатом Государственной премии КБР в области литературы и искусства 2022 года), эти же знания помогли ему в написании книг «Гордость республики» и «Своя строка в историю» о заслуженных людях республики.

В 1989 году он снова возвращается в журналистику. На этот раз в редакцию газеты «Кабардино-Балкарская правда» в качестве заведующего отделом политики. Говоря о своём восприятии времени, Владимир Кудяев признаётся, что не ощущает груза прожитых лет и точно знает, от чего это зависит.

Утверждает, что если постоянно не погружаться в воспоминания о былом и жить в ногу со временем, то творческий потенциал (который, кстати, не всегда проявлен), обязательно даст о себе знать в появлении новых замыслов, в рождении новых идей, когда сами собой будут строиться новые планы, и если это произойдёт, тогда же появляются и свежие силы для их реализации.

«Всегда считал, что жизнь – это река, которая, пройдя половину своего пути и направляясь к устью, естественным образом замедляется, но не так давно сделал для себя открытие – можно искусственным путём создавать такие условия, при которых река становится быстрой на любом участке своего течения, для этого человеку нужно поставить

новую цель, которая, кстати, не придумывается, а как бы прорастает, как росток из земли, где уже давно зрело семя, нуждающееся в выходе на белый свет.

Собственно, так, уже выйдя на пенсию, я написал несколько книг, которые сделали мою жизнь предельно насыщенной и интересной.

Пока писал и работал над ними, я был счастлив не меньше, чем в молодые годы, когда работал в газете и в каждый номер сдавал очередной резонансный материал, точно зная, что смогу повлиять на текущий момент, которой в тот перестроечный период стремился выйти из берегов».

Из этих слов Владимира Кудаева выходило, что молодым и счастливым человек остаётся, когда востребованы его способности, таланты и силы, которые, сами собой пополняются в момент свершения начинаний.

Но прилив сил, по словам Кудаева, обеспечивается только в том случае, если дело, которым занят, нужно не только самому, но в равной степени и обществу в целом.

Ещё нужно, чтобы оно обязательно было востребовано временем.

Тогда авторский труд принимает ту самую форму и наполняется тем самым содержанием, на которое каждый член общества обязательно откликается.

Владимир считает, что в жизни каждого человека есть люди, которые способны влиять на судьбу, определяя вектор её движения. Обычно это те, кем восхищаются, кто стоит на недосыгаемой высоте, до которой не дотянутся и обладающие общепризнанным авторитетом.

С восхищением и благодарностью судьбе за то, что в своё время с ним его свела, Владимир вспоминал, как после окончания университета познакомился и близко общался с живой легендой Черимом Кудаемым. Он сам, как и всё, что рассказывал, – было живой историей Кабардино-Балкарии периода становления автономии, военного и послевоенного периода. Черим Кудайев, вспоминал Владимир, обладал феноменальной памятью, помнил не только повестки съездов и пленумов партии, но и отдельные выступления, он имел острый аналитический ум, и его оценки стиля партийного руководства тех лет не имели полутонов.

«Но у него даже за самой острой критикой в отношении курса партии или каких-то конкретных личностей всегда стояла твердая вера в непогрешимость коммунистической идеи и преданность коммунистическим идеалам. Именно благодаря этому человеку, у меня возник интерес к политике, которую в то время я считал самой высокой ступенью самореализации».

В его жизни такую роль сыграли три знаменитых человека – кабардинский прозаик, народный писатель Кабардино-Балкарии, преподаватель КБГУ Ахмедхан Налоев, легендарный комиссар объединённого партизанского отряда Кабардино-Балкарии Черим Кудайев и первый Президент КБР Валерий Коков.

Знакомство с Ахмедханом Налоевым, рассказывал Кудаев, произошло в юношеские годы – он был преподавателем в КБГУ, где Владимир учился на отделении кабардинского языка и литературы.

«Своим жизненным опытом, вдумчивостью и умением анализировать явления и факты Налоев мог сходу завоёвывать любую серьёзную аудиторию и уж тем более студенческую, в которой увлечённость не нужно пробуждать и извлекать из глубины души, она кипела на поверхности. Молодёжь только и ждёт куда бы направить свои силы и живо откликается на призывы к высоким целям. Он настолько любил и знал эту жизнь, защищал эту жизнь на войне, образом жизни был образцом мужчины-горца, вел себя настолько независимо, что мгновенно становился кумиром для студентов всех поколений.

Все мы хотели быть как он, говорить, как он, заниматься его делом – изучать фольклор, национальные традиции, попробовать свои силы в писательском труде.

Но лично для меня он был образцом истинного горца – с красивым одухотворённым лицом, высокий и статный, очень мужественный, харизматичный, со свободолобивым нравом, разговаривающий с любым представителем власти на равных, не способный заискивать, искать какую-то личную выгоду в той деятельности, которой занимался. Благодаря ему я глубоко проникся адыгскими традициями и обычаями. Именно он заронил во мне интерес к кабардинским пословицам и поговоркам, которые я всю жизнь собирал, накопив более шести тысяч.

Именно работа по их систематизации и творческому осмыслению сделала мою жизнь после выхода на пенсию наполненной яркими красками и глубоким смыслом, благодаря которой я не знал пенсионной скуки», – признавался Кудаев.

По его словам, нет ни одного мужчины, добившегося в жизни чего-то стоящего, чтобы за его спиной не стояла преданная и верная женщина, которая на протяжении всей жизни и при любых обстоятельствах как лучший друг всегда занимала его сторону, делая дом желанным местом, где всегда тебя ждут мир, покой, душевное тепло и понимание, где твои родные и друзья чувствуют себя членом семьи.

Он благодарен за это своей жене Екатерине (в девичестве Балкарова), с которой вместе они прожили 45 лет вплоть до её смерти от болезней в 2022 году.

По профессии она была врачом-терапевтом, работала заместителем главного врача Нальчикской поликлиники № 4, после ухода на пенсию занимала должность заведующей отделением Нальчикской городской поликлиники № 2.

Терапевтом, говорит Владимир, она была по жизни в отношениях со всеми людьми – с детьми (их у нас двое – Эльдар, бизнесмен, и младшая,

Залина, которая преподаёт «Государственное право» в государственном колледже в Самаре), родными, соседями, всем её окружением и даже случайными знакомыми.

Семейная жизнь, – говорит Владимир, – обладает особым теплом и звонкой радостью, которую несут с собой внуки, их у меня пятеро».

В свое время судьба с головой погрузила Кудаяев в политическую борьбу, где он проявил незаурядный талант, смелость и безоглядную преданность делу, которому служил.

С 1989 по 1992 год Владимир Кудаяев работал заведующим идеологическим отделом газеты «Кабардино-Балкарская правда». По его словам, тогда практически в каждом номере ежедневно шло по два-три наиострейших резонансных материала на злобу дня. Тираж газеты достигал 78 тысяч.

В коллективе работали сильнейшие журналисты – Игорь Терехов, Милослав Битоков, Татьяна Симахова, Ирина Мезова, возглавлял газету Евгений Зайцев, ранее работавший в органе ЦК КПСС газете «Правда».

Это были годы острейшей политической борьбы между сторонниками будущего строя и советской власти. Республика почти полностью была политизирована и практически всё взрослое население имело своё представление о том, какой должна быть новая жизнь.

В обществе бушевали штормовые страсти, связанные с идеей раздела Кабардино-Балкарии по национальному признаку. Все лучшие журналистские силы были брошены на идеологический фронт, в самое пекло противостояния сторонников сохранения единства республики и их противников, делающих всё, чтобы состоялся её раздел.

Каждая опубликованная в «КБП» репортёрская работа отражала все крайности этого противостояния, и они рассматривались населением череззупу. В аналитических выступлениях, рассказывал Кудаяев, которых тоже было великое множество, мы призывали людей опомниться, не губить вековую дружбу между двумя братскими народами, воспетую народными поэтами.

Во избежание кровопролития публиковались выступления авторитетных учёных, видных общественных деятелей, преданных миру и единству республики.

Владимир признаётся, что несмотря на всё это беспокойство и сильные волнения он никогда в своей жизни не был так счастлив, как во время работы в «Кабардино-Балкарской правде».

Он говорит, что дело даже не в том, что журналистика в тот период была влиятельной – ни одна публикация не оставалась без внимания общественности и ответного резонанса.

Журналистов знали в лицо, их цитировали, приглашали на собрания, на все серьёзные форумы, митинги, демонстрации. Но главное, говорит Кудаяев, мы тогда были творцами истории. Тогда

я открыл для себя непреложный закон, безусловно действующий в информационном поле, который могу сформулировать следующим образом: слово, за которым стоит правда, и искренняя вера в то, к чему призывают, многократно сильнее самых высоких слов, лишённых убеждённости в их справедливости. И власть авторитета, власть твоей убедительности, всегда выше любой иной власти.

Благодаря своей твёрдой и искренней вере в необходимость сохранения единства Кабардино-Балкарии победа на выборах Президента республики Валерия Кокова была неизбежной, так как во всех его выступлениях сквозила эта сила убеждённости, благодаря которой его слова шли напрямик в душу народа, говорит В. Кудав.

Владимир находился в самой гуще судьбоносных событий, своими публикациями он способствовал нормализации политической ситуации.

Давая оценку эффективности работы СМИ в тот период, известный писатель и критик Хачим Кауфов в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» отмечал, что «статьи Владимира Кудав не только способствовали, но и определяли судьбу мира и спокойствия на древней земле Кабардино-Балкарии».

О популярности журналиста Кудав и его востребованности в обществе говорит и тот факт, что в 1990 году на альтернативной основе он был избран депутатом Нальчикского городского совета.

После избрания первого Президента республики Валерия Кокова, В. Кудав был приглашен на работу в структуру власти и занял должность руководителя пресс-службы Президента и Правительства КБР, одновременно являясь пресс-секретарём Президента КБР.

Цели и задачи новой структурной единицы исполнительной власти и регламент её взаимодействия с общественными институтами формировались, так сказать, прямо на марше, рассказывал Кудав. Чтобы не упускать контроль над стремительно разворачивающимися событиями и шагать в ногу со временем, нам приходилось постоянно быть в курсе всего происходящего и одновременно мгновенно вырабатывать тактику функционирования службы.

В то время не было никаких готовых методических рекомендаций, обучающих курсов с отработанными правилами взаимодействия пресс-служб с различными общественными и политическими партиями и движениями, всё делалось наощупь и по большей части интуитивно.

Основным ориентиром для выработки линии поведения службы была воля самого Президента Валерия Кокова, который делал ставку на открытость, доступность и близость к народу. Многие помнят его ежемесячные пресс-конференции, по результатам которых население прямо из первых рук получало всю необходимую информацию.

Эта стратегическая политика взаимодействия новой структуры оказалась эффективной и способствующей стабилизации в обществе.

Все желающие высказаться, задать президенту вопросы по всему спектру хозяйственных и политико-экономических проблем такую возможность неизменно получали. При этом, замечает В. Кудяев, то, что именовалось службой, на самом деле состояло всего из двух человек – руководителя и его помощника, но, тем не менее, мы вполне справлялись со своими функциями: налаживали контакты со всеми СМИ (в том числе и с оппозиционными), делали репортажи с каждой встречи президента, готовили сообщения с заседаний правительства, а также занимались организацией пресс-конференций.

Эти обязанности Владимир исполнял на протяжении всего периода правления Валерия Кокова. Кудяев отмечает, что Валерий Коков в корне изменил его представление о том, каким должен быть Глава республики.

К простым людям, кто обращался к нему с различными просьбами, он проявлял самое искреннее участие и неизменное уважение. Когда они заходили к нему в кабинет, он вставал и шёл к ним навстречу, всегда всех провожал до порога. До мелких деталей помнил о своих обещаниях и всегда держал своё слово.

Полное отсутствие спеси, чванливости, чувства собственного превосходства в общении с подчинёнными и всем его окружением – в этом была сила духа этого человека.

Уважение, сердечность, сочувствие и простота в общении с людьми – в этом была широта души Валерия Кокова. Это было то наследство, которое он получил от своих родителей.

Убеждён, что именно эти качества личности Валерия Кокова вкупе с его умением анализировать, делать выводы и видеть перспективу, обеспечивали ему поддержку подавляющего большинства народонаселения Кабардино-Балкарии, говорит В. Кудяев.

После руководства пресс-службой Кудяев занимал и другие немаловажные должности. Был заместителем министра печати и информации, советником второго Президента КБР, директором Республиканского полиграфкомбината. С должности помощника председателя Правительства КБР Владимир Кудяев ушел на заслуженный отдых.

В 1999 году он защитил диссертацию на соискание научной степени кандидата исторических наук, в которой исследовал вопросы, связанные с демократизацией общества в постсоветский период. Позже его монография, дополненная осмыслением опыта работы в органах власти, получила высокую оценку – он стал лауреатом Государственной премии КБР в области науки и техники в 2002 году.

Есть и другие оценки его заслуг: он – заслуженный журналист республики, награждён Почётными грамотами Совета Федерации РФ, Парламента и Правительства КБР, многих общественных и правительственных организаций.

Он – член Союза писателей и Союза журналистов России.

На пенсии Кудавев занимался общественной работой.

Он много лет был членом Избирательной комиссии КБР с правом решающего голоса и одновременно председателем комиссии по культуре и средствам массовой информации Общественной палаты КБР. Никогда не прекращал и свою творческую деятельность.

Всегда живо и заинтересованно откликается на все общественно значимые события в жизни республики, ведёт собственные блог.

Его оценки текущего момента всегда точны и важны в той степени, что именно текущий момент наиболее трудно определить и увидеть в нём некие закономерности, способные развиваться как в позитивном направлении, так и, напротив, в негативном.

Не так давно увидела свет его книга «Адыгские традиции и современность».

Не успев выйти, она стала востребованной. Её оценки в прессе и авторами в социальных сетях свидетельствуют о том, что проект удался, книга оказалась нужной всем, особенно молодёжи. Автор утверждает, что в наши дни мало найдётся людей, кто не знает, что такое Хабзэ.

Это знание сохранилось не только благодаря устному народному творчеству и способности адыгов бережно передавать его из поколения в поколение, сохраняя свой неписаный свод законов (пока не было письменности), но и ценить каждое положение этих правил.

Древние обычаи, традиции и обряды адыгов можно изучить по книгам и публикациям зарубежных и российских путешественников, посещавших Кавказ в разное время, эта информация имеется и в трудах адыгских просветителей.

Законы Хабзэ хорошо изучены и подробно описаны в книгах многих адыгов, включая тех, кто проживает за рубежом, но самый весомый вклад в изучение и формирование целостной картины о Хабзэ внесли адыгские учёные Сараби Мафедзев и Барасби Бгажноков.

Объясняя причины, побудившие взяться за данный труд, автор пишет: «Изучая имеющуюся литературу по обычаям, традициям и обрядам, мы с удивлением обнаружили, что вся она посвящена тому, какими они были в прошлом и далёком прошлом, но абсолютно нигде не рассказано, какими они должны быть в настоящее время.

Нации нужно иметь чётко продуманный план сохранения этих духовных ценностей».

Не претендуя на научность и какие-либо открытия, автор решил, по мере возможности, закрыть имеющуюся брешь и изложить в данной книге адыгские обычаи, традиции и обряды в том виде, в каком они дошли до наших дней, и написать о том, каким образом они должны исполняться сегодня. Одна из глав его книги так и называется «43 способа проявить уважение к родителям». И он по порядку их перечисляет: «В

их присутствии отложите в сторону свой телефон; делитесь с ними только хорошими новостями; не тащите с собой из прошлого плохие воспоминания, если они повторяются, слушайте так, как будто слышите впервые; не критикуйте их мнение; не перебивайте, когда они говорят; избегайте выглядеть уставшими или заскучавшими в их присутствии; если вы далеко от родителей, не жалейте нескольких минут в день, чтобы пожелать им доброго утра и спокойной ночи; если они рядом, обнимайте их чаще, просто возьмите за руки и погладьте их. Нужно потакать капризам пожилых людей, сыновья отцов уважительно обнимают, а мать обнимают и целуют, от этих ласк родители получают силы...»

Автор, по сути, ненавязчиво учит читателей любить, но даже если в их сердцах нет такой любви, почитать и преклоняться перед теми, кто дал жизнь, следуя предписанным 43-м способам проявления уважения к родителям современный потомок адыгов хотя бы формально останется в рамках общенационального нравственно-этического закона.

Точно так же, по пунктам, автор книги «Адыгские традиции и современность» расписал более полусотни принципов взаимоотношения со старшими: при встрече со старшими первыми приветственное слово должен сказать младший; младшему не разрешается первым протягивать руку для рукопожатия, это делает старший, если сочтёт нужным; про старшего не говорят, что он является братом. На такой вопрос младший должен ответить «я его брат»; старшего не окликают, если он идёт, и только поравнявшись, задают свой вопрос. У адыгов не принято прилюдно поправлять старших, даже если они допустили какую-то неточность или ошиблись. При старших и при женщинах настоящий адыг должен стойчески переносить любую боль и никогда не показывать свою слабость; не принято громко жаловаться и причитать.

После каждого приведённого автором нравоучения, он приводит высказывания тех, кто смотрел на этот народ и его обычаи глазами гостей-путешественников, наблюдателей со стороны.

Кудаев приводит слова немецкого учёного 19 века К. Коха, который говорил: «В то время как у нас, к сожалению, государство очень редко берет под защиту стариков, а они полностью зависят от молодого поколения, у черкесов старики пользуются всеобщим почтением. Тот, кто оскорбил старика или пожилую женщину, подвергается не только всеобщему презрению, но его поступок осуждается народным собранием, и он несёт за это кару в зависимости от величины проступка».

Владимир Кудаев приводит и наблюдение офицера русской армии Ф. Торнау, два года находившегося в плену кабардинцев, который писал: «Лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кратко и почтительно отвечать на его вопросы.

Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключён из этого правила».

Говоря о необходимости возврата к требованиям Хабзэ, Кудавев отмечает приметы нынешнего времени, где обычаи или полностью забыты, или вытеснены прагматичностью и нехваткой времени на церемонии, или же до неузнаваемости искажены.

И автор не просто обеспокоен этим положением дел, он в предельно краткой и сжатой форме, как того требует день сегодняшний, по пунктам расписывает, как всё это привести в норму и вернуть в строгие каноны «Адыгэ Хабзэ».

Он говорит, что для этого нужно просто быть вежливым, тактичным, предупредительным, терпимым, доброжелательным, и советует следить за интонацией, уметь слушать собеседника, а также ценить время слушателей.

В аннотации к изданию сказано, что книга рассчитана на широкий круг читателей, преподавателей вузов, средних специальных учебных заведений, учителей школ и гимназий, студентов и учащихся, активистов адыгских общественных организаций – всех тех, кто интересуется богатой и самобытной культурой адыгов.

Но каждый её прочитавший ясно понимает, что она предназначена всему кабардинскому народу и каждому отдельному его представителю, желающему оставаться и быть адыгом. После из-под его пера вышли и другие уникальные труды. Так, он является автором книги «Адыгские пословицы и меткие выражения», в которой содержатся свыше шести тысяч пословиц и поговорок. Все они переведены на русский язык, а наиболее сложным для понимания пословицам даны исчерпывающие пояснения. В 2022 году свет увидели издания: «Хъыбар зилэ псалъэжхэр» (также с переводом на русский язык), «Образ жизни адыга». В настоящее время в типографии находится еще один монументальный труд – книга о прославленных женщинах Малой Кабарды.

Без того, чтобы самому не осознать всей важности этнического самосохранения в его наивысшей адыгской форме, такие труды не пишутся, и идея не находит оптимальной формы выражения для своего воплощения в реальность без того, чтобы не прорасти из авторской души.

Своими достижениями и самой жизнью, готовностью помочь любому, кто в этом нуждается, Владимир Кудавев доказал, что он стал достойным учеником всех тех, кого считал учителями и вершителями своей судьбы, предопределившими его жизненный путь и на своём примере показавшими, как по нему идти.

«СЛУЧАЙНЫЙ» НЕСЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА

З. А.-К. Бапинаев

Бапинаев Зариф Абдул-Керимович родился 25 мая 1954 года в селении Каракундуз Джамбульской области Казахской ССР. Родители, вернувшись из депортации на историческую родину, обосновались в с. Булунгу Чегемского района. В 1971 г. Зариф поступает в Нальчикское музыкальное училище по классу вокал. В 1972–1974 гг. проходит военную службу в Вооруженных силах СССР в ГДР. За годы работы в Балкарском театре, начиная с 1974 г., им сыграно более 90 ролей: Ясыгул и Акъегет («В ночь лунного затмения» М. Карима), Ахмат Мусукаев («На рассвете» И. Боташева), Карамырза («Поэма о любви» И. Маммеева), Кочар («Коммунист» А. Теппеева), Леонардо («Кровавая свадьба» Г. Лорки), Муса Джалиль («У совести вариантов нет» Т. Миннулина), Ёрюзмек и Дебет («Нарт Ёрюзмек» И. Маммеева), Караман («Дорогу, Караман жену ведет!» А. Гецадзе), Карамуса («Артутай» А. Теппеева), Корифей («Княгиня Гошаях» М. Ольмезова), Зантууган («Бийнёгер» А. Теппеева), Осман («Крик камня» Б. Берберова), Бахир («Тахир и Зухра» М. Ольмезова), Эзоп («Эзоп» Г. Фигейредо), Хасан («Плачет ива за горой» В. Жеребцова), Аслан («Женихи» И. Жантуева) и др.

Зариф Бапинаев – лауреат многочисленных республиканских и международных театральных премий, лауреат Государственной премии КБР в области литературы и искусства (2000), заслуженный артист РФ (1997).

Путь в театр у каждого свой: кто-то с детских лет бредит о сцене, кто-то решается поступить на актерский факультет после окончания одного вуза уже с определенным опытом, а кто-то идет за компанию с друзьями или из желания доказать кому-то свой дар перевоплощения. Наш герой не вписывается ни в один из этих вариантов.

Зариф Бапинаев мечтал поступить в Ейское летное училище, но мать Жансарай не одобрила его выбор. Позднее она не отпустила его и в ансамбль «Кабардинка», Молдавию, Грузию, куда звали талантливого молодого человека, где, быть может, ожидала Зарифа еще большая популярность. Сын не мог огорчить свою мать. В итоге выбор пал на Нальчикское музыкальное училище. Отец юноши, Абдул-Керим, был известным народным певцом, автором многих песен. Можно сказать,

сама судьба толкала Зарифа в профессиональное искусство.

Весть об одаренном парне из высокогорного села Булунгу доходит до руководителей балкарской труппы объединенного тогда театра им. А. Шогенцукова. В 1972-м набиралась Балкарская студия в ГИТИС. Его звали на актерский факультет прославленного столичного вуза. «Я тогда не понимал, что театр – это синтетическое искусство, и никто мне не объяснил, что в театре могу также петь и играть. Поэтому не поехал с ребятами», – вспоминает теперь сам Зариф Абдул-Керимович. Но что уготовано судьбой, того изменить невозможно. В 1987 г. он все же окончил актерский факультет ГИТИСа в составе легендарного заочного курса В. В. Теплякова. К тому времени у него уже был вокальный и актерский опыт.

Первая роль в театре была в спектакле Б. Кулиева по пьесе М. Карима «В ночь лунного затмения». Образ пожилого Ясыгула молодому актеру давался нелегко. На помощь пришли режиссер Б. Кулиев и актеры, занятые в спектакле.

Зариф с детских лет пародировал односельчан, отличался удивительной наблюдательностью, отличной памятью и, конечно, вокальными и актерскими способностями. В театре все это пригодилось при создании самых разнообразных ролей. Способный, пластичный, с прекрасными внешними данными, сильным темпераментом молодой актер быстро набирался мастерства. В скором времени Зариф Бапинаев стал ведущим актером балкарской труппы. Многие его роли вошли в «золотой фонд» театрального искусства Кабардино-Балкарии.

Есть актеры с «аристократическим» лицом, которым трудно дается перевоплощение в простых тружеников, сельчан, колхозников. Или же, наоборот, с яркими национальными чертами, которым не подходят роли в классических пьесах. Внутренняя и внешняя пластичность З. Бапинаева, его природная наблюдательность и талант помогают ему легко перевоплотиться в сельского жителя, в героическую личность, в героя-любовника, в партийного работника, просветителя, визиря, неудачливого жениха, народного певца и т.д. Комедии, драмы, трагедии одинаково поддаются Зарифу Бапинаеву. Роль Карамана в музыкальной комедии «Дорогу, Караман жену ведет!» актер играл в течение шестнадцати лет, как он сам признается, пока не поседел. Из последних работ можно вспомнить Аслана в комедии по пьесе «Женихи» И. Жантуева и Эзопа в одноименной трагедии Г. Фигейредо, Хасана в драме «Плачет ива за горой» В. Жеребцова.

Актерскую карьеру Зариф Бапинаев успешно сочетал с певческой. Съёмки на телевидении, записи на радио, сольные концерты стали для Зарифа необходимы так же, как работа в театре. Везде встречали его тепло и радушно. Для каждой песни он находит нужный тон, нужную окраску, чувствует ее сердцем. Исполняет ли песню современного

композитора или же народную песню, проникается, как актер, проживает ее. В одной из наших телепередач доктор филологических наук Тамара Биттирова отмечает: «Зариф знает много народных песен. Он исполняет их не как все, а по-своему. У него свой душевный мир. Поэтому, когда Зариф поет народные песни, перевоплощается, если до этого он был актером, тут же становится певцом. На все события, что повествуется в старинных народных песнях, кажется, певец смотрит сегодняшними глазами, вместе с героями радуется или огорчается».

Для меня же в последние годы Зариф Бапинаев раскрылся по-новому как одаренный исполнитель народных песен в спектаклях Балкарского театра «Княгиня Гошаях» М. Ольмезова, «Артутай» и «Бийнӗгер» А. Теппеева. Роль Корифея в трагедии «Княгиня Гошаях» (реж. М. Атамурзаев) абсолютно неожиданно для всей творческой группы стала одним из центральных образов спектакля благодаря таланту актера и певца. Исполнение им песен-плачей самой Гошаях и специально написанных произведений для хора стали серьезным вкладом в балкарское музыкальное искусство.

К сожалению, уже нет возможности спросить у автора произведений «Артутай» и «Бийнӗгер» А. Теппеева: «Что побудило его вводить в пьесы роли реальных исторических личностей, народных певцов Карамусы и Зантугана?». Смею утверждать, что драматург написал эти сложные образы именно для Зарифа Бапинаева после исполнения им роли Корифея в трагедии М. Ольмезова. Его прекрасные вокальные данные, отличное знание актером фольклора и народное песенное творчество своего народа вдохновили автора этих двух трагедий впервые в балкарской драматургии к созданию образов народных певцов.

Если в национальных театрах классические пьесы (например, А. Островского и А. Чехова) в основном ставятся «приблизительно», «как всегда», «как где-то», не каждый зритель заметит подмену. Особый спрос возникает при постановке местной драматургии, особенно когда смелые режиссеры и авторы выводят на сцену неоднозначных, спорных героев. Так было с ролью Кочара в драме «Коммунист» А. Теппеева. Бапинаев в годы «брежневского застоя» впервые (1982 г.) на балкарской сцене сыграл псевдокоммуниста, циничного карьериста, злобного, завистливого вожака партиячейки. Актер мог не оправдать «возложенной миссии» на этот персонаж, сверхзадачу, на которые рассчитывали создатели спектакля. Но это не случай З. Бапинаева. Вот где выручило его, как актера, художника, и даже сам театр, знание им истории своего народа. Рассказы, услышанные от стариков о кровавых делах, насильничестве некоторых партийных чиновников, были свежи в памяти тогда еще молодого актера. Он показал человека, который прикрываясь своим положением, идет на самые подлые поступки ради карьерного роста. Зал после премьеры раскололся на два лагеря:

«за» и «против» образа коммуниста. Советовали несколько смягчить роль Кочара, но Зариф не согласился со своими оппонентами.

Похожая ситуация была и в драме «Крик камня» Б. Берберова. Семейный, идейный конфликт отца и двух братьев – коммуниста Османа (З. Бапинаев) и изгоя Бийнёгера – разрешался драматически. Слепо служа системе, оттого

*Сцена из спектакля "Коммунист".
Слева направо. Кочар (З. Бапинаев)
и Жансох (Х. Юсупов).*

неспособный трезво оценить курс, взятый коммунистами, старший брат Осман требовал суда над младшим. В финале он становился виновным в смерти Бийнёгера. Вера актера в предлагаемые обстоятельства, особый темперамент З. Бапинаева, мастерство, помноженное на жизненный опыт, помогли создать ему столь правдивый и неоднозначный образ.

Я имела удовольствие видеть театральные работы Зарифа Бапинаева, начиная с 90-х годов. Не могу не сказать о роли Состара в трагедии «Чума» Ж. Токумаева, вернее, об отношении актера к работе. События в драме разворачиваются в конце XIV века, когда войско Хромого Тимура приходит в Балкарию. В пьесе герой З. Бапинаева Состар является предводителем войска и в пьесе говорится, что он ездил в Дагестан за серебряными украшениями в подарок своей невесте. Помнится наш разговор с актером во время постановки данной пьесы. Зариф рассказывал, как он спросил у автора:

– Почему Состар ездил в Дагестан?

– Как почему, понятно же, за украшениями, – ответил драматург.

– Предводитель войска в такое сложное время, когда враг на пороге, не будет из-за женских сережек ехать в Дагестан. Он хотел разведать, лично узнать про обстановку, выяснить, далеко ли вражеское войско. А украшения – это только отговорка, повод...

– О, да ты копаешь слишком глубоко, – был ответ автора.

Копать глубоко, находить суть, «зерно» роли – этому научили Зарифа режиссер Борис Кулиев, старшее поколение актеров Балкарского театра и мастера ГИТИСа.

Еще чем может удивить нас Зариф Бапинаев? Тем, что он очень органичный актер. Казалось бы, что тут такого? Но не ко всем профессиональным актерам можно применить это словосочетание и дать такую высокую оценку. Глядя на него на сцене, невольно думаем:

он говорит и чувствует себя как в жизни, он не играет, а живет в роли. Это было отмечено критиками и членами жюри на фестивале «Сцена без границ» (2002) во Владикавказе после показа Балкарским театром трагедии М. Ольмезова «Тахир и Зухра». Зариф исполнял роль визиря Бахира. Сидя почти рядом с высокими гостями, с членами жюри, невольно слышала, как они перешептывались: какой органичный актер, и спросили у меня, что он окончил. А при разборе спектакля известный театральный критик Николай Жегин отмечал: «Когда на сцену выходит визирь, мне становится чрезвычайно интересно. Во-первых, он знает свое место во дворце, у него ощущение покоя. Он размышляет, соотносит одно явление с другим, вырабатывает стратегию. Необычайно интересный персонаж. Этот человек все время занят действием. Между тем вырисовывается характер: добрый, человечный. Очень хорошая работа».

Конечно же, зная историю, фольклор своего народа, владеть родным языком на высоком уровне для Зарифа Бапинаева – дело чести. Он обладает широким кругозором, много читает, знает множество анекдотов, забавных и смешных случаев из жизни великих актеров. Можно заслушаться его рассказами, дошедшими до нас из далекого прошлого. Прекрасное владение словом он продемонстрировал, когда перевел с русского языка на балкарский пьесу В. Жеребцова «Плачет ива за горой». Она была поставлена в Балкарском театре режиссером М. Кульбаевым, где Зариф сыграл роль Хасана. При переводе текста он не стремился объять необъятное, как некоторые писатели, которые, желая показать свое превосходство над актерами и читателем или же стремясь сохранить в языке архаичные слова, употребляют их к месту и не к месту, тем самым утяжеляя язык. Меня удивил и очень порадовал ровный, мелодичный, литературный язык Бапинаева, что звучал со сцены. «Я сделал смысловой перевод. В уме перебирал слова, которые лучше подойдут для сцены», – говорит сам Зариф.

Не могу не упомянуть о работе З. Бапинаева в фильме «Дорога на край жизни» о насильственной депортации балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан. Выбор режиссером Рубеном Мурадяном на роль капитана Алима Кучменова актера Зарифа Бапинаева тоже был неслучаен. Актеру, родившемуся на чужбине, с самых ранних лет слышавшему о горестях выселения, хранившему в душе многие трагические истории гибели балкарцев-спецпереселенцев, сыграть офицера, представленного к званию Героя Советского Союза, но по известным причинам не получившего его, думается, в актерском плане было не так сложно. Он всеми фибрами души чувствовал амплитуды изменения настроения и переживаний своего героя. Остается сожалеть, что режиссер не дал в полной мере раскрыться драматическому таланту З. Бапинаева в кино.

Работая в последние годы на телевидении, имею счастье делать

передачи про ушедших из жизни актеров, режиссеров и драматургов. Даже имея неплохой архив, что собрала за много лет, иногда приходится обращаться за помощью к Зарифу. Никогда он не отказал, не сказал, что не может или не хочет говорить про того или иного актера. Что удивительно, он помнит, когда в первый раз видел на сцене актеров первого, довоенного, поколения А. Кудаева, О. Балаева, М. Кучукова, народного певца О. Отарова и др. Помнит их роли, даже текст пьесы. Меня, как исследователя истории Балкарского театра, в работе интересуют не только факты, роли, даты и т.д., но всякие «мелочи». Слушая Зарифа Бапинаева, запоминаешь его интонации, паузы, обращаешь внимание на блеск в глазах, улыбку или печаль в голосе, как меняется его лицо, мимика, во всем этом чувствуется его отношение к герою передачи. Довольно часто на монтаже я сокращаю свой рассказ, чтобы как можно больше дать Зарифа на экране. Его воспоминания гораздо важнее многих научных статей про театр, потому что в них живая душа, живой нерв...

В недавнем нашем интервью спросила у Зарифа: «Не жалеете, что связали свою жизнь с театром?». На что он спокойно ответил: «Нет. Знаешь почему? Потому что я не обидел маму, не пошел наперекор ей. Она не могла меня отпустить от себя далеко в Молдавию, в Грузию, куда мог уехать, «Кабардинка» в те годы постоянно гастролировала. А что говорить про летное училище...»

И еще Зариф Бапинаев говорит, что он – случайный человек в театре. А я хочу пожелать как можно больше таких «случайных» неслучайных актеров Балкарскому театру. А ему самому желаю еще много ролей, чтобы с таким же удовольствием и восторгом писали и говорили в телевизионных передачах.

ИННА КАШЕЖЕВА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
К 80-летию со дня рождения Поэтессы

Свои первые стихи Инна Кашежева опубликовала в 1960-м, шестнадцатилетней школьницей, в журнале «Юность». Через два года в Нальчике вышла ее первая книга стихов «Вольный аул», на которую обратили внимание Алим Кешоков и Кайсын Кулиев, высоко оценив национальное своеобразие молодой одарённой поэтессы.

И надо сказать, что в 1960-е годы, когда вся страна жила ожиданиями перемен, стихи её были чрезвычайно востребованы. К своему двадцатилетию Инна Кашежева уже выпустила в Кабардино-Балкарии два сборника собственной лирики и две книги переводов в издательствах «Молодая гвардия» и «Московский рабочий».

Ожиданиями перемен жили люди и на Кавказе. В эпоху 60-70 гг. прошлого столетия кабардино-черкесская литература переживала процесс подъема и возрождения, изучения национальных корней и дальнейшего развития. Это было время после XX съезда КПСС, когда был положен конец Сталинским репрессиям, когда экстремальные события в жизни всей России значительно оживили не только русскую, но и национальные литературы, в их числе и адыгскую.

Культурная жизнь страны бурлила. К микрофонам на стадионах вышли Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский и другие. И чуть позже среди них оказалась Инна Кашежева. Это было удивительное «оттепельное» время, когда поэзия шагнула из воображаемого сознания и мечты прямо в жизнь, когда поэзия потребовала «поэта к священной жертве стадионов». Матрица «счастье всего человечества» была изменена на новое содержание: «Следует задуматься о счастье и несчастье отдельного человека», – таков был основной посыл. Первое стихотворение Инны Кашежевой, опубликованное еще в 1960 году в «Юности», называлось «Там садик, и там скамеечка...», стихотворение школьное, да и сама она школьница, девятиклассница. Её имя оказалось в журнале рядом с такими, уже известными, как Новелла Матвеева, Светлана Евсева, Тамара Жирмунская, и – самая молодая, моложе не бывает (!) – Инна Кашежева:

*Там садик, и там скамеечка,
За низким забором – трава.
Ты говорила, девочка,
Там ласковые слова.
Там ночь не кончалась долго,
По щиколотку роса.
И Яуза кажется Волгой,
Только сощурь глаза...*

Тысячи девчонок переписывали тогда эти стихи в свои альбомы, ученические и школьные тетради. Юная поэтесса Кашежева также стала выступать на вечерах в Политехническом институте, на Большом стадионе в Лужниках, рядом с живыми классиками. Тоненькая фигурка, мальчишеская стрижка – и неистовый огонь в ярких черных отцовских глазах. Нерв времени, вибрация эпохи, свежий ветер с вершин, «вписанных в гены», как писала она сама.

Однако общественные и духовные тенденции эпохи рубежа 50-70-х гг. проявившиеся в литературе, и в первую очередь в поэзии, вскоре угасли. Мечты поэтов-«шестидесятников», говоривших о духовном пробуждении России, о возрождении традиций Серебряного века в русской культуре в конце 60-х годов и начале 70-х годов, рухнули окончательно. Мечты поэтов новой формации о светлом будущем потерпели крах. Для Инны Кашежевой события эти стали личной трагедией и положили конец «оттепельной» эйфории. Позднее она писала:

*Какая-то на сердце тяжесть,
а я не пойму отчего.
Как будто из пропасти тянешь,
да только совсем не того
Какая-то на сердце смута,
а вот отчего, не пойму.
Как будто ты нужен кому-то,
да вот неизвестно – кому.
Но скоро наступит минута,
внезапной догадкой слепя:
ты нужен себе, не кому-то,
и вытащить хочешь себя.*

Резюмируя первые этапы творческого пути Кашежевой – поэтесса оказалась в самой гуще событий «оттепели»: вечера в Политехническом, затем в Лужниках. Рядом с ней жили и работали живые классики, но и она не воспринималась в качестве необязательного фона. Она была одним из активных соратников таких, навсегда вошедших в историю литературы поэтов, как Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Иосиф Бродский, Роберт Рождественский,

Белла Ахмадулина. Потом их всех назовут голосом поколения, «шестидесятниками», лучшими представителями «оттепельной» эпохи.

Но Инну Кашежеву нельзя назвать «эстрадницей» в классическом понимании этого слова. Космополитизм и обращение к авангардным тематическим горизонтам, появление которых в поэзии было инициировано наступавшей эпохой НТР, сочеталось у неё с мощнейшей этнической составляющей, сильнейшим тяготением к своим национальным истокам.

Любовь и страсть к Кавказу в нее заложил отец, его рассказы о Кабарде Инна слушала, как сказку. Кроме того, она каждое лето проводила в родном селении отца, Каменномостском.

Она с детства влюбилась в этот край, так, как влюбляются в прекрасного принца. И Родина не обманула её ожиданий – явилась во всем величии, во всей своей мужественной красоте. Кавказ всегда оставался с Кашежевой – отпечатался в сердце, ожил в стихах, рассыпал по строчкам свои загадочные имена. Высокий гуманизм, величие человеческой души, стремление к гармонии слышны в этих строках:

*О названья земли родной!
Одурманивая и маня,
Вы повсюду всегда со мной,
Непонятные имена.
И какой-то щемящей тоской,
Взяв меня в свой гортанный плен,
Отдается во мне: Терскол!
Куркужин, Нартан! Гунделен!*

«Моя Родина – Кабарда, отчий дом – Каменномост. Сердце мое стучит в Москве, а душа поет в Каменномосте». Это не поза, не дань вежливости – доказательством тому стихи: в них не солгать. В этих строках – высокая гордость за свою родину. Она – и убежище, и утешение для лирического героя. Крепкими, нерасторжимыми узами сама поэтесса связана с родной землёй. Связана и с Москвой, и с Кавказом. Недаром говорится: «Вся боль мира проходит через сердце поэта». Эти слова в полной мере характеризуют поэзию Инны Кашежевой:

Помимо прочего, для творчества поэтессы с самого начала была характерна тематическая дуальность. То есть, наряду с глубоким философским восприятием окружающего мира, раздумьями и тревогами о нём, звучит утонченная медиативная лирика. К слову, восприятие двойственного мира Москвы и Кавказа через совершенно противоположные образы природы – основополагающий мотив стихотворения: «А в моей Кабарде жара...». Сердце поэтессы находится

в Москве, стучит в столице нашей родины, но... душа пребывает в Кабарде.

*А в моей Кабарде жара,
А в Москве у меня дожди...
Ты отважься и из вчера
В свой сегодняшний день гляди.
На Эльбрусе лежат снега,
Над Москвой плывут облака,*

Взгляд специалиста видит в её стихах обязательные традиции родного адыгского фольклора, связь с кабардинскими поэтами старшего поколения. Добавим, что все её сочинения наполнены национальной символикой, что, по нашему мнению, является характерным для северокавказского художественного мышления. Но и обычный читатель, не знакомый с филологической терминологией, ощущал в её стихах, прежде всего, страстную любовь к Кавказу – настолько страстную, что сам заражался этой любовью:

*Река Баксан похожа на базар,
На утренний, восторженный, шумящий,
Весь состоящий из одних шипящих,
В тех брызгах, в тех созвучиях летящих,
Каких еще никто не написал.*

Конечно, московская русскоязычная поэтесса не владела в полной мере кабардино-черкесским языком, особенностями мышления горцев, особенностями национального менталитета. Но она была проникнута их духом, она стремилась к ним. Это состояние можно было назвать образно-тематическим симбиозом, она холит и пестует тему гор, аула, откуда произошел род Кашежевых, где родился отец. В то же время, поэтесса любит Москву всем сердцем и не представляет себя без этого города. Ю. Лотман утверждает, что «...в пределах русской культуры географический фактор исторически играл в поэзии роль своеобразного индикатора, одновременно и высвечивающего детали культурного глобуса, и стимулирующего проявление скрытых в нем конфликтов. В структуре географии русской культуры исторически борются две модели, причем столкновение их – один из доминирующих конфликтов культурного пространства России. Одну из них можно определить как центристскую. В основе ее лежит представление о том, что Москва расположена в центре религиозной и культурной ойкумены, что центр всемирной святости (или, соответственно, – культуры, мировой революции и т.д.) находится в Москве, Москва же есть центр России».

Элементы амбивалентности поэтессы проявляются в общей двойственной структуре всех циклов стихов: отметим, как главную особенность, основанный на антитезе дихотомичный полюсный характер художественного мировоззрения художницы: «Лермонтов»,

«Бэла», «Как будто высвечено блицем», «Плати, плати, за всё плати...», «Старики понимают детей» и др. Она не представляет себя без Кабарды и Москвы:

*А в моей Кабарде жара,
А в Москве у меня дожди..
На Эльбрусе лежат снега,
Над Москвой плывут облака...
...Горы вечно во мне болят,
Город вечно во мне живет...
И едины они во мне,
Моё счастье и моя боль.*

Необходимо отметить, что характерное отличие поэзии Инны Кашежевой от поэзии «шестидесятников» состоит в этнокультурной специфике идиостиля и идиолекта, этнокреативности познания и мышления.

Границы перетекания и скрещивания символики России и Кавказа в стихах Кашежевой не «размыты», и обозначаются достаточно выпукло и рельефно. В целом, при рассмотрении вопросов художественно-эстетического измерения творчества поэтессы, следует выделить когнитивно-концептуальную направленность автора. Всё творчество И. Кашежевой – это новый этап в обогащении художественной мысли России и Кавказа. Лирика Кашежевой опирается на опыт русской поэтической школы, наилучшие традиции русского и адыгского фольклора (нартского эпоса). В контексте русской и кабардино-черкесской литературы 60-90-х гг. XX века эстетические интегративные архитектуры, и в особенности элементы амбивалентности, в поэзии поэтессы обозначаются вполне определенно.

В итоге, при рассмотрении основных мотивов поэзии как матрицы: Россия-Кавказ-Вселенная, мы видим, что творчество Инны Кашежевой определённно имеет космологическое (Вселенское) значение.

В данном случае, тема отца как родины, звучит во многих строках. Здесь отец выступает как воплощение Вселенной. Но Вселенная – это бесконечное постижение вглубь, всеохватывающие горы Кавказа. Словно пленка фотоаппарата, медленно, но чётко проявляется матрица: Родина-Отец-Кавказ.

Ритмические рисунки и музыкальность стихов Инны Кашежевой хорошо ложились на музыку. Более пятидесяти лет песни на её стихи звучат в телерадиоэфире; их знают и поют не только жители республики, но и по всей России. История песен такова. В конце 1950-х – начале 1960-х популярным становится жанр эстрадной, и в особенности, авторской песни. Среди ярких представителей этого направления – Б. Ш. Окуджава, В. С. Высоцкий, А. А. Галич, Н. Н. Матвеева.

Многие барды исполняли песни не только на собственные слова,

часто на музыку ложились строки современных поэтов – и в их числе зазвучало имя юной московской поэтессы Инны Кашежевой. У поэтов яркого публицистического темперамента – Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского звучала гражданская лирика, проникнутая пафосом осмысления места своей страны в масштабе мировых свершений и понимания гражданского долга. У Евгения Евтушенко, помимо гражданской тематики, было немало стихов с глубокой и достаточно откровенной любовной лирикой, циклов, написанных по впечатлениям от поездок по странам мира. Андрей Вознесенский отличался новационными эстетическими трактовками окружающего: он писал об аэропортах, неоновом свете, новых марках автомашин и т.д., в поэзии Беллы Ахмадулиной звучали интимные мотивы, как эхо поэзии Серебряного века. И рядом с этими легендарными художниками, как равная среди равных, творила Инна Кашежева. Вся советская эстрада 60-х, 70-х, 80-х гг. наполнилась песнями на её стихи – более 300 текстов, положенных на музыку.

Инне Кашежевой было всего 22 года, когда её песни запели по всему бескрайнему Советскому Союзу. Их исполняли Эдуард Хиль, Майя Кристалинская, Иосиф Кобзон, Владимир Трошин, Людмила Зыкина, Клавдия Шульженко, Кола Бельды, Алла Пугачёва и многие другие. Такие песни, как «Опять плывут куда-то корабли» (1964), «Подарок» (1965), «Лунный камень» (1966), «Дожди» (1966), «Круги на воде» (1966), «Нет, так не бывает» (1966), «Без меня» (1968), «Про тебя и про меня», «Мой Нарьян-Мар», «Енисей», «Долго будет Карелия сниться», (1970), «Зачем на мальчишку надели погоны» (1977), «Атомный век» (композитор А. Островский), «Сон сынов России» (композитор Р. Майоров), «Твои одногодки» (композитор А. Колкер) и др. исполняли Эдуард Хиль, Майя Кристалинская, Иосиф Кобзон, Владимир Трошин, Людмила Зыкина, Клавдия Шульженко, Кола Бельды. А страстную лирическую песню «Нет, так не бывает» (композитор А. Островский), с успехом исполнял Муслим Магомаев. После первого фактического хита «Опять плывут куда-то корабли» популярность и востребованность Кашежевой взлетают на невиданную высоту.

Минорные, лиричные, напрочь лишённые казенной ангажированности и пустозвонства, они покоряли искренностью, эмоциональной ясностью понятностью интонации. Это полностью прочувствовали и земляки Кашежевой. По сей день в республике остаются популярными такие песни, как «Вспоминай меня всегда», «Наша молодость», «Кабарда» («Ты весною исходишь садами»), «Возьми меня в Балкарию» (композитор Билял Каширгов), «Свадьба в Каменномосте».

Спустя годы, миновав период мучительной переоценки ценностей

60-х годов, российские поэты выработали новое универсальное мировоззрение. При внешних проявлениях элитарности И. Кашежева сумела облечь свои стихи в новую художественную форму, наполнить содержательностью, а главное, сделать современную поэзию более личностной. Вот как она рассуждает о минувшей эпохе «оттепели» в стихотворении «Шестидесятники»: «Давайте не сидя, а стоя // (в бокалах на треть – не беда) // выпьем за годы застоя, // за лучшие наши года». По мнению поэтессы, это были «сказки и были из пыли, когда задыхалась страна». Она исповедуется читателю: молоды они были, а молодость только одна. И «ожоги хрущевских проталин» они носили на груди, «как ордена». Спустя многие годы, поэтесса осознает, что ее современников пытались форматировать по нужным меркам, и не все оказались сильны: кто-то сломался, и поддался идеологическому натиску, кто-то покончил с жизнью, не в силах пережить разочарование. До боли пронзительно звучат её строки:

*Мы – вырванный лист из контекста,
Но юности нашей верны.
Собравшись, седые придурки,
Шепнув «шестьдесят» как пароль,
Мусолим всё те же окурки –
На счастье похожую боль...*

Вот так печально и горько, по-философски мудро оценила годы «оттепели» Инна Кашежева. Она уверена, что поэты просто «растерялись» в те годы заблуждений и застоя. И никто не смеет называть их блудными сынами: у них была своя вера, своя идея.

Так случилось, что постсоветское время стало в творческой судьбе Инны Кашежевой драматичным. До 90-х годов всё её творчество было наполнено ожиданием какого-то чуда. Ответы эйфории «оттепельного» времени ещё долго пробивались сквозь время: они грели поэтессу и в 70-е, и в 80-е годы. Но чуда не случилось. После распада СССР и наступления периода «дикого» капитализма, который уничтожил общечеловеческие гуманистические ценности, пошла деградация духовно-нравственной жизни, в общественном сознании стал постепенно образовываться вакуум.

Инна Кашежева глубоко переживала потрясения, выпавшие на долю её родины. В интервью газете «Советская молодежь» она признавалась: «Надо оставаться личностью, кем бы ты ни был, и чтобы ты ни делал. Я из тех людей, которые никогда не покинут эту страну – несчастную и великую. Я верю в Россию, в её народ. Этой веры у меня никто никогда не отнимет». Поэтесса была предана своей родине и поэтому особенно болезненно воспринимала разброд, сумбур и хаос, происходящие в тот период в стране. «Когда общество отшатнулось от культуры, науки, когда стали ценить коррумпированных коммерческих

дельцов, олигархов, которые накопили богатства нечестным, воровским путём, а не ценить честных и преданных, высокообразованных и интеллектуальных людей, писателей, ученых, артистов, музыкантов, художников...»

И поэтому ей трудно было вписаться в новые условия 90-х годов, ей не было места там, где произошло разрушение единого культурного пространства страны. При её неприспособленности к жизни и непрактичности, Инна не смогла справиться с девяностыми. А скорее всего, у неё не было желания меняться, видеть происходящее по-новому. Да, в последние годы она жила трудно. Но гордость не позволяла ей обратиться за помощью ни к столице, ни к республике. Как пишет Л. Рождественская: «Она не приняла и не поняла возвращения «торговцев в храм», не смогла обрести новый источник творческого воодушевления, не захотела играть по новым правилам...»

В литературной жизни страны в 90-е гг. тоже произошли радикальные изменения. «Если в прошлом литература что-то решала, направляла и корректировала жизнь, отвечала на конкретные вопросы, а при необходимости сама задавала их, поднимала целые пласты проблем, вливаясь в общий процесс в стране, то в постсоветский период, и особенно в начале 90-х гг., она перестала что-либо решать и во что-либо вмешиваться. Часть литераторов, многими усилиями приближавших «демократию», была в ужасе от происходящего: «Никогда ещё я не жил в таком одиночестве, – сокрушался известный российский писатель Виктор Лихоносов, – даже в годы чудовищных «государственных» подозрений было легче: всегда находилась отдушина, и на чье-то плечо можно было опереться. Теперь люди сами попали в такую же общественную нищету и печаль... Вокруг нас густые заросли предательства. Предательство стало нормой отношений и стимулом к выживанию. С помощью прессы предательство переросло в геройство, в доблесть демократии, сокрушившей всякое понятие о чести и благородстве. Самые патриотические издания народ не читает. Его задушили намыленной верёвкой. Никто никого не слушает, никто никому не верит, никто никому не нужен».

Кто-то из современников подметил, что государство и общество на всем постсоветском пространстве не стали сообщающимися сосудами. По этой причине в начале 90-х гг. укрепление государственности было направлено фактически на подавление, а не на развитие общества. А общество, не став гражданским, не способно противостоять давлению, поэтому оно оставалось таким же бессильным, как и в советские времена.

У Инны Иналовны выходили книги и в Москве, и в Нальчике, но критика молчала. Хотя в 90-е гг. поэтическое слово стало быстрее приходить к читателю, чем в 60-70-е гг. – это и развитие массмедиа,

и отсутствие идеологической цензуры. Новшества сделали процесс выхода на читателя свободным, мгновенным. Однако говорить о каком-либо поэтическом буме, подобном «оттепельному», не приходилось. Можно сказать, что формула Е. Евтушенко «поэт в России – больше чем поэт» стала утрачивать свой смысл, локализуясь в конкретно-исторических рамках. Образ лирического героя и авторское поведение резко сменились. Осталась только горечь, сожаление об ушедшем прошлом. К тому же, на полки книжных магазинов нескончаемым потоком хлынула бульварная литература и желтая пресса.

Стихи, написанные в 90-е годы, по тематическому подходу, образным средствам и остальным параметрам, значительно различаются. Чтобы выявить истоки и характер образа, необходимо, чтобы содержательная и формальная стороны стихотворения не отделялись друг от друга. При этом нельзя упускать из виду художественный мир поэтессы в его историческом контексте.

*Живёт во мне минувшее,
Глядит во все глаза.
Живу, всё время слушая
Немые голоса...
...И карандаш раскрошенный
Царапает о том,
Что я живу, как брошенный
Хозяевами дом.*

«Брошенный хозяевами дом» – точнее сравнения не придумаешь. Это её метакод. Жесткий и откровенный. Интрига трагедии и разочарования в этом стихотворении закручивается всё сильнее. И возникает подсознательное ощущение, что конец уже близок...

Но следует сказать, что, работая в рамках постсоветского времени, его эстетики, Инна Кашежева сохранила тесную связь с культурными традициями прошлого. В ее поэтическом творчестве 90-х прослеживается тесная, неразрывная духовная связь с поэзией «оттепели», её образной системой, художественными средствами и эмоциональным строем поэзии «шестидесятников».

Тексты поэтессы всегда объединены одним почерком, отмечены единым стилем. Этническая специфика её поэзии – особая составляющая индивидуального мироощущения, пронизывающая всё её наследие. Во многом семантика её строк определяются всем контекстом творчества поэтессы. Стихи обладают свойственными только Кашежевой содержательностью, эмоциональным строем, оригинальным идейно-композиционным смыслом. Художественные искания кабардинской поэтессы оставили заметный след как в российской и региональной, так и в национальной литературах.

ЭЛЬБЕРД МАЛЬБАХОВ. ЭТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

По всей видимости, нет нужды знакомить читателя «Литературной Кабардино-Балкарии» с биографией и творчеством Эльберда Мальбахова – это слишком известный, знаковый человек не только для республики

и всего Северного Кавказа, но и в целом для культурного пространства Российской Федерации. Невзирая на всю его скромность, обусловленную своеобразным (весьма правильным, но непривычным) пониманием статуса отца, Эльберд Темборович оставил ярчайший след в совершенно различных сферах общественной и литературной жизни, о чем многократно писалось в статьях и мемуарах, посвященных этому человеку.

Творчество Эльберда Мальбахова изучено достаточно хорошо, ему посвящены статьи региональной и столичной печати, без упоминания его романов не обходится ни одна монография о прозе Северного Кавказа, существует целый ряд диссертационных исследований его творчества, тем не менее, некоторые особенности фирменного нарратива Мальбахова подводят нас к мысли о существовании заметных лагун в общем корпусе работ о нем, белых пятен в анализе текстов.

Это естественно и ожидаемо. Мальбахов был слишком неординарным человеком, чтобы не зафиксировать свою уникальность на концептуальном и образном уровне произведений.

Родившись в семье первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии, он получил великолепное образование; речь – не только о знаниях, полученных в структурах высшего образования, пусть даже среди них и был Московский Государственный университет. В подростковом и юношеском возрасте он много занимался дополнительно, и этому были свои причины – он не мог разрешить себе какую-либо поблажку. Ответственность за каждый свой шаг, за каждый поступок и слово, воспитанная в Эльберде с детства, предопределила и общие тенденции и параметры его творчества. Он всегда знал, что, находясь под пристальным вниманием окружающих, является знаковым образцом целой страты социума Советского Союза, представляет нормативы руководящей верхушки общества, лицо советской интеллигенции, культуру целого

региона и свой народ, причем некоторые из этих реперных позиций в поле действия принятой в Союзе идеологии явно противоречили друг другу.

Этницизм в контексте социалистического интернационализма был явлением двойственным и не всегда поощрялся. Однако тяга писателя к ценностям и мировоззрению своего народа была настолько сильна, что не могла не повлиять серьёзнейшим образом на его позиции как прозаика. Особую ценность, по мнению Эльберда, особый раритет кабардинского народа и всех адыгов представлял собой кодекс нравственно-моральных устоев «Адыгэ Хабзэ». И, в определённом смысле, он ощущается единственным художником, сделавшим мораль и нравственность народа главным, центральным объектом описания. Художественное творчество Мальбахова начиналось с очерков, позже оформившихся в две книги: «Наш дом – Кабардино-Балкария» и «Набирая высоту». Эта стадия может считаться опытной, пилотной версией апробации таланта писателя, стадией отработки нарративного мастерства, последовательности и доказательности представляемых читателю повествовательных картин.

Затем последовал шедевр малых форм: «Воспоминания охотничьей собаки» – сборник, фактически, независимых рассказов, скрепленных образом условного свидетеля событий. Уже здесь Мальбахов проявил себя как мастер высокого художественного слога, необыкновенно убедительного даже в фантазмагорических построениях.

Роль и место повести «Воспоминания охотничьей собаки» в развитии малоформатной прозы Кабардино-Балкарии и всего региона еще предстоит конкретизировать, это дело будущих поколений исследователей, но для самого писателя данная вещь, по всей видимости, не была критична. Можно полагать, что для Мальбахова рассказы от лица престарелого пса остались не более чем удачной, эстетически совершенной, но, тем не менее, шуткой. Легкое упражнение в поисках собственного стиля, насыщенного доброй толикой юмора, типологически до сих пор не повторённого ни одним из мастеров слова КБР. Другьям Мальбахова известно, что писатель планировал создание всеобщего свода кабардинского этикета, снабженного примерами из истории этноса, примерами, взятыми из архивных документов и устных рассказов, однако его всепоглощающий интерес к морально-этическим нормам и ментальности адыгского народа требовал реализации на более высоком уровне философского осмысления и концептуального знания. Наиболее доступной формой анализа «Адыгэ Хабзэ» для уже зрелого и мастеровитого прозаика стала крупноформатная проза.

Как уже упоминалось, творчество Мальбахова исследовано достаточно хорошо, но один из аспектов его романов – казалось бы, самый очевидный, лежащий на поверхности – если и не обойден вниманием, то, по крайней мере, не продекларирован прямо и непосредственно, как стилеопределяющая и конституирующая черта его творчества.

Даже поверхностный обзор текстов кабардинского писателя

оставляет полное впечатление о том, что основным объектом изображения автора, основной сферой его интересов является не сюжетная канва, и не те или иные образы – невзирая на всю их убедительность. Да, описание событий

происходит на фоне важнейших, переломных для кабардинцев этапов истории, но даже не они видятся центром притяжения внимания прозаика.

Каждый из персонажей «Страшен путь на Ошхамахо» и «Ищи, где не прятал» важен ему как носитель тех или иных систем этики, систем оценки окружающего – фактически, морально-этическая идентификация любого персонажа в границах той или иной системы этнической системы ценностей и есть сверхзадача писателя

Роман М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» (1980) построен на внутренней полемике с привычным уже в собственно кабардинской литературе историческим жанром, где авторы тяготеют (чаще бессознательно) к этнографическим подробностям, к идеализации изображаемой действительности. Они находятся в плену «абсолютного прошлого», как сказал бы М. Бахтин. Такова закономерность развития литературы, основой которой является героический эпос и этикет. М. Эльберду удастся нарушить эту, свойственную для кабардинской литературы, ценностно-временную дистанцию.

Созерцатель, как герой и повествователь в «Страшном пути на Ошхамахо», воплощает в себе мудрое «всеведение», но сохраняет при этом и напряженную эмоциональность, то трагическое, то возвышенное восприятие истории своего народа. Такой тип повествователя, как представляется, характерен для восточных традиций. Хотя здесь отчетливо прослеживается и традиция Л. Толстого, прежде всего «Хаджи-Мурата» и в какой-то мере «Войны и мира», для которых исследователи давно определили авторскую позицию как позицию всевидения и всезнания.

Структура романа Эльберда характеризуется любопытным соотношением мифа и притчи. Роль притчи в романе определяется не только углублением в миф, не только использованием традиции самой притчи, но и традициями просветительства, русскоязычной прозы XIX века. В структуре романа соотнесены адыгские обычаи, этикет, предания. Национальный мир показан глазами самих адыгов, реже – через их внутренний мир (исповедь Мысроко, внутренние монологи Канболата, Жабаци Казаноко и др.) и с точки зрения на него русского и европейских

народов, а над ними – с высоты иного времени – позиция Созерцателя с его современной рефлексией на изображаемые события.

Следует отметить и другую особенность романа М. Эльберда. Ирония пронизывает его сюжетную структуру – историю появления и таинственного исчезновения панциря с его оставшейся загадочной «священной надписью в длину кинжала», стянувшей в тугой сюжетный узел не только судьбы людей, непосредственно соприкоснувшихся с сокровищем, но и исторические судьбы народа. В патетических словах Созерцателя выражена трагическая рефлексия современника XX века, осмысливающего кровавые пути своего народа. Это голос современника, сохраняющего память народа, рассматривающего его историю в свете сегодняшнего дня. Столкновение, противоборство и слияние двух точек зрения (иронической и патетической) – важная составляющая в эволюции романного мышления. В романный хронотоп писателем органически включены фольклорные герои, жившие в разное время. Нельзя отказать такой задаче в смелости. Ведь тем самым преодолевается фольклорное клише, когда типизация осуществлялась на уровне, предполагающем трактовку фольклорного идеала как извечной данности. У Эльберда же идеал наполняется реальным конкретно-историческим содержанием.

Развернув микросюжет из ногмовской «Истории адыгейского народа» [7] с ее тяготением к «золотому веку» адыгов, М. Эльберд в «Страшном пути на Ошхамахо» сводит все сюжетные линии к Жабаги Казаноко – «человеку из будущего». Таким образом автор вводит в романное пространство две равновеликие, равнозначные для национальной истории фигуры: Шору Ногмова и Жабаги Казаноко. Диалог двух, казалось бы, полярных устремлений позволяет автору четко сформулировать основную мысль романа: несмотря на «страшный путь» к своему счастью, народ вынес стройную систему взглядов на мир и человека – адыгский этикет, вобравший в себя лучшие качества национального характера.

Если в «Страшном пути на Ошхамахо» М. Эльберд воссоздает национальную историю не столько хронологически (мифологизированная история и реально существовавшая личность Жабаги Казаноко), а порой ради художественных целей прибегает даже к нарочитому отклонению от реальных фактов, то в романе «Ищи, где не прятал» в центре внимания крупное историческое событие и легендарная фигура Цукары-костоправа. При наблюдающемся различии художественного строя этих романов поэтическая интерпретация истории и в том, и в другом произведении верна не букве, но духу изображаемого.

Роман «Ищи, где не прятал» (1990) – художественная интерпретация истории появления кабардинского посольства на Руси в то далекое время, когда «солнечным июльским утром в лето от сотворения мира 7065-е, от рождества Христова 1557-е, по Хиджре – 935-е в Москве произошло

событие, историческая поучительность и межнациональное своеобразие которого не были оценены по достоинству ни просвещенными современниками, ни историографами последующих веков, в том числе и обладателями славных и почитаемых имен». Об этом событии написано немало, но все-таки достаточно изученным его не назовешь.

Романы М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» и «Ищи, где не прятал» играют заметную роль не только в преодолении упомянутого стереотипа мышления, но и в возвращении национальной истории ее ауры, а человеку – целостности его мироощущения.

Хотя М. Эльберда часто упрекали в вольном обращении с фактами, художественное постижение закономерности, необходимости взаимоотношения России и Кабарды в романе «Ищи, где не прятал» вытекает из верного понимания писателем общих для двух стадияльно типологичных политических образований внутренних проблем единения, реализация которых, естественно, осложнялась органической связью с общечеловеческими представлениями и конкретно-историческими потребностями других народов.

Оба романа можно отнести к известной философско-этической разновидности жанра, строго ориентированного на нравственное совершенствование мира, на поиски новой гармонии отношений в обновленном обществе, просвечиваемого тремя временными пластами: прошлым, настоящим, будущим. Основой этой нерасторжимой связи времен в романе служит адыгэ хабзэ (этикет). В этом смысле показательны слова Цукары – идеального носителя принципов национального этикета в романе, преисполненные, тем не менее, общечеловеческим звучанием и действенным историзмом в понимании отношений к другому народу, к человеку иного племени: «Даже у двух соседей огонь в очаге по-разному горит. Ты увидишь совсем другую землю, другой народ. Там все не так, как у нас. Но если не так, это не значит – неправильно или плохо».

Таким образом, этикет составляет в творчестве М. Эльберда основу увлекательного сюжета, духовной целостности героев, является архетипом и формообразующим фактором повествования.

Интересен в этом смысле предлагаемый автором в качестве нравственного эксперимента случай в Аю-Оруне, когда на узкой площадке действия сталкиваются недоступные пока друг для друга политические устремления большого мира и национально-общечеловеческий пафос этикета. Но, в конце концов, универсальное мироосвоение, «переорганизовав» общество Аю-Оруна по принципу единого Дома, преодолевает признаки сословной иерархии (потому что, как сказал М. Лермонтов, «не власть его основа – мненье!») и утверждает истинную ценность и дальнейший путь каждого. Примечательно, что отмеченная стилевая тенденция романа находит свое решение и в ироническом ключе, обретая при этом многомерность повествования. К примеру,

парафраз на историю с ньютоновским яблоком: «А в это самое время в Кансаукее я, Хыжа-землемер, помогал в княжеском саду околачивать груши, и один тяжелый, очень твердый плод упал мне на темя с верхушки высокого дерева. Шапка смягчила удар,

но все же в голове что-то перевернулось – возможно, стало на свое место – и мой полусонный разум вернулся к полноценной деятельной жизни».

Случай, который вывел Хыжу-землемера из эпически циклического восприятия времени, является одновременно для адыгов новым историческим путем развития. Или, скажем, игра эпитафиями. Автором сопоставляется-противопоставляется эпическое (алогичное) и историческое (разумное) прочтение действительности. Но при этом «алогичное» и «разумное» часто меняются смыслами.

Пристальный интерес М. Эльберда к истории не локализуется в прошлом, а тесно связан с современностью, но порой все же ощущается смещение авторской позиции в сторону не столь отдаленного от нас 1557 года. Отсюда некоторая подогнанность ответа под «добровольность присоединения», предопределенность развития сюжета, идиллистичность взгляда автора, скользящего поверх драматических событий, имевших место после 1557 года. Но, правда, уже в самом обращении к теме русско-адыгских связей, еще не замутненных имперскими амбициями, можно видеть «поэтическое правосудие» (К. Маркс) нарушенных впоследствии отношений между Россией и Кабардой.

Важно также напомнить, что роман «Страшен путь на Ошхамахо» обогащает национальную поэтику выходом не только на эпико-мифологическую традицию, но и на традиции русскоязычного просветительства. Подобный универсализм концептуалогии и эстетической функциональности текстов Эльберда объяснением имеет ту же самую конституционную основу произведений писателя, которая обуславливает и суггестивную достоверность его образов и саспенс-эффект сюжетных перипетий, и убедительность исторических реконструкций – подробность, детализированность и последовательную логичность этических построений, восходящих к глубинным национальным нормам морали и нравственности адыгов и всех народов Северного Кавказа.

ТРИ ЭССЕ

Олимпийские боги жили на Эльбрусе?

По телеканалу НТВ показали как-то интересный документальный фильм из серии «Таинственная Россия». В фильмах из этой серии рассказывается о загадочных, сакральных местах на территории России, малообъяснимых пока явлениях. А этот фильм был посвящён Эльбрусу, высочайшей горе в Европе.

Но тут Эльбрус предстал ещё и в неожиданном историческом ракурсе. Создатели фильма выдвинули смелую версию. По их мнению, священная гора древних греков, Олимп, где в древнегреческой мифологии живут боги – это на самом деле ни что иное, как Эльбрус! «О, Зевс громовержец, как это возможно?» – может быть, скажет кто-то из современных греков. Но, между прочим, кое-какие убедительные доводы авторы фильма привели. И прежде всего такой: как могли древние греки называть обителью богов и самого Зевса гору, а вернее горный массив, главная вершина которого Митикас имеет высоту всего-то 2917 метров? По кавказским меркам – это, можно сказать, холмик. Помимо Эльбруса, имеющего высоту 5642 метра, на Кавказе есть ещё несколько вершин пятидесятитысячников.

А ведь в представлении древних греков олимпийские боги жили в заоблачной выси – совершенно недоступной для людей. Мог ли на такую роль – обители богов – претендовать трёхтысячный Олимп, на вершине которого летом снег тает? И разве так уж был он недоступен? Вот двуглавый седой Эльбрус, на вершинах которого никогда не тает снег, – совершенно иное дело. А то, что древним грекам Эльбрус был хорошо известен, в этом нет никаких сомнений. Греки создавали когда-то свои поселения-колонии на черноморском побережье Кавказа, их путешественники могли добираться и до подножий Эльбруса. Двуглавый исполин был хорошо известен и древним персам, по одной из версий название Эльбрус – как раз персидского происхождения (кабардинцы называют священную гору Ошхамахо, балкарцы – Минги-Тау). Нельзя не вспомнить и о том, что в древнегреческой мифологии Прометей, похитившего для людей огонь у богов, по приказу Зевса Гефест приковал к некоей горе «Кавказ».

Упомянули в фильме и о том, что люди, живущие вблизи Эльбруса, имеют хорошее здоровье и живут долго, не бессмертны, конечно, как олимпийские боги, но до ста лет зачастую доживают. Пошли в ход и сюжеты из сказок разных народов про «мёртвую» и «живую» воду. И такие виды воды на склонах Эльбруса обнаружили – в знаменитом месте, называемом Джила-Су.

Вода в радоновом источнике, бьющем прямо из скалы, где греются приезжающие сюда туристы – это «мёртвая» вода. Но есть и «живая» – это на несколько сот метров выше в гору – на несколько недель в конце июля-начале августа здесь открывается так называемый «Серебряный источник», образующийся в результате таяния льдов. Вода в нём действительно очень холодная! Окунуться в него надо всего лишь на несколько секунд. Могу подтвердить, автор этих строк купался и в радоновой природной ванне, и в Серебряном источнике. А ведь в сказках, чтобы вернуть человека к жизни, возродить его, надо сначала было окропить его «мёртвой» водой, а потом «живой» водой. Кстати, мы видели в Джилы-Су одну бабушку-карачаевку, которая на девятом десятке лет каждое утро с тросточкой шагала к Серебряному источнику, купалась там и оправлялась в обратный путь. Фантастика!

Показали в фильме и знаменитого Аркадия Давыдова – можно сказать, легенду Джилы-Су. Бывший воин-«афганец» Аркадий Давыдов в 1995 году в возрасте 35 лет приехал в Джилы-Су умирать. У него врачи обнаружили рак лимфы. Он чувствовал себя очень плохо, почти не мог есть, с трудом ходил. Сам житель Северного Кавказа, Аркадий вспомнил легенды про удивительное место – Джилы-Су. Решил, если уж не поможет, так лучше умереть там, а не в своей постели, став обузой для родных. Он сумел добраться до Джилы-Су, сначала от местной воды его просто мучило, а потом... организм стал понемногу оживать! Уже 22 года живёт Аркадий в пригороде Пятигорска, летом неизменно отправляясь в Джилы-Су. За это время совершил 70 восхождений на Эльбрус. А ведь врачи когда-то давали ему всего лишь последний месяц жизни!

Многие врачи и сейчас не верят в историю Аркадия Давыдова. Хотя схожую историю в Джилы-Су нам рассказывала одна женщина, которой тоже врачи оставляли несколько месяцев жизни. Но уже несколько лет она каждый год приезжает в Джилы-Су...

А врачи считают, что Аркадию Давыдову в своё время неверно поставили диагноз. Ну, не может, мол, излечить от рака вода! А если всё вместе – вода, особый воздух, уникальный микроклимат, полная перестройка организма в этих условиях, радоновая ванна, Серебряный источник? Кто его знает, может, ещё не все чудеса на нашей Земле имеют научное объяснение.

Аркадий Давыдов знает о некотором скепсисе врачей. Он говорит так: «Мне всё равно, что конкретно мне помогло, правильный или неправильный был диагноз. Но я помню, что тогда реально умирал. Больше двадцати лет прошло, и я сейчас живу и прекрасно себя чувствую. И этим я обязан Джилы-Су!».

Несколько лет назад я с друзьями побывал в этом легендарном месте. Две недели мы прожили в палатках, пищу готовили на костре и газовой печке, по ночам разные истории рассказывали, песни пели. Собирали

разные дары природы – в Джи́лы-Су, как и во всем Приэльбрусье, полным-полно брусники, разных лекарственных трав и грибов. Пили воду из источников, купались ежедневно в радоновой ванной. Поднимались и к Серебряному источнику. Помню, как один благообразный старичок с окладистой седой бородой, очень похожий на священника (в плавающих мы все одинаковы), втолковывал молодым парням, что в этот источник надо входить почитательно, не нырять с разбегу – потому что это настоящая святая вода, которую людям даёт Всевышний. А между прочим, и вправду, когда мы в тот раз в Нальчик с гор спустились, было такое ощущение, что силы удвоились!

Так, может, и вправду когда-то давно Зевс и вся его компания на Эльбрусе поселились? А греческий Олимп просто назван так в честь настоящего Олимпа, где боги жили?

Как я познакомился с замечательным псом

Каждый год осенью я хожу в лес за грибами. Опята, волнушки, свинушки, лесные шампиньоны, рядовки. Иногда и подберёзовики находил. Но тот год был какой-то неурожайный на грибы. Третий раз ходил, и в третий раз – полный провал, ни одного гриба. Давно я такого не мог припомнить. Не знаю, может, где-то в других местах грибы были, а мой лес в том году «отдыхал» от грибов. Есть у грибников такое понятие – «лес отдыхает от грибов».

Было бы совсем грустно, но мне настроение поднял один Замечательный пёс, с которым мы поближе познакомились. Недалеко от входа в лес есть ферма, на которой коровок содержат. Есть там и пара собак, которые помогают этих коровок пасти, а заодно охраняют их. И в тот раз, когда я один пошёл в лес, ко мне подбежали эти две собаки, белая и чёрная, поздоровались, пару раз обежали меня вокруг, а потом чёрная собака побежала домой на ферму, а белая почему-то решила сопровождать меня и дальше. Я думал, что только до входа в лес, но я ошибся! Она пошла со мной и дальше. Не знаю, то ли ей было просто скучно, коровки ведь уже ушли на выпас, и до вечера собака была совершенно свободна! А может, она решила охранять меня в лесу.

Как бы там ни было, факт в том, что часа три мы по лесу ходили в поисках грибов вместе. Собака оказалась молодым задорным кобелем, наверняка у неё есть какое-то имя, но я его не знаю, поэтому я его стал называть просто Замечательным псом. Он легко и быстро пересекал овраги и взбегал на пригорки, можно было только позавидовать. Порой терялся из виду, и я думал, что ему надоел мой не столь торопливый темп, но пёс вновь и вновь возвращался ко мне. Когда я присаживался передохнуть на какой-нибудь пенёк, Замечательный пёс прибежал и садился или ложился рядом. Я с ним разговаривал, сетовал на полное отсутствие грибов. Я вообще-то понимаю язык птиц и зверей, а они понимают меня. Он со мной

соглашался, говорил, что с грибами как-то в этом году действительно негусто, хотя ему, собственно говоря, всё равно, потому что он грибов не ест. Но он знает, что людям почему-то грибы нравятся.

Замечательный пёс оказался в душе романтиком. На моих перекурах он задирает голову вверх, рассматривал кроны деревьев, наблюдал за птицами. Я решил его сфотографировать, и мне показалось, что он даже слегка попозировал. Хотел вместе с ним в обнимку сфотографироваться, держа мобильник в вытянутой руке, но такого элфи он не захотел. В одном месте он меня просто рассмешил, когда, как заправский акробат, пробежал по поваленному дереву, словно по гимнастическому бревну.

А вот интересно, можно ли адресовать собаку на поиск грибов? Научить её отличать съедобные грибы по виду и запаху. Охота на дичь с собакой общеизвестна, а вот грибная «тихая охота» с собакой – это уже что-то новое и необычное!

Близилось время обеда, грибов так и не наблюдалось, орехов тоже было мало, и я уже стал подыскивать место для глобального привала с костерком и трапезой на лоне природы. Я уже решил, что обедать мы тоже будем вместе. У меня с собой в рюкзаке были охотничьи колбаски для жарения на углях, консервная банка гречневой каши с мясом (в разогретом возле костра виде очень даже ничего), варёная картошка, обжаренные с чесноком и майонезом ломтики баклажанов. Думаю, что от колбасы, по крайней мере, он бы не отказался. Но, видимо, Замечательный пёс проголодался раньше меня и решил обедать дома на ферме. Тут-то он меня и покинул. А может, он как-то разгадал мои намерения насчёт трапезы и решил из деликатности удалиться? Я и этому не удивлюсь, уж больно умный и вежливый пёс! Был бы у меня частный дом, пригласил бы его к себе жить. Впрочем, у него свой хозяин есть, который бы в этом случае обиделся и расстроился.

Ну, а я нашёл подходящее место для привала, развёл небольшой костёр, благо сушняка там полным-полно, пообедал и стал выбираться из леса по направлению к дому. Пустой рюкзак за плечами и слегка гудящие ноги навевали такие мысли – видел бы меня кто-нибудь со стороны, решил бы, что этот человек сумасшедший! А кто ещё будет с вечера готовить рюкзак, с утра ехать чёрт знает куда, потом идти чёрт знает сколько до леса, и всё ради того, чтобы потом карабкаться по пригоркам, спускаться в овраги, хватать репейники на одежду – то есть практически издеваться над собой?! Утешает только то, что такие самоистязания, говорят, очень полезны для здоровья. И охотничьи колбаски, пожаренные на углях с дымком, вкуснее приготовленных на масле на сковородке. Замечательный пёс, наверное, в этом бы со мной согласился.

Кеша гадает, а победа будет за нами!

Нальчикский центральный рынок по шумности, суетливости,

благоуханию всевозможных пряностей, возможно, уступает знаменитым восточным базарам, пока не так воспет юмористами и сатириками, как одесский Привоз. Но у него, безусловно, есть свой неповторимый колорит, который создают наши неунывающие люди.

Ведь базар – это не только ряды прилавков, по разные стороны которых происходит купля-продажа, но и место свободного непринуждённого общения людей. Согласитесь, что даже отчаянный возглас продавца вслед уходящему потенциальному покупателю: «Куда же вы, а поторговаться?» – звучит как призыв к продолжению оживлённого диалога. Здесь, на базаре, можно и российские деньги при необходимости быстро поменять на конвертируемые нероссийские. Было время, когда азартные люди безуспешно пытались обхитрить изредка появлявшихся здесь «напёрсточников», быстро прекращавших свой игровой бизнес, едва завидев полицейскую (тогда ещё милицейскую) форму. А кто-то на базаре даже пытался и судьбу свою узнать. Помните: «Кеша гадает, гадает Кеша!» Попугай Кеша на плече у цыганки вытаскивал клювом из кепки записочки с предсказаниями судьбы.

И ведь, что удивительно – находились клиенты и у напёрсточников, и у ворожей с Кешей. Ушли в прошлое напёрсточники, не выдержав конкуренции сначала с игровыми автоматами, а потом с букмекерскими конторами. Где сейчас тот Кеша – умер ли, ушёл на пенсию или в Африку улетел – история умалчивает. Изменился и сам нальчикский Центральный рынок, который когда-то официально называли Колхозным, а в народе ему потом дали прозвище «Зелёный». Появились павильоны, упорядочили торговлю – чтобы, значит, джинсы продавались отдельно от овощей и фруктов, а те, в свою очередь, не пропитывались запахом рыбы. Но люди, как говорил один значительный персонаж романа «Мастер и Маргарита», остались всё те же, и не лучше, и не хуже. И если не торопиться, а чисто по-нальчикски, не спеша, походить по рядам, прицениваясь к выложенному товару, то и сейчас можно порой увидеть весьма забавные сценки. Хочу поделиться такими личными зарисовками с натуры.

Было это в те времена, когда новых павильонов ещё не было, и на рынке водка рядом с укропом и шоколадными конфетами продавалась. Жаркий солнечный июльский день. На Центральном рынке столицы КБР оживлённо, многолюдно. Внезапно, как это часто бывает в Нальчике в это время года, небо в считанные минуты затягивает чёрными тучами. Начинается сильнейший ливень и, что особенно малопрочно, с мощнейшими порывами ветра. И уже текут бурные, как горные реки, потоки воды, захватывая по пути упавшие яблоки, огурцы, помидоры. Слышится звон разбивающихся бутылок со спиртными напитками, выгибаются в дугу тенты-зонтики. В общем, зрелище апокалиптическое.

Люди поспешили укрыться, кто где мог: в зданиях, под навесами. К счастью, ливень стихает так же быстро, как и начался. Одна женщина решила, что пора покинуть своё убежище под брезентовым тентом. Не заметив этого, хозяйки прилавка, нажимая снизу палками, сбрасывают с крыши навеса воду. Женщину окатывает с ног до головы изрядная масса холодной воды. Легко понять её ярость – стоило ли спасаться от ливня? С тирадами возмущения она набрасывается на торговков. И слышит невозмутимый ответ:

- А мы здесь при чём? Это всё она!
- Кто она?
- Природа!

Своеобразный базарный «Макдональдс» – ряды со стороны улицы Пачева, где торгуют чебуреками, осетинскими пирогами, котлетами и прочими приятными на пустой желудок кавказскими кулинарными шедеврами.

Две женщины – очевидно, повстречавшиеся на рынке подруги – весело беседуют. Заскучавшая за прилавком продавщица вкусных изделий невольно прислушивается к их разговору и вдруг начинает громко кричать, обращаясь к собеседницам: «Женщины, женщины, подойдите сюда, быстрее!» Те в испуге не то что подходят, а подбегают – мало ли, может, случилось что? И тут уже спокойно, с доброжелательной улыбкой продавщица произносит: «Женщины, самсу не хотите покушать?»

Холодный октябрьский день, моросит дождь, близятся сумерки. Продавцы уже начинают разбирать свой товар. У мужчины, торгующего рыбой, на прилавке стоит большая картонная табличка. Думая, что это самописный ценник, подхожу ближе. И читаю: «Сегодня футбол. «Спартак» (Нальчик) – «Кубань» (Краснодар). Все на стадион! Победа будет за нами!»

Нет, что ни говорите, а у нальчикского рынка есть свой шарм!

В номере:

<i>Алим Кешиков</i> (предисловие Л. Маремкуловой). Корни. <i>Гл. из романа</i>	2
<i>Алла Шарипова</i> . Деревья в ауле. <i>Статья</i>	34
<i>Мурадин Ольмезов</i> . <i>Стихи</i>	47
<i>Сакинат Мусукаева</i> . Не думай, что позабыла... <i>Рассказы</i>	58
<i>Джамбулат Кошубаев</i> . <i>Стихи</i>	68
<i>Мурадин Думанов</i> . В Алагирском ущелье. <i>Гл. из романа</i>	76
<i>Борис Свердлов</i> . <i>Стихи</i>	93
<i>Азиза Махиева</i> . Шура. <i>Рассказ</i>	101
Наш семинар. <i>Амина Атмурзаева, Амина Долова</i> . <i>Проза</i>	110
<i>Мажит Гулиев</i> . <i>Стихи</i>	136
<i>Борис Зумакулов</i> . Кавказа верный сын. <i>Статья</i>	139
«Люди должны жить друг для друга...» <i>Статья</i>	142
<i>Зинаида Мальбахова</i> . Достойный своих кумиров. <i>Статья</i>	153
<i>Асият Саракуева</i> . «Случайный» неслучайный человек театра. <i>Статья</i>	164
<i>Светлана Алхасова</i> . Инна Кашежева. Штрихи к портрету. <i>Статья</i>	170
<i>Юрий Тхагазитов</i> . Эльберд Мальбахов. Этический нарратив. <i>Статья</i>	179
<i>Олег Лубан</i> . Три эссе	185

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 28.02.2024. Подписано к печати 05.04.2024.
Выход в свет 23.04.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 940 экз. Заказ № 747. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 46,45 руб., за 6 мес. – 139,35 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-28-49,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: smikbr.ru/lkb

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с
электронной версией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не ре-
цензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических
статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы
сами несут ответственность за достоверность своих материалов.
Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на
русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную
Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме,
не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением
личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспорт-
ные данные, номер контактного телефона, адрес электронной почты).*

В Нальчике издан «Календарь знаменательных и памятных дат Кабардино-Балкарской Республики на 2024 год», подготовленный Архивной службой КБР.

Выпуск этого года очень удачно соблюдает баланс – здесь на высоком уровне и качественная печать, и насыщенность информацией и историческими фактами. Ежегодник содержит фотографии и документы архивных фондов управления Центрального государственного архива и управления центра документации новейшей истории Архивной службы КБР. На страницах издания можно увидеть юбилеи государственных, военных и общественных деятелей, видных представителей науки, искусства, просвещения и многие другие моменты из летописи Кабардино-Балкарской Республики.

В качестве вспомогательной базы использовались сведения из справочной литературы, выпущенной ИГИ КБНЦ РАН, а также из средств массовой информации, учреждённых органами государственной власти республики. Планируется ежемесячная публикация страниц календаря в электронном формате.

Подготовка и выпуск календарей не являются прямой обязанностью архивной службы – просто здесь работают неравнодушные и профессиональные люди, которые наряду со своими прямыми обязанностями делают что-то ещё, чтобы этот мир стал немного лучше.

Праздничный концерт в Музыкальном театре, посвященный «Году семьи»

